

Елена Филанова

Впусти меня
в своё сердце

Annotation

Руслан: полтора года назад я потерял всё. Мой брат близнец умер от аллергии на наркоз при операции. Когда я узнал об этом, не смог совладать с собою, это как половину тебя отняли. Больно до сих пор. Жить тогда совсем не хотелось, наверное поэтому сел пьяный за руль и доехал до первого столба. Но по словам моих родителей "Этот сволочь оказался живучим". Меня спасли и откачали от анафилактического шока после наркоза. Родители отвернулись от меня, так как не могли видеть мою физианомию, напоминающую о брате. Эти полтора года были адом для меня, но я пережил их и встал на ноги после травмы позвоночника, но неожиданно начались осложнения...

Марина: я устроилась работать в реабилитационный центр и попала ассистентом на операцию, которую делали парню без наркоза и анестезии. Я думала поседею с ним.

Руслан.

Вот надо было упасть на спину. Ну почему всегда где тонко там и рвётся как говорят. Знаю прекрасно, что надо беречь спину, но поскользнулся и не сгруппировался. Удар пришёлся как раз на поясницу, где был перелом. Аж искры из глаз посыпались.

Не хотел показать вида насколько мне больно при Лине. Зацепила чем-то девчонка. Наверное, своим отношением к парню в инвалидном кресле. Она совсем не замечала этого, не делала разграничений и не считала его каким-то не таким. Я честно первый раз с этим сталкиваюсь.

Так вот, стараясь быстрее встать, несмотря на стреляющую боль, делаю вид, что всё хорошо и хромаю в квартиру Никиты, моего брата близнеца. Его не стало полтора года назад, не перенёс операции. У меня как выяснилось тоже непереносимость наркоза и анестезии любой.

Поэтому страшно до чёртиков идти на операцию без наркоза. Но без неё никак. Я и так откладывал её очень долго, а сегодняшнее моё падение ещё и усугубило всё. Нерв зажало при переломе позвоночника, а теперь он даёт о себе знать.

Да за полтора года из неподвижной амёбы, которой я был после аварии, меня превратили почти в нормального человека, способного ходить. так страшно было остаться в кресле навсегда.

Конечно я сам виноват в той глупости, что случилась со мною, но по-другому тогда я не смог поступить.

После того, как узнал, что брата больше нет, меня словно расчленили и забрали половину тела и души. Жить тогда совсем не хотелось и я решил покончить со всем разом. Напился в хлам, сел за руль и въехал в первый же столб на скорости.

Собирали меня по кусочкам почти, но самое страшное, что во время операции у меня начался анафилактический шок на наркоз и меня откачали...

Я пробыл без сознания неделю, а когда очнулся, думал меня трактор переехал. Болело всё тело, дышать практически не получалось без боли и каждое движение просто трэш.

Я услышал разговор родителей из-за приоткрытой двери. Врач говорил им о моём плачевном состоянии, но реакция отца «Этот сволочь оказался живучим» покорила просто. Я не был их любимчиком, скорее на оборот. Никита был всегда лучшим и любимым, даже когда он получил травму в скалолазке его буквально носили на руках. Я не был против, я и сам люблю его очень до сих пор...

Но я ведь тоже ваш сын...

Помню мать тогда зашла на пять минут, поревела, сказала, что я полный дурак и идиот творить такое. Но при взгляде на меня я понимал, что она видит Никиту от этого плачет ещё горче.

Отец вывел её, после чего зашёл и сказал мне, что меня для них больше нет. Мой поступок не может быть оправдан и да им больно видеть меня, потому, что я не Никита. Он бы никогда так не сделал. А я недоумок каким был всегда для них.

Было очень больно осознавать это потом.

Моя девушка Янка пришла ко мне в больницу через пару дней после родителей и сообщила, что уже не моя. Не ходячая амёба ей оказалась не нужна и она решила добить

меня своим решением.

Через неделю, проведённую в больнице мне самому уже не хотелось жить. Я не мог шевелиться без боли. Ходил под себя не вставал и вообще впал в отчаяние какое-то.

Однажды ко мне в палату зашёл психолог. Долго промывал мозг и боролся с моей депрессией, но это не очень-то помогало.

Через месяц ко мне подселили соседа в палату. Тот весь переломанный на растяжке, мог только разговаривать.

Так мы познакомились с Валеркой. Он так первый раз на сноуборде проехался с горы.

Ещё хочет, понравилось ему, оптимист.

Так мы с Валеркой и восстанавливались потихоньку помогая друг другу.

Через семь месяцев меня выписали из больницы в инвалидном кресле. К тому моменту мне очень хотелось встать из него, чего бы мен это не стоило. Нашёл лучший реабилитационный центр в городе и отправился туда.

Полгода усердных тренировок, боли и пота дали результат я пошёл, хоть и хромая из-за нерва, но пошёл.

Таким счастливым как в тот день я, наверное, никогда не был.

Но нормально ходить всё же е получалось и мне рекомендовали операцию в центре.

Страшно до чёртиков, но после падения ходить почти невозможно...

Глава 1

Марина.

Сегодня мой первый день работы в реабилитационном центре, самом лучшем в нашем городе. Я так давно хотела туда попасть и вот дождалась.

Стараюсь не опоздать в первый же день работы и прихожу впритык.

— Марин, давай переодевайся, у нас операция начнётся через двадцать минут — говорит мне Татьяна, она медсестра в центре.

— Меня сразу на операцию? — я удивлена, конечно.

— Да будешь вторым ассистентом, так Пётр Семёнович сказал, так что поторапливайся, идём.

Она провожает меня до комнаты персонала, где выдаёт мне одежду на операцию и карту пациента, чтобы ознакомилась.

Конечно, я присутствовала на операциях до этого, но не ожидала, что меня в первый же день поставят. Боевое крещение, наверное.

Переодеваюсь в выданный костюм и беру карту в руки.

Каримов Руслан Григорьевич, тридцать один год. Предстоит микродискэктомия и удаление межпозвонковой грыжи и освобождение седалищного нерва. Фух, не такая уж и сложная операция. Татьяна своим серьёзным настроением немного напугала. Но на таких операциях я была, и они довольно быстрые по времени. Мою руки и одеваю перчатки, чтобы всё проверить по готовности к операции.

Прохожу в операционную. Осматриваюсь.

Здесь прохладно, наверное, так должно быть. Осматриваю инструмент, освещение, проверяю все принадлежности. Всё на своих местах и готово к применению.

Дверь в операционную раскрывается и заходит Пётр Семёнович, Татьяна и ещё одна девушка.

— О вот и наша новая помощница, Мариночка — говорит приветливо Пётр Семёнович.

— Здравствуйте — немного смущаюсь под пристальным взглядом всех.

— Это Даша, мой первый ассистент, а ты будешь на подхвате.

— Хорошо — соглашаюсь.

— Историю болезни изучила? — хитро прищуривается Пётр Семёнович.

— Да, я была на подобных операциях в районной больнице.

— Хорошо, посмотрим — он обошёл стол.

— Я всё проверила и инструменты... — начинаю я.

— Уже, ну ты шустра.

Вспоминаю, что надо поменять перчатки и тщательно обеззаразить руки, хотя я кроме дверных ручек и лампы ничего здесь не трогала.

— Я руки обработаю — захожу за ширму.

Тщательно отмываю руки, обрабатываю, и одеваю перчатки.

Выхожу из-за ширмы и вижу, что пациента уже привезли, и он лежит на столе, на боку. Интересно где анестезиолог?

Через шапочку видно, что парень светленький, симпатичный и очень зажатый. Встречаюсь с ним взглядом. В его глазах, страх и ужас. Так обычно бывает, люди боятся неизвестности, некоторые боли. Глаза парня ярко голубые и блестят от паники. Он так

боится?

Захотелось поддержать его, но в этот момент Таня привязывает парня за бёдра и проверяет, крепко ли завязки держат парня. Но ведь это можно сделать пока он будет спать. Он и так в панике.

Таня начинает обрабатывать обеззараживающим раствором его спину. Парень вздрагивает и прикрывает глаза.

Да где же анестезиолог.

— Ну, что Руслан постарайся расслабиться, от того насколько ты будешь расслаблен зависит удачный исход операции, ты же понимаешь.

— Да — глухо сказал парень, а я ничего не поняла.

Меня окутал ужас когда Пётр Семёнович потянулся за скальпелем.

— А анестезия? — не смогла удержаться от вопроса.

— Вы читали карту — Пётр Семёнович строго посмотрел на меня.

Я кивнула.

— Плохо читали значит, не будет её — он взял в руки скальпель, а я просто офигела от происходящего.

Парень зажмурился и тихо простонал, когда кожи коснулся холодный металл. Он же всё чувствует, он же не спит!!!!

— Расслабься Руслан! — говорит резко Пётр Семёнович и начал раскрывать разрез.

Парень вскрикнул.

— Руслан, я не могу так работать, расслабься.

Легко ему говорить.

Не выдерживаю и подхожу к парню, от меня сейчас и так мало толка.

Он вцепился пальцами в край стола, костяшки пальцев стали белыми, дышал рывками, в уголках глаз блестели слёзы.

— Дыши, глубже — говорю ему и кладу руку поверх его.

Он перевёл взгляд на меня, я присела на корточки, чтобы он не поворачивая головы видел меня. Он отпустил край стола, а я сжала его пальцы.

— Дыши со мною по счёту. Раз, глубокий вдох, глубже, пожалуйста, давай.

Парень послушался и вдохнул спокойнее.

— Два выдох такой же долгий.

Пока ненадолго удалось отвлечь парня, и он немного успокоился.

Я замечаю, что Пётр Семёнович продолжает и парень вскрикивает опять.

— Тише — придерживаю его за плечо — сосредоточься на дыхании дыши со мною, давай, вдох, медленный, давай.

Парень зажмуривается и пытается вдохнуть, в этот момент Пётр Семёнович, похоже, добрался до грыжи, парень дёрнулся и сильно сжал мои пальцы, громко вскрикнул.

— Руслан, ты что творишь, лежи смирно и не шевелись, ты же понимаешь последствия!

Парень кивнул и тихо застонал.

— Дыши, поехали раз, глубоко и медленно, пожалуйста — тихонько поглаживаю его по плечу.

Он так и не разжимает мои пальцы, медленно вдыхает.

— Вот так, теперь выдыхай медленно, считай до трёх четырёх — начинаю его отвлекать.

Но он опять вскрикивает, и жмуриться, забывая дышать.

— Вдох, давай, мой хороший, ещё немного — уговариваю его, и он медленно вдыхает.

— Марин, держи его крепче за плечи, иначе сдвинет всё сейчас нам.

Пытаюсь удержать парня на одном месте за плечи, знаю, что не очень удобно и не гигиенично, но мне нужно его максимально обездвигать. Наклоняюсь к нему и прикасаюсь к его щеке своей, тихо говорю ему на ухо.

— Не двигайся, пожалуйста, я знаю больно, кричи, но не двигайся, пожалуйста — сама немного придавливаю его, чтобы ограничить его движения.

В какой-то момент он вздрагивает, а затем кричит сильно, громко, так надрывно.

— Молодец — говорю ему, когда он замолкает или у него сорвало голос.

Не поднимаюсь от него, вдруг дёрнется.

— Дыши, солнышко, давай.

Он делает короткий вдох и быстрый выдох.

— Медленнее на счёт три давай, раз, два три, вот так умничка — хвалю его, потому, что парень держится из последних сил.

— Почти всё Руслан, потерпи чуть- чуть, Марин, держи его.

Прикасаюсь к его лицу второй раз как-то неудобно, поэтому крепче держу его за плечи не давая двигаться.

Парень стонет, сильно.

— Дыши — напоминаю ему — медленно, давай.

Парень слушается и медленно вдыхает.

— Молодец, вот так уже почти всё.

— Да почти осталось зашить — слышу Петра Семёновича и немного выдыхаю сама.

Такого в моей жизни ещё не было.

Парень под руками немного расслабляется и начинает сам дышать глубоко.

— Ты молодец — говорю ему.

— Всё, Руслан, мы закончили. Я думал, будет хуже, но ты справился — говорит Пётр Семёнович.

Я отпускаю плечо парня, а он мою руку нет, держит в своей большой ладони, зажмурился и тихо выдохнул.

Татьяна клеивает ему спину.

— Всё хорошо — легонько глажу его по плечу, и парень открывает глаза — ты справился.

Он переводит взгляд на руки и тихонько разжимает ладонь, выпуская мои пальцы.

— Спасибо — говорит тихо и очень хрипло.

— Не за что, ты молодец.

— Так всё Сергей, Максим, переложите его на каталку и в палату — говорит Пётр Семёнович.

Я отхожу от стола, пропуская санитаров. Парень, не переставая смотрит на меня.

Вспоминаю про лёд. Обычно на шов кладут лёд, да и ему легче будет. Санитары не очень аккуратно перекладывают парня на каталку, от чего он стонет сильно.

— Аккуратнее — говорю им и подхожу к парню.

— Ничего же не чувствует — говорит один из них.

А у меня сердце сжимается от того, что он всё чувствовал и как только перенёс всё это.

— Глянь, в какую его палату — говорит один из санитаров и идёт к столу с бумагами.

— Потерпи немного — говорю парню и замечаю, что его начинает трясти.

Болевой шок?

— Дыши, слышишь — тихонько глажу по плечу и укрываю его простынёй — не забывай, это скоро пройдёт, всё уже позади — поправляю простынь у него на плечах.

Он так проникновенно смотрит на меня.

— В шестую его, поехали — говорит один из санитаров и они резко дёргая каталку вывозят его. Ему же сейчас каждое движение с болью.

Вспоминаю про лёд, хватаю его и хочу пойти следом, но меня окрикивает Пётр Семёнович.

— Марина, переодевайтесь и зайдите ко мне — говорит мне он и выходит из операционной.

— Хорошо — говорю ему в спину.

Отлично Зотова! Ты уволена в первый же день работы! Так облажаться просто не реально! Ну почему я нормально его историю болезни не прочитала!

Подхожу к столу и беру карту Руслана. Пролистываю, но ничего о том, что операция без анестезии не нахожу. Меня кто-то хотел подставить?

Марина.

Пытаюсь немного успокоиться после всего пережитого и переодеваюсь. Возвращаюсь в операционную за льдом и картой Руслана, чтобы доказать Петру Семёновичу, что там ничего не сказано про анестезию. Лёд для Руслана естественно никто не забрал, а вот карты его на месте я уже не нахожу. Вот же дура, всё с собою надо было забирать.

Прихватив лёд, иду к Петру Семёновичу в кабинет.

Открываю дверь, а его нет на месте. Отлично.

— Не стесняйся, проходи — вздрагиваю от голоса за спиной.

Оборачиваюсь и пропускаю вперёд Петра Семёновича. У него в руках карта Руслана.

— А лёд зачем? Думаешь, пороть тебя буду за сегодняшнюю оплошность? — присаживается он в кресло.

— В карте нет ни слова об отсутствии анестезии! — взрываюсь я.

— Он аллергик! У него уже был анафилактический — откачали! Ты второго хочешь?

— Но в карте нет ни слова об этом — пытаюсь его убедить.

— Ты последнюю страницу читала? — раскрывает передо мною карту Руслана в которой вклеены новые страницы.

— Этого не было в моей карте!

— Теперь ты на Танюшу будешь наговаривать! Перестань, просто признайся в своей профнепригодности! Так и быть оставлю тебя в помощниках.

— Какой профнепригодности! Я Вам говорю, что в операционной была другая карта!

Выхватываю из его рук карту Руслана и оттягиваю новые странички. На моё счастье клей ещё не совсем высох и они начали отходить.

— Видите, их недавно вклеили! Их не было!

Он хмурится, и забирает у меня карту.

— Странно — он убеждается в моей правоте — и кому это нужно было.

— Я не знаю, я первый день у Вас работаю.

— Хорошо. Извините Марина. Понаблюдайте за Каримовым. Он ваш первый пациент — он пролистывает карточку, убеждаясь, что все листы на месте — ему фактически сейчас ничего нельзя, никак не обезболить.

— Я поняла уже. Вот как раз лёд и прихватила.

— Ах, да мы же про него забыли.

— Я могу идти?

— Да, конечно. Все назначения я буду вносить в его карту.

— Тогда передавайте мне её лично в руки, иначе я буду пренебрегать вашими назначениями.

— Я понял, оставьте тогда мне его карту, а завтра с утра зайдёте за ней.

— Хорошо — отдаю ему карту и выхожу из кабинета.

Так интересно кому это я в первый же день перешла дорогу?

Подхожу на пост к Татьяне. Она какая-то нервная, дёрганная.

— Тань, а Каримов в какой палате? — спрашиваю.

— В шестой, а что? — отчего-то краснеет она.

— Объяснишь как пройти.

— Зачем тебе? — удивляется и смотрит на лёд в моих руках — ой, я забыла совсем, про него, давай я ему отнесу — тянет руки ко льду.

— Я сама, Пётр Семёнович мне поручил его вести, так, что, рассказывай, где у вас палата номер шесть.

Он поджала губы, словно это ей совсем не нравилось.

— Прямо по коридору лифт, на первый этаж, там как выйдешь, идёшь прямо до лестницы. Палата напротив лестницы.

Квест прям какой-то.

— Хорошо, спасибо — разворачиваюсь и иду к лифту.

Странное какое-то поведение у Тани, но чем я могла ей насолить в первый же день, не понимаю.

Выхожу из лифта и иду, иду, наконец-то нахожу эту лестницу. Зачем его так далеко положили.

Из как оказалось шестой палаты выбегает девушка со звонящим телефоном в руке.

Это его девушка? И почему она так спешила его оставить, ведь сейчас ему очень нужна поддержка.

Да, ладно сами разберутся.

Выдыхаю и открываю дверь в палату номер шесть.

Руслан.

Никогда не думал, что боль может быть настолько сильной и всепоглощающей. Я очень боялся операции.

Когда она началась я пытался следовать указаниям Петра Семёновича, но расслабляться, совсем не выходило.

Ощущения, когда в твоём нутре ковыряются те ещё. Но когда меня за руку взяла девушка врач, я ничего не видел кроме её глаз. Её лицо скрывала маска, но её карие глаза, большие выразительные и добрые я не забуду никогда.

Она отвлекала меня в самые болезненные моменты, говорила мне, как дышать, чтобы было легче. В какой-то момент она прикоснулась ко мне щекой, и я вдохнул её еле уловимый цветочный аромат, очень приятный. От её прикосновения стало очень тепло и приятно где-то в груди, но потом последовала очень сильная боль, словно в мою поясницу, вогнали штырь и вертят им в разные стороны. Я только услышал её «кричи» и не смог сдержаться, кричал, пока не сел мой голос. Она не отпускала, и я благодарен ей за это. Она словно делила со мною часть боли, что сводила с ума.

Я не сразу понял, когда всё закончилось...

Она сказала «молодец» и отстранилась, а я понял, что всё ещё держу её за руку и не могу, не хочу отпускать. Со мною давно такого не было. Её маленькая тёплая ладошка тонула в моей. Я понял, что туплю и заставил себя разжать ладонь.

Она исчезла из поля зрения, а меня начало окатывать волнами то холода, то жара. Тело не слушалось и стало ватным, в голове шумело, и я прикрыл глаза.

Меня переложили на каталку. От каждого движения простреливало позвоночник, аж искры из глаз сыпались. Стало очень холодно.

Где-то вдалеке мне показалось, что слышу знакомый голос Лины. Может меня просто глючит.

Меня привозят в палату и перекладывают на кровать. Кладут на спину.

Вскрикиваю от боли, не сдержавшись.

Меня поворачивают на бок и укрывают простынёй. Блин ну хотя бы одеялом укрыли бы. Не могу пошевелиться и согреться тоже.

— Руслан — слышу Лину и разлепляю веки.

От холода трясёт аж. Наверное с Димкой пришла.

Лина такая растерянная смотрит на меня.

— Что с тобой? — её голос дрогнул.

Не могу пошевелиться, мне кажется, если рот открою, оттуда кроме стоны ничего членораздельного сказать не выйдет.

— Кто вы? И что тут делаете? — узнаю голос Петра Семёновича за спиной, но от неожиданности вздрагиваю, что отдаётся по всему позвоночнику, блин.

— Я знакомая. Что с ним? — поражается Лина.

Я бы объяснил, но нет сил, разговаривать сейчас.

— Знакомая. Должна знать! — отвечает в своей манере Пётр Семёнович.

Он вообще редко с кем церемонится, наверное с нами так и надо иначе на ноги не встанем.

— Всё, Руслан — ощущаю его прикосновение к плечу и хочу повернуть голову, но боль простреливает, не могу. — Ты молодец, потерпи ещё немного. Это того стоило.

Надеюсь... Теперь буду ходить без проблем, только пережить надо этот период боли, только и всего.

— Знакомая? — спрашивает Пётр Семёнович, хитро прищуриваясь.

Киваю, опять забывшись.

— Понятно. Пойдём, поговорим, знакомая.

Пётр Семёнович уводит Лину. Только не ругайте её за незнание. Ведь это не её проблемы и она вообще случайная знакомая, которой почему-то не всё равно на меня как всем остальным.

Обидно, что отец даже не увидел того момента когда я встал на ноги, хотя о чём я ведь он пожалел тогда, что меня откачали...

Слышу, в палату кто-то заходит. Перед глазами возникает Лина, она присела около кровати.

— Держись — тихонько касается моих пальцев — пальцами шевелишь без боли? — растерянно спрашивает.

Что ей наплёл Пётр Семёнович.

Не могу не улыбнуться её растерянности.

— Хорошо — сжимает мои пальцы.

Её ладошка такая тёплая, не хочу отпускать, хочу ещё немного погреться и сжимаю маленькие пальчики. Они похоже на ту, что помогала мне сегодня пережить всё это, но не те...

Немного клонит в сон, и прикрываю глаза.

— Тебе, наверное надо поспать после всего — говорит Лина тихо и я соглашаюсь с ней, правда молча.

Ощущаю едва заметные прикосновения к голове, она тихо поглаживает. Поглаживает? Ко мне никто не прикасался так давно, наверное из-за этого мозг поплыл и начал расслабляться, что-ли, а я проваливаться куда-то где нет боли, где тепло и хорошо и Ник, улыбающийся сидит на зелёной лужайке. Как давно я его не видел...

Слышу резкую трель и открываю глаза, вздрагиваю от неожиданности и позвоночник простреливает такой болью, аж слёзы наворачиваются, пытаюсь немного выдохнуть, как учила меня та девушка в операционной.

— Прости, мне пора, держись — протараторила Лина и поддерживающе сжала мои пальцы.

Я что уснул, а она всё это время была здесь? Её телефон разрывается трелью.

— Спасибо — язык наконец-то поддался, и мне удалось хоть что-то сказать. Отпускаю её тёплую ладонь, и она выскакивает из палаты.

Странно что-то давно забытое и похороненное на дне души, вдруг даёт о себе знать. Отчего-то особенно остро сейчас ощущаю своё одиночество. У меня никого нет, ни друзей ни родных, ни девушки. До этого момента меня всё устраивало, но сейчас, отчего-то хочется, чтобы кто-то был рядом, взял тебя за руку и не отпускал. Кто-то родной.

Ой что-то я стал сентиментальным слишком. Выдыхаю и прикрываю глаза, опять становиться холодно очень, прижимаю руки к груди они тёплые вроде бы, странно, что со мною вообще...

Марина.

В палате Руслан лежит один. Он отвёрнут от входа, лежит на боку и укрыт почему-то простынёй, а не одеялом. Его трясёт всего. Он замёрз? Обхожу его и присаживаюсь перед ним, чтобы он не поворачивал голову ко мне. Он внимательно смотрит на меня. У него очень красивые голубые глаза, очень яркие и такие светлые с небольшими вкраплениями. В них можно утонуть.

Кладу лёд на тумбочку рядом с кроватью.

— Ну как ты? — спрашиваю.

— Холодно — сказал тихо.

А я лёд хотела приложить. Странно почему его не укрыли ведь ему сейчас шевелиться практически нельзя.

— Подожди, сейчас — я поднялась и беру одеяло.

Укрываю его по плечи, и наклоняюсь, тихонько подтыкаю одеяло под спину. Ему бы барьер какой-то сделать, ведь нельзя поворачиваться пока.

Он прижимает руки к груди и прикрывает глаза.

У него случайно не температура поднимается?

Прикладываю ладонь к его лбу, и он распаивает глаза, смотрит на меня с удивлением.

Лоб, слава Богу — не горячий.

— Температуры вроде бы нет — говорю ему — сейчас согреешься.

Он внимательно смотрит на меня, а я не могу оторвать взгляд от его невероятных голубых глаз. Так приплыли, включай мозг Марина.

Надо сделать ему барьер, пытаюсь немного отвлечься от него и обхожу его.

— Спасибо — тихо говорит и чуть касается моей руки, его пальцы просто ледяные.

Останавливаюсь и беру его за руку.

— Ты так замёрз — присаживаюсь перед ним и беру его вторую руку.

— Сейчас немного теплее стало — говорит, немного заикаясь, так как его всё ещё потрясывает.

Присаживаюсь около кровати и начинаю растирать его пальцы, чтобы быстрее согрелись.

Он очень удивлённо смотрит на меня. У него очень красивые руки, длинные пальцы, ладони не мягкие, даже чуть грубоватые, словно он работает ими всё время.

Его пальцы стали намного теплее.

— Вот так уже лучше — отпускаю его руки, понимая, что увлеклась этим растиранием, но он так внимательно смотрел на меня, словно сомневался в чём-то.

— Спасибо — сказал немного хрипло.

Наверное, в горле пересохло.

— Ты пить не хочешь? — решила уточнить.

— Хочу — сказал хриловато.

— Подожди, сейчас принесу воды, или чего-то ещё хочешь?

— От горячего чая не отказался бы — уголки его губ поползли вверх.

— Хорошо, сейчас посмотрю, что можно сделать — говорю ему и выхожу из палаты в поисках автоматов с напитками.

Странно, почему-то раньше ни к одному из пациентов не было такой привязанности, как к Руслану. Отчего-то хочется помочь ему, сделать для него хоть что-то, чтобы ему стало лучше. Это, наверное, отходняк от такой его операции сегодня.

И почему его девушка, выбежавшая из палаты, не помогла ему согреться и даже не укрыла его? Да как то странно всё это.

В автомате выбираю воду без газа, чёрный чай без добавок и беру сок ради трубочки, ему же тяжело двигаться сейчас.

Возвращаюсь в палату. Руслана перестало трясти, согрелся наверное.

Ставлю на тумбочку воду и чай. Он пытается приподняться, но тут же морщится и тихо стонет.

— Не двигайся — пресекаю все его попытки — я помогу тебе.

Он рвано выдыхает, в глазах почему-то застыли слёзы. Наверное, сильно больно.

Открываю бутылочку воды и опускаю в неё трубочку от сока. Подношу к его губам.

— Вот так — подаю ему трубочку и он жадно втягивает в себя воду, прикрывая глаза.

Делает три глотка и выпускает трубочку из губ.

— Спасибо — выдыхает с облегчением.

— Как на счёт чая?

— Я согрелся уже пусть постоит. Я потом сам дотянусь до него.

— Хорошо — ставлю бутылочку на тумбочку и вспоминаю про лёд — раз ты согрелся, может приложим лёд к пояснице, он поможет немного расслабиться мышцам и уменьшит отёк. Надо было конечно сразу после операции приложить, но тебя быстро увезли, а когда я вспомнила, Пётр Семёнович меня к себе позвал, поэтому я принесла, как только смогла.

— Давай попробуем — он выдохнул и хотел оттянуть одеяло.

— Я сама, не шевелись пока — беру лёд и наклоняюсь над Русланом Поднимаю одеяло и прикладываю лёд к пояснице, через простыню, он всё же вздрагивает.

Тихонько провожу руками по бокам вдоль позвоночника, его мышцы немного расслабляются.

— Через пол часа уберу не переживай — укрываю его обратно — постарайся расслабиться. Вечером можно будет тихонько двигаться по мере возможности и болевых ощущений.

— Хорошо, спасибо — он наконец-то улыбнулся.

Значит, ему стало легче, это хорошо.

— Постарайся поспать немного, я через полчаса зайду — говорю ему собираюсь уходить.

— Можно чая немного — робко спрашивает.

— Да конечно.

Беру стакан с чаем, опускаю в него трубочку и подношу к его губам. Чай не такой горячий и он не должен обжечься.

Он тихонечко пьёт чай.

— Спасибо — отстраняется.

— Отдыхай, тебе надо восстанавливаться.

Он смотрит так, словно не хочет, чтобы я уходила.

— Если хочешь, могу побыть здесь с тобой.

— А у тебя разве других пациентов нет? — ухмыляется.

— Нет, я вообще первый день здесь работаю и мне доверили только тебя.

— Правда? — удивляется.

— Ага.

И чего это я с ним разоткровенничалась? Наверное, точно пора идти.

— Хочу — говорит тихо и опускает взгляд.

— Что? — не поняла.

— Побудь немного, с тобой как-то спокойнее.

— Боишься Петра Семёновича?

Он засмеялся, но тут же зажмурился и застонал.

— Тише — присаживаюсь на кровать и тихонько глажу его по укрытому плечу.

Он постепенно расслабляется под моими пальцами и выдыхает спокойно. Глаз не открывает, наверняка спать хочет после всего пережитого.

— Поспи — продолжаю его тихонько гладить по плечу и руке, иногда по спине, проверяя, как расслабляются мышцы.

Через пару минут он задышал ровно, засыпает. Сколько же ему пришлось пережить сегодня, бедный парень.

Вроде бы заснул и пора уходить, но боюсь, что когда, поднимусь с кровати, разбужу его. Да и самой уходить от него никуда не хочется почему-то. Разглядываю его. Светленький, чуть вьющиеся волосы, нос прямой, широковатые скулы, пухлые губы, длинные ресницы сейчас трепещут отчего-то. Красивый, особенно его глаза мне очень понравились. От него веет мужественностью, силой, но в то же время мне кажется он очень ранимый, хотя может это только, кажется на первый взгляд. У меня просто давно не было парня, наверное, только и всего. Гормоны, всё это чёртовы гормоны виноваты во всём.

Заставляю себя оторваться от Руслана и тихонько поднимаюсь с кровати. У него есть девушка, куда ты Марина размечталась. Выхожу из палаты, пока окончательно голову от него не потеряла.

Поднимаюсь на пост. Таня на меня смотрит волком.

— Ты где пропала? Пётр Семёнович тебе передал — протягивает мне карту Руслана.

Странно мы же с ним договорились про карту.

— Он у себя? — спрашиваю.

— Нет, уехал полчаса назад. Сказал, завтра его не будет.

Может поэтому он оставил карту у Татьяны.

— Хорошо — забираю карту и иду в ординаторскую.

Располагаюсь в кресле и открываю карту Руслана. Вклеены новые страницы и назначения.

Просматриваю. Обезболивающие, витамины группы Б и антибиотик. Из меня кто-то делает дуру? Придётся пренебречь вашими рекомендациями Пётр Семёнович.

Возвращаюсь к Татьяне.

— Каримов полностью на мне, если увижу хоть кого-то рядом с его палатой, скажу Петру Семёновичу. Он поручил мне его вести понятно! — говорю угрожающе.

— Да — Таня испугано кивает.

Не дай Бог вколют ему хоть что-то из этой карты.

Забираю карту с собою и иду в шестую палату, полчаса уже истекли.

Руслан.

Не могу не быть эгоистом. Мне очень хочется, чтобы она осталась со мною хоть ненадолго. Сам удивляюсь от себя. Вроде бы уже привык, что всё время один, а сейчас возникло странное чувство и не желание отпустить эту девушку, что присела около кровати и смотрит в глаза с такой теплотой, что сердце начинает стучать чаще. Может, просто у меня давно не было девушки? Да такой овощ как я никому не был нужен.

Но когда она взяла меня за руку и стала растирать мои скрюченные от холода пальцы я офонарел просто. Со мною ничего подобного никогда не происходило, она не ладони мои грела, а заставила почувствовать, что то иное, забытое, запрятанное на самое дно моей души.

Наверное, я испытывал это только в детстве, когда бабушка отпаивала меня чаем с малиной во время простуды. Меня тогда первый раз привезли к ней в деревню и оставили на месяц. Была такая снежная зима. Я с таким восторгом покорил тогда все горки в посёлке. Накупался в сугробе, это было нечто, я слепил снеговика. После этого я перестал завидовать Нику, что он с родителями поехал отдыхать в Турцию на новый год. Меня не взяли, так как я плохо учился и закончил четверть с тройками. С бабушкой и дедом было весело, и не привычная деревенская жизнь мне очень понравилась. Но на второй день начались последствия моей прогулки, я заболел и очень сильно. Но вкус чая с малиной не забуду никогда. Да, детство беспечное, такое тёплое и душевное, жаль оно не навсегда. Бабуля мне очень тебя не хватает.

И я решился попросить эту девушку остаться и немного побыть со мною, сведя всё в шутку. Смеюсь, забыв о боли, что простреливает спину. Зажмуриваюсь.

— Тише — слышу её голос, а затем она тихонько прикасается к моему плечу, даря спокойствие и тепло, отвлекая от боли.

Не хочу открывать глаза, потому, что она может увидеть, что сейчас происходит со мною на самом деле, а я не готов к этому и вообще мало, что понимаю сейчас в своих ощущениях. Но отпустить это не хочу, мне приятно и хорошо, когда она рядом. Я даже имени её не знаю, но думаю оно у неё красивое такое же как она сама. Плаваю в какой-то нежной и тёплой неге, которая затягивает меня всё сильнее. Боль отступает, а вместо неё становится так легко, словно я на облаке и снова вижу Ника вдалеке. Окрикиваю его, бегу, но не могу догнать. Кричу, зову его, но он всё дальше и дальше. На душе так скверно становится, страшно и холодно, а ещё больно. Исчезают все краски, и я лечу вниз, в темноту.

— Так просыпаемся — слышу чей-то резкий голос.

Он совсем не её.

Открываю глаза.

Медсестра ставит посудину со шприцем на тумбочку.

— Сейчас поставим пару уколов, и дальше будите спать — говорит она и тянется к одеялу.

— Какие уколы? — голос хрипит после сна.

Мне не должны ничего ставить.

— Какие прописали — улыбается и оттягивает одеяло на бедре.

Странно очень.

— О, вам не убрали лёд — она стягивает его с поясницы и кладёт на тумбочку.

Чувствую запах спирта, и она начинает мне протирать бедро для укола. Внутри паника начинается какая-то.

Марина.

Захожу в палату к Руслану и столбенею. Над ним склонилась медсестра и ставит ему укол.

Ему же ничего нельзя.

— Стоять — ору, наверное, как бешенная, но ничего поделаться с собою не могу.

Слава Богу, она ещё не проткнула кожу.

— Чего? — она поднимает на меня не понимающий взгляд.

— Никаких уколов, ничего — забираю шприц из её рук.

Руслан пытается повернуться, но тут же зажимается и тихо стонет.

— Не шевелись — касаюсь его оголённого бедра и тихонько поглаживаю.

— А ты кто такая? Командовать тут будешь?

— Я его лечащий врач Зотова Марина Алексеевна, с сегодняшнего дня работаю в вашем отделении и Пётр Семёнович поручил мне лечение Каримова.

— Так уколы назначены же — говорит испуганно медсестра.

— Кем? — мне уже самой интересно становится.

— Дарья Валерьевна мне отдала назначения и сказала, что Петру Семёновичу сегодня некогда, и она взяла часть пациентов — оправдывается девушка.

Я понимаю, что она ни в чём не виновата и при Руслане не этично выяснять всё.

Значит Дарья...

— Я понимаю, наверное, произошла накладка, но прошу вас больше без моих назначений ничего ему не ставить. Вот его карта и она находится у меня. Я лично в случае назначений передам её Вам, договорились?

— Хорошо — пробурчала она и взяла у меня из рук и с тумбы приготовленный второй шприц.

Как то не удобно перед ней.

— А подскажите где Ваш пост? — интересуюсь.

— За поворотом — сказала она и направилась на выход из палаты.

Выдыхаю, и пытаюсь успокоиться, слава Богу я успела и она ему ничего не ввела.

Перевожу взгляд на Руслана, он ошарашено смотрит на меня.

Беру одеяло и укрываю его ноги.

— Тебе лёд убрали? — присаживаюсь на край кровати.

— Да она убрала, перед тем как...

— Прости я не знала, что так получится — хочется извиниться, перед ним, ведь зайти я чуть позже случилось бы непоправимое — я вообще в шоке, что тут происходит.

— Ничего, ты же успела — он тепло улыбнулся и легко коснулся моей руки.

— Ведь тебе чуть не поставили обезболивающее, антибиотик или витамин Б — наверное отхожу от шока, но он должен знать, что ему ничего ставить не должны.

Он ошарашено смотрит на меня.

— Я и сам удивился, что она пришла с уколом — говорит тихо.

— Просто знай, что тебе не должны ставить никакие уколы и если такое повторится, не дай Бог — отказывайся.

— Я уже понял. Но обычно такого не было.

— Обычно? — не понимаю его.

— Ну, я давно уже здесь нахожусь, и такого не было — говорит немного растеряно.

Он давно здесь?

— А сколько времени ты здесь? — не удерживаюсь от вопроса.

— Чуть меньше года — тяжело выдыхает.

Ничего себе!

— Что с тобой случилось? — очень хочется узнать.

— Это долгая и не интересная история — болезненно морщится.

Похоже, я нарушаю его личное пространство. Зачем я вообще пристаю к нему с расспросами.

— Прости, я не должна была — пытаюсь хоть как-то оправдать свое неуёмное любопытство.

— Ничего — скромно улыбнулся — и спасибо, что спасла от последствий — он легко погладил меня по руке, отчего мурашки побежали по спине.

— Их и не должно быть. Прости, я вообще уже ничего не понимаю. Как такое вообще могло произойти.

— Ничего, возможно, что-то перепутали — грустно улыбается.

— Перепутали, боюсь даже представить, что с тобою могло случиться после всего.

— Не переживай, всё же обошлось — сжимает мою ладонь в своей и улыбается так тепло.

Обошлось.

Не понимаю чем я Дарье перешла дорогу, ну не ценой же жизни пациента это выяснять.

— Прости ещё раз — мне всё равно неудобно перед ним.

Он так проникновенно смотрит на меня, что тону в его невероятных глазах. Зайди я чуть позже, страшно представить, что было тогда с ним. Становится очень страшно потерять его и больше не видеть эти невероятные глаза напротив.

Руслан.

Наконец-то я узнал имя моей спасительницы в прямом смысле этого слова. Если бы она не остановила медсестру, наверное, сейчас бы уже задышался или душу Богу отдал уже. Марина красивое имя для необычной девушки.

В её глазах читается сожаление и боль что ли. Она так переживала за меня? За последствия, которые могли бы быть? Или всё же она испугалась за меня? Как эгоисту, мне хочется верить в последний вариант, но это маловероятно.

Не могу удержаться и беру её за руку, хочу успокоить, хотя и сам сейчас не в лучшем состоянии. Её маленькая ладошка тонет в моей. Она смущается и скромно улыбается в ответ. Отчего-то на душе теплее становится и спокойнее. За меня никто так не переживал и уже давно.

Янка? Нет. Она всегда была холодна со мною. Это я скорее как параноик всё время хотел рядом быть с ней, ревновал всё время. Одно время даже следил, когда нашёл в её телефоне сообщения от другого мужика. Она отмахнулась, что для неё это просто переписка и ничего более, а меня задело за живое. Правда, уличить её в чём-то мне не удалось. Теперь сам поражаюсь себе, что нашёл в ней? Красивая обложка, а внутри гниль...

— Что-то не так? — карие глаза напротив полны тревоги.

Наверное, на лице отразились все эмоции.

— Всё хорошо — спешу заверить.

Не переживай, пожалуйста.

— Не переживая, я постараюсь тебя оградить от таких вещей, просто меня здесь ещё не все знают.

Оградить? Меня всё больше поражает эта хрупкая девушка.

— Не стоит ругаться в первый же день работы — предупреждаю её, не хочу, чтобы её уволили. Или Пётр Семёнович выговор ей устроил.

— Руслан, я не скандальный человек от слова вообще и ругаться ни с кем не собираюсь, просто хочу разобраться в сложившейся ситуации.

— Ну, перепутали, с кем не бывает — пытаюсь убедить её.

Её взгляд меняется.

— Руслан, а если бы я не успела! Я бы никогда бы не простила бы себе этого!

Всё-таки она переживала за меня, приятно очень, что хоть кому-то до меня есть дело. И не просто кому-то, а очень красивой и доброй девушке.

— Поэтому я хочу разобраться во всём, чтобы этого не повторилось.

— Хорошо, делай, как знаешь — отпускаю её ладонь, я и так позволил себе лишнего.

— Тебе надо отдохнуть, я узнаю, во сколько будет обед и скажу, чтобы тебе принесли. К тому времени можно будет начать приподниматься, но садиться полностью пока нельзя — она встаёт с кровати, а мне не хочется, чтобы она уходила.

Удивляюсь, как за такое короткое время я привязался к человеку и не хочу отпускать. Хотя кто я для неё — просто пациент и у неё наверняка кто-то есть. А я что могу дать ей сейчас? Ничего, кроме как проблем со мною овощем, который ни сидеть, ни стоять, ни ходить без боли не может. Поэтому засунь свои мысли о ней куда подальше, ты только пациент здесь и больше ничего лишнего и личного быть не может.

— Я зайду к тебе в обед, хорошо? — улыбнулась так тепло и погладила по руке, отчего опять сердце подпрыгнуло и побежало.

Зачем ты это всё делаешь, ведь я же не железный?

Марина.

Заставляю себя оторваться от Руслана и выхожу из палаты. Ему нужен отдых, а мне разобраться с тем, что здесь вообще творится.

Ищу пост медсестры. Он оказывается за углом как она и говорила.

Подхожу к посту, девушка поднимает на меня испуганный взгляд. Не хорошо получилось как-то всё.

— Вы извините меня, за резкость. Мне просто стало не по себе от того, что могло бы произойти с Каримовым — решаюсь заговорить первая.

— Ничего — девушка спокойнее выдохнула.

— Как тебя зовут?

— Аня.

— Давай на ты.

— Хорошо — улыбнулась в ответ.

— Просто Каримов аллергик, поэтому у меня была такая реакция.

Глаза девушки расширяются.

— Как? Так если бы я ему... — она в ужасе — но... Дарья Валерьевна мне же дала назначения — она что-то ищет на столе — да куда он делся-то.

Она поднимает стекло на столе и стала перебирать бумажки.

— Нет — разочарованно.

— Ну ничего — пытаюсь её успокоить — главное всё обошлось.

— А если бы нет, у меня даже бумаги не осталось — она прикладывает пальцы к губам в ужасе.

Так не одну меня здесь подставляют?

— Не переживай, назначения все были в карте — открываю ей страницу карты.

— Да это всё и было — она с недоумением смотрит на меня.

— Мне эту карту отдала Татьяна, по просьбе Петра Семёновича — решаю признаться — но, я ей сказала, чтобы ничего из прописанного не ставили, потому, что я ещё не разговаривала с Петром Семёновичем, а эти назначения ему противопоказаны.

— Значит, никто ничего не перепутал? — хмурится недоумённо.

— Получается, что нет. Только пожалуйста без моего ведома не ставь ничего Каримову — прошу её, надеюсь послушает.

— Да я поняла уже и...спасибо, что остановили.

— Мы же на ты, Ань.

— Да — немного растерялась.

— Ничего, благо всё поправимо.

Аня наконец-то улыбнулась и немного успокоилась. Надеюсь, в её лице я не приобрету врага, а то похоже мне здесь не очень рады.

— Ань во сколько обед обычно здесь?

— Через полчаса будет.

— Каримову в палату пусть принесут — прошу её.

— Так он же после операции, ему же нельзя пока — поражает меня она.

— Операция была без наркоза, поэтому ему нужно пообедать.

Аня ошарашенно смотрит на меня.

— Ну, так что?

— Сейчас позвоню в пищеблок — она берёт трубку.

Наверное, мне пора.

— А не подскажешь где Дарью Валерьевну найти?

— Не знаю, в ординаторской может быть. Я давно её не видела. Алло — отвечает в трубку — в шестую палату обед нужен. Да, прямо занести. Ага, ну всё — кладёт трубку — принесут.

— Хорошо, спасибо — благодарю её и направляюсь на поиски Дарьи. Чем же я тебе так насолить то успела?

Поднимаюсь на лифте и иду по коридору. Татьяна на посту.

— Тань, а Дарья Валерьевна не знаешь где сейчас?

— Ой, а она ушла чуть раньше на обед, отпросилась.

У кого? Петра Семёновича нет.

— Но после обеда она вернётся, что то передать — так заискивающе смотрит, аж, противно становится.

Передала бы я ей, а потом повторила бы.

— Нет, сама потом найду — и придушу.

— А всё хорошо? — с чего это она интересуется у меня.

— Всё отлично Тань — отхожу от поста и направляюсь в ординаторскую.

Прохожу, закрывая за собою дверь. На столе Петра Семёновича всё перевероршено. Не поняла, его же нет сегодня. И когда я выходила отсюда, на столе всё было в порядке.

Руслан.

Марина исчезает из вида, а мне не хочется её отпускать. Поворачиваюсь, забывая о боли, которая спешит напомнить о себе. Уже не вижу, а слышу, как дверь в палату закрывается за Мариной. Она обещала вернуться.

Прикрываю глаза, и пытаюсь, хоть немного расслабиться.

Перед глазами возникает Марина, она улыбается, её улыбка очень тёплая и солнечная, аж самому улыбаться хочется в ответ. Хотелось бы увидеть её настоящую улыбку. О чём это я опять? Для неё я просто пациент и ничего большего...

Незаметно проваливаюсь в сон.

— Так обед — слышу чей-то командный голос и вздрагиваю.

Слышу грохот, а потом перед глазами возникает тележка с едой от которой разносится запах съестного по всей палате. Желудок заурчал, а во рту начала скапливаться слюна. Хочется есть очень.

— Первое, второе и компот — ставит на тумбочку две тарелки и стакан женщина с очень грубыми чертами лица. Я бы сказал мужеподобная под стать с голосом.

— Спасибо — благодарю её.

— Приятного аппетита — она отходит от тумбочки, и выходит из палаты так же шумно вывозя тележку.

Есть хочется очень и ждать Марину, нет сил.

Пытаюсь приподняться на локте, боль простреливает позвоночник, аж искры из глаз.

— М — не могу сдержать стон.

— Руслан — слышу встревоженный голос Марины.

Но раскрыть глаза не получается очень больно спину

— Тихонько ложись обратно — прохладные пальчики чуть нажимают на мои плечи.

Подчиняюсь ей и опускаюсь обратно, выдыхаю, как же больно-то.

— Где корсет? — спрашивает строго.

— В ящике — тяну руку ко второму.

Она открывает. Там чего только нет, вплоть до туалетной бумаги, я не особо вещи раскладывал сегодня.

Она достаёт корсет.

— Давай-ка сначала оденем, а потом попробуешь пошевелиться, ладно?

— Хорошо.

Стягиваю одеяло на бёдра, блин я и забыл, что раздет полностью, надеюсь, она не заметит насколько мне сейчас неловко.

— Я положу под поясницу — она наклоняется надо мною — теперь можешь тихонько поворачиваться на спину — прикасается к моему плечу, поддерживая.

Да с ней как-то всё спокойнее происходит. Перекатываюсь на спину, Марина придерживает, а потом затягивает корсет на животе. Не так больно как ожидал. Смотрю на неё, серьёзная такая, поджимает губы и закрепляет стягивающие. Залипаю отчего-то на её губах.

— Вот теперь можно немного шевелиться, надеюсь, твой подъём обойдётся без последствий.

— Я не знал, и есть хотелось — зачем-то оправдываюсь.

— Понятно. Так садиться полностью нельзя, можно чуть приподняться. Нужно что-то подложить под спину- она осматривает палату — я возьму подушки.

Она собирает подушки с двух кроватей и кладёт их на край кровати.

— Я помогу тебе немного приподняться и положу подушки под плечи, чтобы тебе было удобнее.

Она наклоняется ко мне ближе, её волосы щекочут мне щёку, непроизвольно втягиваю еле заметный цветочный аромат, который будоражит отчего-то.

Марина подхватывает меня подмышками и притягивает к себе, возникло ощущение, что она обняла меня, и что-то давно забытое, щемяще приятное заскреблось в груди, аж прикрываю глаза, чтобы она не заметила тех, чувств, что царят в моей душе сейчас.

— Потерпи немного, сейчас — она говорит мне на ухо и протягивает подушки у меня за спиной, вырывая из блаженного рая.

Она легко опускает меня на подушки и отстраняется. Открываю глаза. На её щеках играет румянец, она укрывает меня одеялом, делая суетливые движения. Наверное ей неприятно прикасаться ко мне, жаль, что я не вызываю в тебе тех чувств, что ты во мне, очень жаль.

Стягиваю со спинки полотенце и кладу себе на грудь. Да в таком положении намного удобнее стало даже лежать.

— Тебе помочь? — спрашивает и тянется к тарелкам.

Если только из жалости не надо, ничего не надо!

— Нет — тянусь к тарелке со вторым и пристраиваю её себе на грудь — у меня самого хорошо получается — не могу не съязвить. Не хочу, чтобы жалела.

— Да это точно — немного грустно улыбается — хорошо я тогда позже зайду, вернём тебя в прежнее положение после обеда.

— Не стоит, вытяну подушки, только и всего.

Она немного растеряно смотрит на меня.

— Постарайся не напрягать поясницу — её голос сел отчего-то.

Неужели я её обидел?

Она грустно улыбнулась, а в глазах заблестели слёзы. Я переборщил похоже.

— Приятного аппетита — она разворачивается и быстрым шагом идёт к двери.

Хочу остановить её, ведь я не прав, но в этот момент тарелка с пюре наклоняется в руках и пюре стекает через край.

— Блин! — дёргаюсь, пытаюсь всё убрать, и тут же шиплю от боли, что пронзает позвоночник.

Самостоятельный да! Помощь тебе не нужна! Балван! Обидеть человека, которому впервые за последнее время не безразлично как ты. Это ж надо постараться. Наверное, я за это время разучился общаться с людьми вообще.

Прости меня Марин, пожалуйста, я не хотел. Смотрю на пюре, размазанное по полотенце. Не хочу его. Ничего не хочу. Аппетит пропал.

Ставлю тарелку обратно на тумбочку и убираю полотенце с груди. Прикрываю глаза и пытаюсь нормально выдохнуть. Не получается. Не хотел я тебя обижать, совсем не хотел, прости меня и вернись, пожалуйста.

Дверь неожиданно открывается, и моё сердце подпрыгивает от радости, но потом тут же срывается в пропасть. Не она.

— Ну, что посуду можно забрать? — заглядывает мужеподобная женщина и походит в палату — а чего не ел? Не нравится? — хмуриться.

— Я не голоден, спасибо.

— Ешь, ужин только в шесть будет.

Ещё четыре часа. Может и правда стоит поесть.

— Зайду через полчаса — бурчит и выходит из палаты.

Стягиваю с тумбочки компот и подношу к губам. Вкусный, но часть проливается на грудь и одеяло.

— Да что такое-то!

Вытираю всё полотенцем. Отлично теперь я ещё грязный как свинтус! Зато самостоятельный. Идиот!

Марина.

Выбегаю из палаты Руслана, не хочу, чтобы он видел, насколько для меня были обидными его слова. Ведь я просто хотела помочь ему. А он отказался. Возможно, он просто хотел самостоятельности, а может, ему не приятны мои прикосновения и моя помощь. Но при этом возникло ощущение, что я навязываюсь ему, может так оно и есть.

Надо оставить его в покое. Аня не будет ему ставить ничего и его жизни ничего не угрожает. А мне, наверное, пора отсюда уходить. Не место мне здесь. Надеюсь, Пётр Семёнович не позволит и не допустит больше такой ошибки с назначениями. Хотя его ведь и завтра не будет, а вдруг Дарья опять что-то не то назначит ему? В душе страх за него поселяется. Нет, не могу я его пока оставить одного, пока до возвращения Петра Семёновича.

— Марин, а ты на обед не идёшь? — слышу голос Ани за спиной.

— Обед?

Я и совсем забыла, что у меня тоже может быть перерыв.

— Да, а куда?

— Идём здесь рядом столовая, тем более у нас перерыв. Пошли.

— Ну ладно — хоть пойму, что здесь к чему.

Мы проходим холл и поворачиваем направо.

— Вот наша столовая — указывает Аня на стеклянные распахнутые двери.

Мы заходим в зал, вдоль стен стоят столики, а по середине — раздача, сбоку подносы и приборы.

— А как здесь оплачивать? — интересуюсь.

Я ведь не взяла с собою ни наличные, ни карту.

— Стоимость обеда вычитают из нашей зарплаты. Средняя стоимость пятьсот рублей, так, что ни в чём себе не отказывай — Аня широко улыбнулась и взяла поднос.

Да если бы я сегодня уволилась, то осталась, бы должна за обед. Отлично!

— А ты давно здесь работаешь? — спрашиваю Аню.

— Не очень, месяца полтора, ещё зарплату не получала с учётом вычетов. Там, наверное проела больше — смеётся она.

Я рада, что она успокоилась по поводу назначений Руслану. Опять он, да что ж он из головы та никак не уйдёт. Выдыхаю, пытаюсь сосредоточиться на салате. Какой же я хочу крабовый или цезарь? Интересно Руслан там поел хоть что-нибудь? А никакой не буду брать. Взяла второе и компот, надеюсь не вышла за лимит.

— Ты что так мало ешь? — спрашивает Аня, накладывая себе пирожков.

— Аппетита нет, что-то — оправдываюсь.

Хотя есть и впрямь не хочется.

— А ты чего такая расстроенная вышла от Каримова? Ему хуже стало?

Блин и она заметила.

Мы присаживаемся за столик. Откровенничать с ней не очень-то хотелось.

— Да так что-то расчувствовалась.

— Да иногда бывает. Я со своим первым пациентом чуть с ума не сошла, опекала, ухаживала, а когда его не стало, всё себя корила, что не доглядела. Хотя он безнадежный был

— на её глазах появляются слёзы — умер не в мою смену. А я до сих пор его вспоминаю.

— Ты настолько привязалась к нему? — поражаюсь.

Она только кивнула и смахнула набежавшие слёзы.

Хотя я сама начинаю настолько сильно привязываться к Руслану. Зачем? Чтобы так вот страдать потом как Аня? У него же девушка есть. Только очень странно, почему она оставила его в таком состоянии одного, и он захотел тогда, чтобы я осталась с ним. Хотя сейчас фактически отказался от меня. Надо как-то ставить блок на своих чувствах и относиться к нему как к пациенту, не позволять себе что-то большее.

— Извини, я что-то расчувствовалась — выдыхает Аня и начинает есть.

— Ничего — поддерживающе улыбнулась ей и принялась за обед, пока не остыл.

Мы обедали, молча пребывая каждая в своих мыслях.

После обеда я заставила себя пройти мимо его палаты и не зайти к нему. Ведь не нужна, зачем навязываться. Поднялась в ординаторскую и застала Дарью, сидящую в кресле Петра Семёновича. Она искала что-то на его столе.

— Добрый день, Дарья — пытаюсь говорить спокойно, но в душе всё кипит просто.

— Виделись уже — отвечает безразлично — о, а я её как раз ищу — тянет руку к карте Руслана — давай напишу назначения на завтра.

— Нет — отвечаю — это мой пациент и назначения ему могу делать только я или Пётр Семёнович. Так как его сегодня нет, Каримов полностью на мне. И, если я узнаю ещё раз, что ему что-то назначили, или ставят без моего ведома, отвечать будешь по полной не только перед Петром Семёновичем, но и перед судом, за нанесение вреда здоровью пациента. Усвоила, Дашенька?

Её глаза злобно сощуриваются.

— Да что ты возомнила о себе?! Ты работаешь здесь первый день и решила со своим уставом в наш монастырь! Да ты как врач никакая, сегодняшняя операция это показала! Так что будь добра за назначения, которые Пётр Семёнович написал ему, я к ним отношения никакого не имею, это твой пациент тебе и отвечать за его самочувствие. Надеюсь, он жив до сих пор — язвительно очень — или загнулся уже?

— Вот именно, что мой. И я тебя предупредила о назначениях без моего ведома!

— Надо больно — фыркнула.

— Дашь, ведь ты же понимаешь, то могло произойти с ним? — уже не выдерживаю.

— Ты о чём?

— О последствиях, если бы ему поставили всё, что назначили? Он же аллергик.

— Я понятия не имею о чём ты — отвлекается на кипу карточек на столе.

— Ведь это жизнь человека, неужели для тебя это ничего не значит? Неужели важнее подставить меня? Ведь я уйду отсюда при желании, а его могли бы не спасти сегодня. Я вообще тебя не понимаю.

Она не смотрит в глаза, поджимает губы и листает первую попавшуюся карточку.

— Я не понимаю о чём ты — бурчит, не отрывая взгляда от карты.

Бесполезно с ней разговаривать. Надеюсь, ты больше никому не навредишь сегодня.

— Надеюсь, ты меня услышала — говорю ей.

Нет никакого желания оставаться с ней наедине. Выхожу из ординаторской и только сейчас замечаю, что всё это время крепко прижимала к груди карту Руслана.

Ну как его оставишь здесь одного с этой мегерой?

Не выдерживаю и спускаюсь к нему в палату. Хочу увидеть его и убедиться, что поел,

что всё у него хорошо в отличие от меня. Подхожу к палате и слышу доносящиеся из-за двери тихие стоны. Спешу распахнуть дверь и забегаю в палату.

Руслан спит, лёжа на спине. И ему снится что-то от чего он вздрагивает и тихо стонет. Похоже не очень приятный сон. Замечаю на тумбочке не тронутый обед. Он же начинал, есть, почему не стал.

— М — он хмурится и стонет.

Не могу спокойно смотреть на это, хотя давала себе обещание не пересекать границы. Не могу я так.

Присаживаюсь на кровать и тихо касаюсь его плеча.

— Руслан, проснись — немного тереблю его по плечу.

Он распахивает глаза и ошарашено смотрит на меня. Потом хмурится отчего-то. Ему неприятны мои прикосновения? Отдёргиваю руку и поднимаюсь с кровати.

— Тебе снился не очень хороший сон, поэтому я решила разбудить — зачем-то оправдываюсь.

— Ты теперь и сны мои охраняешь? — улыбнулся в ответ.

— Нет, просто ты дёргался во сне, а движения вызывали боль, поэтому решила прервать твои мучения. Наверное, зря, извини, если так.

Хочу уйти. Зачем я вообще пришла? Я уже его не понимаю и себя тоже. Я хочу находиться рядом с ним, а он, наверное, не хочет этого.

— Подожди — он тянет руку ко мне- это ты извини меня за резкость пожалуйста, я...я давно нормально не общался с людьми. Разучился наверное — грустно улыбнулся.

Его признание ошарашивает, просто. Что случилось с тобою, что ты так замкнулся в себе? Он так проникновенно смотрит на меня.

— Ничего, всё нормально — пытаюсь его заверить.

— Не обижайся на меня, меня просто бесит моя беспомощность, поэтому так получается.

— Мне не сложно тебе помогать — хочу убедить его — но если тебе неприятно я не буду — признаюсь ему.

— Мне? — удивляется — Марин мне нравится всё, что ты делаешь и это тебе надо задуматься, а стоит ли помогать такому овощу как я. У меня же ничего не получается. Даже поесть нормально не смог- виновато поджимает губы.

Овощу?

— Совсем ты не овощ — присаживаюсь обратно на кровать — завтра вставать попробуем, не переживай у тебя всё получится — взяла его за руку и он крепко сжал мои пальцы в ответ.

Значит ему не неприятно, раз ответил.

— А почему не поел?

— Не получилось. Пюре и компот на себя пролил — бурчит недовольно.

— Я помогу — тянусь к полотенцу.

— Нет — он пытается меня остановить, но уже поздно. Полотенце оказывается грязным, всё в компоте и пюре.

— Возьмём другое — поднимаюсь и беру полотенце с соседней кровати.

Стелю чистое полотенце ему на грудь. Он внимательно смотрит за моими движениями, аж смущаюсь под столь пристальным взглядом.

Всё остыло, конечно, но рядом с постом Ани я видела микроволновку и пару столов.

— Всё холодное, давай я схожу, подогрею — предлагаю ему.

— Да, ладно так поем — он тянется к ложке.

— Тёплое, вкуснее и полезнее — поднимаюсь с кровати.

— Марин — он берёт меня за руку — спасибо что помогаешь — так искренне смотрит в глаза.

Что с ним случилось, если за такую малость, он благодарит.

— Мне не сложно и приятно тебе помогать — отвечаю ему.

— Всё равно спасибо — улыбнулся так тепло и отпустил мою руку.

— Я сейчас — беру тарелки с его обедом и выхожу из палаты.

Дохожу до поста Ани.

— Ты чего не наелась? — улыбается Аня.

— Нет, Каримов не поел, хочу подогреть.

— А, понятно.

Ставлю тарелки на стол и грею их по очереди.

Блин, тарелки то теперь горячие.

— Помочь донести? — спрашивает Аня.

— Да если можно — соглашаюсь.

Она берет вторую тарелку и помогает мне всё занести в палату.

Руслан удивлённо смотрит на меня.

Аня молча выходит из палаты, а я присаживаюсь на край кровати.

— Сначала суп — беру в руки тарелку с супом и ложку.

— Ты меня кормить будешь? — удивлённо смотрит на меня.

— Ну, тебе сейчас в твоём положении неудобно и всё расплещешь — подцепляю ложкой суп — направляю ему в рот.

Ложка исчезает в его губах, а он со стоном блаженно жмуриться.

— Вкусно — улыбается.

— А я говорила, что тёплое вкуснее — отправляю ещё одну ложку ему в рот.

Ест с удовольствием. Мне так приятно на душе становится, что я могу для него хоть что-то приятное сделать за сегодняшний день.

— Спасибо — говорит, когда доедена последняя ложка с пюре.

— На здоровье. Тебе надо набираться сил, чтобы поправится — ставлю посуду на тумбочку.

— Я знаю — немного замаялся — но с твоей помощью это как-то легче проходит и спокойнее.

— Я рада, что тебе становится лучше.

— Это только твоими стараниями — улыбается — если бы не ты ещё не известно, что было бы со мною сейчас.

Вспоминаю про укол, что хотела ему поставить Аня и опять не по себе становится.

— Не позволяй никому тебе что либо ставить, ладно — напоминаю ему.

— Но ты же будешь рядом — встревоженно всматривается в глаза.

— Руслан, я не знаю — решаюсь ему признаться — сегодня вообще мой первый день работы здесь и за это время много что произошло, и вполне возможно дождавшись, Петра Семёновича мне придётся уйти. Я просто переживаю за тебя ведь с этим уколом не всё так просто. Я пока всё ещё не выяснила, но мне кажется, меня хотели подставить. И я вообще не понимаю, как можно быть такими бездушными и играть с жизнью человека, с твоей

жизнью.

— Марин — он берёт меня за руку — но зачем это и кому надо было.

— Кому я знаю, но зачем ещё не поняла. И очень жаль, что Перта Семёновича завтра не будет, я бы поговорила с ним. И уж если на кану жизни людей, я уйду не задумываясь.

— Не надо ты что?! — он встревоженно смотрит в глаза и пытается приподняться, словно хочет быть ближе ко мне, но тут же морщится и шипит от боли.

— Тебе нельзя, садится — напоминаю ему и подхватываю под плечи.

Держу его на весу, наверное, спина устала в одном положении. Он так близко, что непроизвольно вдыхаю его мужской тягучий запах.

Ощушаю его руки у себя на спине, он прикасается к лопаткам, и притягивает ближе к себе, от неожиданности не могу удержать его на весу и мы опускаемся вместе на подушки.

Он проводит носом вдоль шеи, жадно втягивая воздух, от этого жеста мурашки побежали по спине.

— Не уходи Марин, пожалуйста. Не оставляй меня одного — его хриплый голос будоражит до корней волос.

Он притягивает к себе ещё сильнее, не позволяя шевелиться, укладывает головой к себе на плечо, тихонько поглаживая по голове и спине. Отчего то расслабляюсь и вся эта ситуация с Дашей отпускает. Прикрываю глаза на секунду, наслаждаясь близостью Руслана.

— Хорошо, на пару дней останусь — шепчу ему.

— Не переживай, всё наладится — говорит хрипло — не уходи только, пожалуйста.

Ощушаю прикосновение его губ к виску, столько тепла и нежности чувствуется в этом жесте, что меня просто накрывает. Не могу удержаться и прижимаюсь губами к его щеке с чуть колючей щетиной. Ощушаю, как вздрогнули его пальцы на спине. У меня совсем мозг поплыл, наверное, от его близости.

Руслан.

Прикрываю глаза и наслаждаюсь её близостью. Она так приятно пахнет цветами, что начинает кружиться голова. Не хочу отпускать от себя Марину. Она лежит на моём плече и от этого так тепло и приятно на душе.

Боюсь, что через два дня она уйдёт отсюда и исчезнет из моей жизни. Я всегда теряю то, что мне дорого. Я не знаю почему. Почему Господь забирает у меня всё? Ника, родителей, Яну. Что я сделал такого в жизни, чем заслужил всё это? Тем, что пахал как папа Карло, чтобы учиться в институте. Ведь родители даже тогда не стали мне помогать деньгами. Нику оплатили дневное обучение, на меня уже не хватило ни денег, ни любви как выяснилось. Днём учился, вечером работал на заводе во вторую смену. Домой приползал без рук, без ног, только ночевать. Мои поздние явления домой не устроили родителей и они сняли мне комнату в общежитии. Ну что ж и на этом спасибо, не вышвырнули на улицу. Но со второго месяца я был вынужден платить за неё сам. Потому, что мои успехи в учёбе долетели до отца. Естественно с таким графиком работы я ничего не успевал по учёбе. Ник иногда выручал, но у него другая специальность, к тому же отец, прознав про это, запретил ему мне помогать. А мне недоумку, ещё и общежитие оплачивать пришлось. Пришлось устроиться в автосервис и по ночам, забыв про сон делать тачки.

Не знаю, как я всё это вывез, хвала энергетикам, наверное. Но с четвёртого курса стало легче. На заводе меня повысили, и я стал мастером участка. Зарплата поднялась, и я смог снять себе нормальную квартиру. Времени немного освободилось для учёбы. В общем, диплом я получил без троек, чему безмерно был рад.

Летел к родителям похвастаться, ведь мы с Ником закончили учиться.

Но застал я их выходящих из подъезда с чемоданами. Они собрались на море отмечать завершение учёбы Ника. Ведь у него красный диплом, а не обычный как у меня.

Мама поздравила меня, поцеловала в щёку, Ник пожал руку, отец даже не подошёл. Он молча сел в такси, словно меня здесь и не было вовсе. Не оправдал его ожиданий.

Машина скрылась за поворотом, а я всё стоял и не мог понять, почему? Что со мною не так? Ведь я же ваш сын тоже. Но оказался совсем не нужным.

Никому не нужным...

Никому, кроме девушки, что сейчас прижимаю к груди, боюсь отпустить. Вдруг это всё опять пройдёт, закончится. Она исчезнет. И настанут мои обычные серые будни. В которых, иногда сдохнуть хочется от пустоты и одиночества.

— Ну, что освободил посуду — раздаётся голос мужеподобной женщины, что принесла обед.

Марина вздрагивает и отстраняется от меня.

— Да вот возьмите — Марина поднимается с кровати и отдаёт тарелки женщине — ужин тоже принесите ему пока нельзя вставать. Завтра только.

— Хорошо — пробурчала женщина в ответ.

— А во сколько ужин?

— В шесть — женщина скрывается за дверью.

Марина опускает взгляд. Ей неловко? Она смущается?

— Что-то не так? — решаюсь спросить.

— Нет, просто в шесть мне нужно передать всё дежурному врачу. Мо смена закончится.

— Но ты же вернёшься завтра?

Не оставляй меня пожалуйста!

— Конечно, я просто подумала, может, ты подождёшь меня? Я всё передам и вернусь, помогу тебе поужинать.

Ах вот ты о чём. Аж, дышать легче стало.

— Конечно, я дождусь тебя.

— Хорошо — она присела на кровать.

Не могу удержаться и беру её за руку, не могу не прикоснуться.

— Тебе, наверное, нужно отдохнуть, поспать немного.

Может быть.

— Да я не устал, лежу целый день.

— Тебе и нужно восстанавливаться.

— С тобою как-то спокойнее — говорю как есть, не думал, что голос подведёт...

— Хорошо я побуду рядом, постерегу твой сон — она улыбнулась — могу почитать тебе что-нибудь.

— Лучше расскажи о себе — прошу её.

Хочется узнать хот что-нибудь о тебе.

— Какой ты хитрый — смеётся — о себе рассказывать не хочешь, а меня просишь.

— Обо мне скучно и не интересно. Не хочу, Марин.

Не хочу вспоминать ничего, больно, а рассказывать и того хуже.

— Хорошо, но пообещай, что когда-нибудь расскажешь. Мне хотелось бы это услышать — её голос стал грустным.

Хотелось услышать? Ты не перестаёшь меня удивлять Марин.

— Может быть когда-нибудь — обещаю ей.

— Уже хорошо — улыбнулась тепло, аж дыхание перехватило.

Так хорошо на душе стало, что все неприятные воспоминания отошли на второй план.

Мне так хорошо с ней. Я тону в её карих глазах, медовой радужке с мелкими крапинками.

— Ну, что закрывай глазки и слушай — она погладила по руке, отчего мурашки побежали по спине.

Прикрываю глаза и пытаюсь сосредоточиться на её голосе, но её убаюкивающий голос так и уносит в поля, деревеньку, бревенчатую избу, в которой пахнет свежим хлебом и молоком, теплом, любовью и заботой.

— Я вернусь — слышится где-то на границе сознания, но я уже не здесь, а где-то в далёком детстве, где всё казалось таким беззаботным, и каждый день дарил радость и счастье.

Руслан.

— Ужин — громыкает чей- то голос.

От неожиданности вздрагиваю, и спину простреливает, аж искры из глаз сыплются, зажмуриваюсь и пытаюсь выдохнуть.

Женщина с подносом еды проходит в палату и ставит на тумбочку тарелку с какой-то кашей и компот. Каша выглядит не очень аппетитно, геркулесовая что ли.

— Приятного аппетита — говорит женщина и торопится выйти.

— Спасибо — отвечаю ей.

В животе заурчало. Я обещал Марине дождаться её, но аппетит проснулся, да и каша пока тёплая может ничего на вкус будет.

Стелю полотенце на грудь и тянусь к тарелке, стараясь не обращать внимания на боль в пояснице.

Каша это же не пюре, через край не стечёт.

Пристраиваю тарелку на груди. Немного неудобно и приходится горбиться, чтобы не обляпаться, но есть хочется.

Конечно, хотелось бы, чтобы сейчас в палату зашла Марина, улыбнулась мне и помогла, но я должен быть самостоятельным. И не обязана она, со мною возится, но очень этого хочется, наверное, потому, что я эгоист.

Немного приноровившись, получается поесть. Хотя каша, одним словом не очень. Зато полезная, наверное.

Приговорив ужин, ставлю всё аккуратно на тумбочку. У меня всё получилось и, даже не испачкался. Моя маленькая победа за сегодня, не считая операции. Надеюсь, она мне поможет, и эта боль наконец-то пройдёт, отпустит и я смогу жить и ходить как нормальный человек.

А я и забыл уже как это, нормально жить, строить планы на будущее...

Неожиданно открывается дверь в палату и моё сердце подскакивает. Марина?

Но вместо неё в палату заходит молодой врач.

— Добрый вечер. Как себя чувствуете?

— Хорошо — отвечаю на автомате.

— Можно вас осмотреть? — берёт край одеяла.

Не мешаю ему, и он стягивает одеяло с меня.

— О уже в корсете, хорошо. Давно?

— С обеда — отвечаю.

— Надо снять. Не больше четырёх часов в день.

Он расстёгивает корсет.

— Повернитесь на бок, мне нужно посмотреть шов.

— Хорошо.

Пытаюсь не спеша повернуться, но всё же больно и без корсета, почему-то страшновато шевелится.

— Вот так — он поторапливает меня и резко поворачивает, надавливая на плечо. Чуть не вскрикиваю от боли, прикусываю губу и пытаюсь выдохнуть.

Он прощупывает шов через повязку, чувствую каждое нажатие, больно.

— Хм, припухло.

Он отклеивает повязку.

— Не очень, сейчас скажу сестре, чтобы обработала, воспалился шов.

Вот только этого мне не хватало.

— Нужны, противовоспалительные, но Марина Алексеевна говорила, что вам ничего нельзя такого.

Значит он дежурный врач. И если Марина ему всё рассказала, значит, она уже ушла домой. И не зашла ко мне...

А я ведь ждал её...

— Ладно, пока обрабатываем просто. Я переговорю с ней, и если разрешит, то поставим противовоспалительное.

— У меня аллергия — напоминаю ему.

— Я знаю, но если попробовать с антигистаминным, может что и получится, надо наблюдать — он приклеивает обратно пластырь — сейчас вам просто обработают не переживайте.

Он выходит из палаты.

Значит, ты всё-таки ушла Марина, хотя обещала вернуться и я это помню. Обидно, что твои обещания ничего для тебя не значат. А я поверил.

Слышу, что дверь открывается, но я уже точно знаю, что это не она.

Шов мне обработали, посуду забрали, и лечь на спину запретили. Стоило тебе исчезнуть, как мой организм начал сыпаться без тебя. Да что это такое-то. Нельзя так привязываться к человеку, ведь разочаровываться в нём будет в разы больнее.

Прикрываю глаза и пытаюсь уснуть, за окном темно и свет в палате никто мне не включил. Темно и холодно, за окном идёт снег и в свете фонаря смотрится так красиво и тихо. Есть в этой тишине что-то завораживающее. Сейчас бы гулять под этим снегом, держать за руку ту, что дарит мне тепло и спокойствие. Ну и пусть она сегодня не зашла ко мне вечером, но она повлияла на дежурного врача с учётом всех требований и это приятно.

Но вот то, что шов воспалился, не радует совсем. Надеюсь, ты меня поставишь на ноги Марина, ты же обещала завтра. Хотя... Ты сегодня тоже обещала и не пришла.

Слышу, дверь открывается, но свет не включают, странно. Кто-то тихонько подходит к кровати.

— Ты спишь? — слышу знакомый голос и хочется улыбаться от счастья, что затапливает грудь. Ты всё-таки пришла.

Марина.

Руслан засыпает под мой рассказ, про детство в деревне у бабушки. Да я приехала сюда учиться из пригорода, но он навсегда в моём сердце. Я очень люблю родной посёлок. Жаль, что родители всё же продали бабушкин дом и переехали сюда вслед за мною. Квартира, что купили родители не сравниться никогда с домом, в котором мы жили раньше. Он был большой, с красивым садом, в котором мама всегда выращивала розы. Мне порой не хватает той размеренной, тихой и уютной жизни, которая была там.

Два года назад не стало моего родного и любимого папы. Он попал под машину, его не успели довести до больницы. Мама мне кажется до сих пор не приняла этого, но старается держаться. Всё пытается сосватать меня сыновьям своих подруг, но... у меня нет желания так знакомиться. Слово корову на смотрины приведут, сгожусь или нет. Нет, это не для меня. Моя судьба мимо не пройдёт и если суждено, то зацепится, а если нет, то нет.

В институте был один человек, который стал мне дорог. Мы встречались с ним даже несколько месяцев. Я поверила, впервые в жизни была счастлива очень, но...

Ему предложили вакантное и хорошо оплачиваемое место в другом городе. И меня с собою он не позвал...

Мы расстались вроде бы мирно, но почему-то было чертовски обидно понимать, что я для него была лишь временным увлечением, и переезд он давно планировал, только мне забыл об этом сказать...

Как-то так.

Об этом я естественно не стала говорить Руслану, да он бы и не услышал. Он так быстро уснул. Наверное, организму много сил требуется на восстановление.

Пока он спит, рассматриваю его. Его чуть вьющиеся волосы прядками спадают на лоб. У него широкие скулы и волевой подбородок. Пухлые слегка приоткрытые губы, они у него такие нежные. Вспоминаю, как поцеловал в висок, аж, дыхание сбивается. Его длинные ресницы чуть трепещут. Его внешность настолько притягательна, что не хочется отпускать его руку и уходить, хочется как можно дольше быть рядом.

Слышу, дверь в палату приоткрывается и заглядывает Аня. Показываю ей, чтобы не шумела, и она останавливается.

Тихонько поднимаюсь, чтобы его не разбудить и выхожу из палаты.

— Марин, там Татьяна тебя искала, просила к ней подойти.

— Хорошо, спасибо, Ань.

Девушка кивнула и пошла на пост.

Поднимаюсь к Татьяне и нахожу её на посту.

— Ну наконец-то, тебя не дождался сегодня — ворчит она.

— А что случилось?

— Вот анализы Каримова забери, после операции взяли.

Просматриваю показатели, пока всё не совсем плохо, СОЭ повышенный, возможно повлияла операция. Надо будет проверить через пару дней.

Через пару дней меня, возможно выпрут отсюда, размечталась об анализах.

— А когда приходит дежурный врач и где его найти.

— А Максим Леонидович к пяти обычно подходит в ординаторскую.

— Спасибо.

Иду в ординаторскую, там моё законное рабочее место на сегодня и прятаться от Даши я не намерена.

Открываю дверь, в ординаторской никого. Как хорошо. Прохожу к своему столу и присаживаюсь в кресло.

Прикрываю глаза на пять секунд и наслаждаюсь тишиной, которую нарушает телефонный звонок общего телефона. Беру трубку.

— Алло.

— Ну, ты скоро уже, у меня час до возвращения Людмилы — слышу голос Петра Семёновича и ничего не понимаю.

— Какого возвращения — бормочу, пытаюсь понять.

— Дарья, не тупи, подняла свою попку и пулей ко мне, сегодня тебе по ней достанется за опоздание. Поняла меня! И прихвати свои штучки, мне понравились они на тебе в прошлый раз — звонок обрывается, а меня аж передёргивает.

Господи Боже, зачем я только взяла трубку! Как представила себе этого голого старикана, аж обед к горлу подкатил.

Пытаюсь нормально выдохнуть. Это что же получается. Даша спит с Петром Семёновичем. Как противно и неприятно оказаться в этом замесе. Нет, я здесь точно работать не буду. Ради чего она с ним? Ведь молодая девушка и старик. Я в шоке от этого. Неужели она увидела во мне соперницу и поэтому решила подставить? Какая же она глупая, я никогда не пойду на это и мне не зачем.

Но Руслан, я обещала ему остаться на пару дней. Завтра он попробует встать и если всё будет хорошо, то он пойдёт сам через пару дней. А я здесь на дольше и не задержусь. Вернусь в нашу больницу, меня оттуда отпускать не хотели, значит, может и назад возьмут.

Пока нужно Руслана поставить на ноги.

Пытаюсь успокоиться, и настроится на дальнейшую работу.

Заполняю журналы по смене для Максима Леонидовича.

За работой время пролетает незаметно. Дарья так и не появлялась, я очень рада этому.

— Добрый вечер — в ординаторскую заходит молодой человек.

— Здравствуйте — растерянно отвечаю.

— Вы, наверное новенькая? Я Максим — широко и открыто улыбнулся парень.

Это дежурный врач. Почему-то я его себе старше представляла.

— Я Марина — протягиваю ему руку.

— Очень приятно. Ну как тут у вас? Пока спокойно.

Я рассказываю ему про Руслана, даю все рекомендации, предупреждаю обо всём. Даю ему свой номер, чтобы в случае чего звонил мне по работе.

Максим оказался очень приятным и открытым молодым человеком. Вот с ним мне не страшно оставлять Руслана на ночь.

Передав все дела Максиму выхожу из ординаторской и переодевшись в свои вещи иду к Руслану. Я обещала ему помочь с ужином. Да что там помочь, ноги сами меня несут к нему, хочу его увидеть и убедиться, что с ним всё хорошо.

Открываю дверь в его палату и прохожу. Но сделав пару шагов останавливаюсь. Он спит, так сладко, аж что-то мурчит во сне. Не стоит его будить, пусть отдыхает и восстанавливается после всего. Ему нужны силы.

Тихонько прикрываю дверь в его палату и иду на выход из центра. Надеюсь, он не

обидится на меня и справится сам.

Вызываю такси и еду домой.

Первый рабочий день закончен, какое счастье. Это был очень странный и непривычный для меня день, но в нём были и приятные моменты, связанные с Русланом.

Поднимаюсь домой и открываю дверь. Меня встречает Марк, мой кот. Ластится об ноги выпрашивая еду.

Кормлю его и собираюсь готовить ужин, но меня отвлекает телефонный звонок. Это Максим. Неужели что-то случилось?

— Алло — беру трубку.

— Марин, извини, что отвлекаю, но у Каримова воспалился шов и припух. Намокла повязка.

Неужели. Только этого не хватало ему до полного счастья.

— В общем, мы шов обработали. Я думаю дать ему противовоспалительное, и если пойдёт аллергия, антигистаминное или сразу антигистаминную? Как думаешь?

— Не надо ничего ему давать, я приеду сейчас.

— Зачем? Он так-то себя нормально чувствует.

Нормально?! С воспалившимся швом?

— Максим я несу ответственность за его лечение. Пока ничего не давать. Я приеду, хочу попробовать мазь, но нужно контролировать и это буду делать я, хорошо.

— Как хочешь — удивляется.

— Ладно, скоро буду — кладу трубку.

Бегом переодеваюсь и вызываю такси. Только бы всё благополучно прошло и у меня всё получилось. Получилось тебя вылечить и поставить на ноги Руслан.

По пути заезжаю в аптеку и покупаю мазь для Руслана, только бы помогла.

Наспех переодевшись, спускаюсь к Руслану в палату. Из-под двери темно. Тихонько открываю дверь. В палате темно, может, он спит?

— Ты спишь? — спрашиваю тихо.

— Нет, я тебя ждал — отвечает мне.

Чем поражает меня, становится не по себе. Я ведь ушла и не помогла ему, хотя обещала. А он ждал...

— Прости меня — мне так неудобно становится — я не хотела тебя будить, когда вернулась — пытаюсь хоть как-то оправдаться перед ним и присаживаюсь на край кровати.

В темноте вижу очертания его фигуры, и его глаза отчего-то блестят в темноте.

— Ничего, я рад, что ты пришла — он берёт меня за руку.

От его слов так тепло на душе становится. Оказывается, мне его очень не хватало за эти несколько часов.

— Я тоже рада, видеть тебя — отчего-то признаюсь, ему и тихонько сжимаю его пальцы в ладони.

Отблеск от фонаря падает ему на лицо, и я замечаю, как он расцветает в улыбке. Это завораживает, он улыбается открыто и доверчиво. Он такой уязвимо открытый сейчас, аж, в груди щемить начинает от этого.

Марина.

— Как ты себя чувствуешь? — переживаю очень за него.

— Уже лучше — сказал тихо, но его глаза блестели в свете фонаря, словно он волнуется.

Наверное, он переживает из-за шва.

— Мне сказали, что у тебя воспалился шов, мне надо посмотреть, что с ним.

— Ты из-за этого вернулась? — говорит хрипло.

— Конечно я же переживаю за тебя.

— Извини, что сорвал из дома — он отпускает мою руку — уже обработали — говорит холодно.

Что это с ним?

— Я знаю, но я хотела попробовать мазь, чтобы остановить воспаление — хочу объяснить ему.

— Хочешь на мне опыты провести — усмехается, но тут же морщится от боли.

— Руслан — кладу руку ему на плечо — я не собираюсь проводить опыты, я хочу помочь.

— Конечно я же твой первый пациент. Боишься, облажаться?

Да что с ним такое?

— Нет, не боюсь! И к твоему сведению ты не первый мой пациент! За место я не держусь — вспоминаю про Петра Семёновича и Дарью, аж противно становится — я просто хотела помочь тебе, но если ты против, ради Бога — поднимаюсь с кровати — я и пальцем к тебе не прикоснусь — иду на выход из палаты. Да сколько можно всем издеваться надо мною сегодня! Я тоже человек не железный! Облажаться. Да я очень боюсь последствий, вдруг у него начнётся аллергия на эту мазь, но попробовать стоило и ему бы легче стало. Обидно за такое отношение, чувствую, что слёзы подкатывают, и не хочу, чтобы он это почувствовал, поэтому спешу выйти из палаты, тянусь к ручке двери.

— Марин, прости — слышу его хриплый голос, и ноги словно к полу прирастают.

Слышу, как скрипит его кровать, а потом он сдавленно стонет. Он что повернулся?

Оборачиваюсь. Руслан и правда лежит на спине, зажмурившись.

Включаю свет, он бьёт по глазам, но через несколько секунд, глаза привыкают, и я вижу всё.

— Руслан — подхожу к нему — зачем ты повернулся, тебе же нельзя пока — прикасаюсь к его плечу — давай обратно — хочу помочь ему повернуться.

Но он и не собирается поворачиваться, пристально смотрит в глаза.

— Я не хотел тебя обидеть — его глаза поблёскивают, он волнуется? — Просто...

Просто ты переживаешь...

— Ничего — пытаюсь его успокоить — переживу — натягиваю улыбку.

— Нет, правда, прости, я не должен был...

— Прощу, если повернёшься на бок — надо же его как-то заставить.

— Марин — он хмурится.

— Так пациент номер один, быстро на бок — моё терпение уже лопается.

Он недовольно поджал губы, и повернулся на бок, не говоря ни слова, только поморщился от боли.

Хорошо, хоть что-то.

Вспомнила, что нужно обработать руки, и пошла к раковине.

— Уже уходишь? — доносится в спину.

— Да, я же боюсь облажаться, поэтому ничего делать не буду — не могу удержаться от колкости и открываю кран. Мою руки тщательно, и обрабатываю антисептиком.

Когда подхожу к кровати, Руслан растерянно смотрит на меня.

— Давай посмотрим, что там у тебя?

Он выдыхает с облегчением и стягивает одеяло со спины.

Наклоняюсь над ним. Повязка сухая, слава Богу. Отклеиваю один край повязки и отгибаю.

Кожа вокруг шва немного припухшая и красная, возможно послеоперационный отёк, и он пройдёт сам по себе. Решаюсь прощупать и тихонько прикасаюсь к не повреждённой коже. Она показалась мне горячей, это плохо.

— Тебе температуру мерили? — спрашиваю.

— Нет — отвечает тихо.

Да уж, вот как его здесь одного оставишь?

Поднимаюсь и присаживаюсь рядом с ним.

Он взволнованно смотрит на меня.

— Сам шов сухой, это хорошо, но кожа вокруг воспалена. Это может пройти само, но она горячая, значит есть воспаление.

— И что делать? — спрашивает растеряно.

— Я хотела попробовать мазь, она гипоаллергенная и противовоспалительная, но на всякий случай лучше выпить антигистаминные, вдруг, что-то пойдёт не так — очень боюсь этого.

Ведь главный девиз врача — не навреди. А вдруг всё же пойдёт аллергия.

Руслан тяжело вздохнул и прикрыл глаза. Ему тоже страшно, наверное.

— Но можно и пока подождать, хотя у тебя и так повышены показатели СОЭ в крови, то есть возможно начинается воспаление и нужно что-то сделать с ним как-то купировать.

— Марин, делай, как считаешь нужным — сказал очень хрипло — а меня обжало волной паники, ведь он сейчас доверил свою жизнь мне фактически, а если и правда пойдут последствия — и чтобы не получилось я готов ко всему — он тяжело выдохнул и прикрыл глаза.

Страшно навредить, а бездействие ещё страшнее...

— Спасибо — не могу больше ему ничего ответить от нахлынувших эмоций.

Он доверяет мне и я должна ему помочь, должна поставить его на ноги.

— Давай попробуем — говорю ему и поднимаюсь с постели, достаю из кармана мазь и таблетки.

— Хорошо — говорит тихо — его голос немного подрагивает.

— Не бойся, я буду рядом — говорю ему, хотя надо ли ему это.

— Это, уже обнадеживает — он улыбнулся и выдохнул с облегчением.

— Хорошо, начнём? — выдавливаю мазь на пальцы.

— Угу — буркнул и прикрыл глаза.

Наклоняюсь над ним и наношу мазь на кожу вокруг шва, стараясь не задеть повреждённые ткани. Руслан вздрагивает, от соприкосновения, чувствую, как напрягаются мышцы под пальцами, а по плечам ползут мурашки. От страха?

— Не переживай, должно помочь — пытаюсь его успокоить и приклеиваю пластырь обратно.

Укрываю его одеялом.

— Всё будет хорошо — обещаю ему, потому, что по-другому быть не должно.

— А почему воспалился? — спрашивает немного хрипло.

— Возможно, слишком рано лёг на спину, либо отёк ещё не прошёл, ведь лёд я приложила тебе поздно.

Поднимаюсь с кровати и подхожу к раковине. Смываю мазь с пальцев.

— То есть я завтра не встану? — в его голосе сквозит отчаяние.

— Посмотрим по твоему состоянию — подхожу к кровати и присаживаюсь рядом с ним.

В его взгляде зажигается надежда.

— Надо выпить таблетки от аллергии на всякий случай — достаю из кармана таблетки и даю ему одну в ладонь. Помогаю запить её водой.

— Спасибо — с тяжёлым вздохом опускается на подушку.

— Руслан теперь ты должен сообщать мне обо всех неприятных моментах, которые возникают где либо. Жжение, зуд, боль, тяжесть дыхания, ну или вообще, если плохо тебе. Это очень важно, чтобы не пропустить начальные признаки аллергической реакции.

— Хорошо, не переживай, пока я себя нормально чувствую — он тихонько касается моей руки, его пальцы оказываются горячими, вспоминаю про температуру и прикладываю ладонь к его лбу, горячая, вот же, блин.

Он удивлённо смотрит на меня.

— Мне кажется у тебя жар — поднимаюсь с кровати — я сейчас принесу градусник.

Выбегаю в коридор, благо пост Ани рядом. На посту никого. Вот же. Осматриваю стеллажи возле стола. Нахожу градусники, обработанные, слава Богу.

Беру один и возвращаюсь к Руслану.

— Давай померим — ставлю ему градусник.

— Марин не переживай так — он берёт меня за запястье и притягивает на кровать — это всего лишь температура.

— Ты себя хорошо чувствуешь? — не могу удержаться и провожу по его мягким волосам.

— Очень — он улыбнулся.

— Обманываешь — подкалываю его.

— Нет, правда спасибо, и прости ещё раз. Иногда я бываю невыносим, наверное поэтому со мною никто не общается — грустно улыбнулся.

— Как это? А девушка, что приходила к тебе сегодня?

— Лина? — он удивился — она просто случайная знакомая.

Странно.

— Девушка одного пациента вашего же центра. Григорьева Дмитрия.

— У него тоже проблемы с позвоночником?

— Да, он снимал у меня квартиру, оборудованную под колясочников.

Колясочников? Да что с тобою произошло?

— У тебя есть такая квартира? Это же очень дорого оборудовать.

По его лицу проскользнула волна боли и какой-то безысходности, отчаяния.

Я поняла, что очень задела его вопросом, хочу извиниться, но он отвечает.

— Родителям ничего не жалко было для брата, они ему бы луну с неба достали, если бы он захотел.

Если у него такие богатые родители, то почему он лечится по бюджету у нас? Похоже, все лавры достаются только брату...

— Теперь это квартира моя, я жил в ней, когда — осекается — не мог ходить, а теперь её сдаю, чтобы было на что жить.

Какой-то резонанс в отношении к нему. Не мог ходить?

— Что случилось с тобою? — не могу удержаться от вопроса

Он зажмурился, словно ему очень больно.

— Прости, я не должна лезть к тебе с расспросами — беру его за руку.

Он тяжело выдыхает, словно решается на что-то очень серьёзное.

Руслан.

Всё пережитое за эти полтора года снова возникает перед глазами. Авария, больница, родители, слова отца, потом мой персональный ад, нет не хочу вспоминать всё это с силой закрываю глаза.

— Прости, я не должна лезть к тебе с расспросами — слышу Марину и ощущаю её тёплые, и мягкие пальчики она сжимает мою ладонь.

Зачем тебе это рассказывать? Это моё, моя боль, моя жизнь...

Она пристально вглядывается в глаза, что тону в них какое-то время. Не надо её посвящать во всё это. Она ведь будет меня жалеть, а это хуже всего. Нет.

Но внутри словно прорывается наружу всё, что копилось во мне всё это время.

Пытаюсь нормально выдохнуть, но не получается успокоиться совсем.

— Всё будет хорошо, я тебе обещаю, слышишь — она тихонько гладит по плечу, а меня словно током прошибает от этого.

Она уже меня жалеет...

По её щеке скатывается слеза, она смахивает её и смущается.

— Не плачь, ты что — тянусь к ней, забывая про градусник под мышкой, он чуть не падает на пол.

Марина его подхватывает и выдыхает с облегчением, прикрывая глаза.

— Успела — она улыbnулась и разжала ладонь, вглядываясь в цифры.

Затем начинает хмуриться.

— Тридцать восемь, Руслан, у тебя жар — она ошарашенно смотрит на меня.

А я думаю, что голова тяжёлая, считал, что просто спать охота.

— Надо как-то снижать, как ты себя чувствуешь? — её голос подрагивает, она очень взволнована.

За меня? Она переживает за меня. От осознания этого аж дыхание сбивается.

— Нормально всё — хочу её успокоить.

— Ага — не верит — сейчас придумаю, что-нибудь — она поднимается с кровати — потерпи немного — она идёт на выход.

Слышу, как за ней закрывается дверь.

Только вернись, пожалуйста.

Похоже и правда температура поднимается начинает знобить отчего-то. Натягиваю одеяло до подбородка, так хочется тепла и её прикосновений. Ко мне давно так не прикасались, как она. Прикрываю глаза и похоже проваливаюсь в сон. Вижу Марину, она улыбается и бежит от меня по высокой траве, я пытаюсь её догнать, но в какой-то момент спину простреливает боль и я падаю не могу пошевелиться, задыхаюсь от своей беспомощности, ненавижу себя за это. Зову Марину, потому, что пошевелиться сил совсем нет.

Ощущаю приятную прохладу, но затем становится мокро и раскрываю глаза.

— Тише, сейчас должно быть лучше — Марина касается моего лица прохладными пальчиками и нежно гладит. Ощущаю что-то холодное на лбу. Веки такие тяжёлые, но я пытаюсь их поднимать потому, что невозможно оторвать взгляд от Марины, она такая красивая.

Сейчас немного строгая правда или серьёзная она мочит в чём — то ткань и касается моего плеча. Щекотно.

Дёргаюсь и чуть не задыхаюсь от накатившей боли в спине.

— Тише, постарайся меньше шевелиться — она протирает мне руку и гладит пальцами по ладони — держись, слышишь — она взволнованно смотрит мне в глаза.

— Не бойся, ты же рядом — только и могу ей сказать.

Спасибо, что вернулась и вообще, что рядом со мною и пытаешься помочь. Но силы словно покидают меня, прикрываю глаза, веки слишком тяжёлые и вместо всех слов, что вертелись сейчас на языке, получается, сказать только «спасибо».

Марина.

Тридцать девять и пять. Температура у Руслана ползёт вверх семимильными шагами. Ничего не помогает.

Максим пару раз звонил Петру Семёновичу но он не доступен.

Нужно что-то решать, так дальше продолжаться не может.

Максим в очередной раз заглядывает в кабинет.

— Не дозвонился — говорит — ну как он?

— Тридцать девять и пять.

— Блин.

— Надо вскрывать шов — решаюсь всё же это сделать.

— Наверное. Операционная занята сейчас.

Да что мне не везёт сегодня.

— Давай в перевязочной.

— Ладно, сейчас привезу каталку — он выходит из палаты.

— Держись — беру Руслана за руку.

Он не реагирует, спит крепко. Наверное, с такой температурой уже бред начинается.

Мне очень страшно за него, страшно, что не справлюсь или сделаю хуже, но я должна ему помочь.

Максим завозит каталку. Мы с ним аккуратно перекладываем Руслана на неё. Укрываю его простынёй, он ведь обнажён совсем. У него очень крепкое и накаченное тело, пресс, ловлю себя на том, что разглядываю его. Пока Максим не заметил этого, стараюсь быстрее укрыть его. Отвозим Руслана в перевязочную и перекладываем на кушетку. Притягиваю лампу ближе, чтобы видеть лучше шов.

Максим подаёт мне инструмент, и я вскрываю шов. Да действительно скопилась жидкость, которая уже была готова, просочится наружу. Промываем шов, и я снова накладываю мазь в рану, перевязываю и закрываю пластырем. Надеюсь, тебе станет легче, иначе я с ума сойду, уже начинаю чувствовать себя никчёмным врачом, неспособным вылечить одного очень близкого и родного человечка, который стал почему-то дороже всех на свете. Наверное, потому, что я дура, и полюбила его всем сердцем.

— Стала спадать, тридцать восемь и три — говорит Максим, когда захожу в палату к Руслану, после того, как всё убрала в перевязочной, так как никого из сестёр на посту, я так и не застала. Бардак полный здесь устроил Пётр Семёнович.

Слава Богу, надеюсь, я смогла тебе помочь Руслан.

Руслан.

Открываю глаза, вокруг всё такое светлое, почти белое, слепит от белизны. Вспоминаю, что я в больнице. За окном светло, но солнца не видно, словно ранее утро. Ощущаю некоторую тяжесть на руке и перевожу взгляд.

Марина. Прижалась щекой к моей руке и тихонько посапывает. Уснула, солнышко. Её реснички трепещут, пухлые губки чуть приоткрыты, она такая серьёзная даже во сне.

Она была рядом со мною всю ночь? Помню, что она пыталась снизить мне температуру и протирала чем-то. И, похоже, ей это удалось. Чувствую себя намного лучше, чем вчера, голова не такая тяжёлая и шов как мне кажется меньше болит, но пошевелится не рискну. Не хочу её будить. Наверняка всю ночь не спала из-за меня. Мне так приятно становится от одной только мысли, что ей до меня есть дело и надеюсь, что для тебя стал кем-то большим, чем просто твой пациент, ведь ты для меня стала очень дорога за это недолгое время.

Странно, но мне очень хочется, чтобы она была рядом всё время. Мне с ней легко и так хорошо, словно я не жил до нашей с ней встречи. Хотя и не жил фактически, забыл как это, когда ты кому-то нужен, а нуждаться и привязываться к кому-то ещё тяжелее и страшнее. А вдруг всё это тебе только кажется и стоит только открыть душу, как ты окажешься не тем, не достойным, не нужным, не таким, каким тебя видели и представляли, опять разочаруешь и окажешься не нужным. Чем больше откроешься и примешь в душу, тем больнее падать и терять, выскребать всё это из души и сердца, разорванных в ошмётки, в очередной раз, а после того одиночество. Хотя быть одному не так уж и плохо, надеешься только на себя и не ожидаешь предательства и ножа в спину.

— М — Марина тихонько простионала и чуть повернулась.

Она распахнула глаза и сонным взглядом посмотрела на меня, а затем тепло улыбнулась и прикрыла веки.

— Руслан — она резко поднялась — я уснула, прости. Ты как? В смысле, как ты себя чувствуешь?

Она приложила ладонь к моему лбу и очень растерялась. А мне стало смешно от её растерянности, что не смог сдержать улыбки.

— Не горячий, слава Богу — выдохнула с облегчением.

Перехватываю её ладошку, когда она торопливо убирает её от моего лба и сжимаю в своей.

— Ты всю ночь не спала со мною.

— Старалась, но похоже в четыре всё же заснула, после того как у тебя спала температура.

Я в шоке от неё, со мною ещё никто из врачей так не нянчился.

— Прости — только и могу ей сказать.

— За что? — её глаза расширяются от удивления.

— За то, что не дал отдохнуть, выспаться и вообще сорвал из дома.

— Руслан — она хмурится — перестань говорить глупости, это моё решение и тем более я бы не смогла оставить тебя в таком состоянии. И я рада, что тебе стало лучше — она сжимает мои пальцы в ответ, не хочу выпускать её ручку из своей ладони.

— Расскажи, что было ночью, я плохо помню — прошу её.

— У тебя не сбивалась температура, и я приняла решение вскрыть шов и промыть, так как там скопилась жидкость и вызвала воспаление. Мы с Максимом промыли, перевязали твой шов. Температура после этого стала падать потихоньку и стала нормальной где-то к четырём часам. Теперь надо делать ежедневные перевязки и не допустить осложнений. Я положила мазь, она должна помочь.

С Максимом? Это дежурный врач, который вчера заходил ко мне, наверное.

— Спасибо — говорю ей.

— Пока не за что — устало, улыбается в ответ.

— За то, что помогла.

За то, что не оставила и была рядом, когда могла бы забить и остаться дома. Она необыкновенная.

— Ты устала со мною сегодня. Тебе нужно восстановиться. Отдохни дома.

— Я совсем не устала — недовольно хмуриться в ответ.

— Я хочу, чтобы ты отдохнула, и полная сил вернулась меня поднимать — улыбаюсь ей — ведь ты обещала меня поставить на ноги сегодня — вспоминаю её слова.

— Ну да, просто боюсь, что тебе хуже будет — она встревоженно вглядывается в глаза.

Не переживай так, солнышко.

— Всё хорошо со мною, и болеть меньше стало. Ты хуже мне сделаешь, если свалишься рядом от усталости. Береги себя, ведь ты нужна мне.

Как никто другой нужна. Не прощу себе, если ей станет плохо из-за меня.

— Боишься, что Пётр Семёнович тебя на ноги не поставит? — улыбается.

— Мне обещала ты, и я уже настроился. Ты решила меня обломать?

Она смеётся так задорно и весело, что не могу сдержать улыбки в ответ.

— Раз обещала, то обязательно выполню. Ты встанешь на ноги, не переживай — говорит уже серьёзнее — и ты прав мне нужно привести себя в порядок. Но я постараюсь вернуться к обеду. Так — она оглядывается и берёт ручку с бумагой с тумбочки и что-то пишет — вот мой номер телефона, если что не так или тебе плохо или что-то нужно, в общем, в любом случае звони — она кладёт всё на тумбочку.

— Прямо в любом? — стебусь.

— В любом — улыбнулась.

— А если мне просто грустно станет?

— В этом случае обязательно — она наклоняется к моему уху — обещаю развеселить — нежно касается губами скулы.

От прикосновения побежали мурашки по шее, а в груди разлилось тепло. Не могу удержаться и обнимаю её одной рукой, и притягиваю к себе. Взвизгивает и присаживается на кровать, прижимаю ближе к себе.

— Тогда я обязательно позвоню — отвечаю ей на ухо и вдыхаю её тонкий цветочный запах, будоражащий и сводящий с ума.

Скольжу, едва касаясь губами по тонкой коже, скулы её дыхание сбивается, как и моё, когда опускаюсь к губам, словно током прошибает. Останавливаюсь, пытаюсь не спешить, выровнять дыхание, не падать в омут с головою, но меня накрывает желанием поцеловать, попробовать на вкус, хочу их до безумия. Впиваюсь в них, отпуская себя.

Они мягкие и податливые, сладкие, сочные, м, с ума сойти, какая же она необыкновенная и отзывчивая, нежная, моя девочка. Моё сердце выскочит сейчас наверное, но не обращаю внимания на это, ведь она ответила мне. Ответила...

Марина.

Прикрываю глаза и пытаюсь расслабиться. Губы всё ещё покалывает от поцелуя Руслана. Он был такой нежный, трепетный, он сначала немного растерялся, когда прикоснулся, словно спрашивал разрешения и не встретив сопротивления поцеловал очень сильно, настойчиво и страстно.

Я очень боялась открыть глаза и не верила в реальность происходящего. Но мне очень понравилось. Руслан после этого так счастливо улыбнулся и, по-моему выдохнул с облегчением. Надеюсь, это была не просто благодарность за бессонную ночь и помощь.

Руслан очень переживал, что я не спала всю ночь из-за него, и настоял на том, чтобы я пошла домой отдохнуть. Конечно, он прав, не выспавшаяся и уставшая я ему мало чем помогу.

Максим кое-как дозвонился до Петра Семёновича под утро и он обещал сегодня приехать и сам всё проверить. Максим любезно согласился сам всё ему передать по смене и отправил меня домой отдохнуть. Надеюсь Пётр Семёнович с Дарьей не сделают хуже Руслану.

До дома добираюсь из последних сил и заваливаюсь на кровать, позабыв про завтрак. Сказывается бессонная ночь и меня отрубает.

Открываю глаза за окном такой красивый алый закат, необыкновенно красивый. Любуюсь бегущими синими облаками по красному небу, красота.

Интересно который час? Смотрю на часы пять вечера. Ох, ничего себе! Я же обещала Руслану приехать к обеду. Проверяю сообщения, входящих нет. Как ты там солнышко? Я ведь не записала его телефон, хоть бы узнать в порядке он или нет.

Привожу себя в порядок и вызываю такси. Очень тороплюсь к Руслану, надеюсь с ним всё в порядке.

Не поднимаюсь в ординаторскую, не хочу встречаться ни с Дарьей ни с Петром Семёновичем. Меня до сих пор передёргивает от телефонного разговора с Петром Семёновичем. Раздеваюсь в общем гардеробе и прохожу сразу к палате Руслана. Застаю на посту Аню.

— Привет! — она улыбается мне очень загадочно, словно хочет мне что-то рассказать.

— Привет! Как тут дела?

— Ходит уже твой Каримов. А сегодня вообще с девушкой обнимался в коридоре.

От её слов, ноги подкашиваются просто. С девушкой?

— Какой? — не узнаю свой голос.

— Симпатичной, она правда очень расстроена была, я ей даже успокоительного дала, чтобы не всполошила нам тут народ.

Расстроена? Странно очень. И как он мог сегодня меня поцеловал, а днём уже с другой обнимался у всех на глазах.

— Ну, ты чего, расстроилась? — удивляется Аня — радоваться надо, что ходить начал. Его Пётр Семёнович сегодня вставать заставил.

Пётр Семёнович на ноги тебя поставил, другую обнимаешь при всех, а я значит, не нужна теперь, даже смс не заслужила. Дура я влюблённая. Обидно до жути. Ну, почему я влюбляюсь не в тех мужиков, а? Больно до слёз.

Теперь можно увольняться со спокойной совестью, ты на ногах, как и хотел.

— Где найти Петра Семёновича? — спрашиваю у Ани и спешу ретироваться, пока она не заметила моего состояния сейчас.

Марина.

В ординаторской уже никого нет кроме Максима, он приветливо мне улыбается.

— Привет, решила во вторую смену заступить?

— Почти, а Пётр Семёнович уже ушёл?

— Да, полчаса назад.

— Блин.

— А что ты хотела? У Каримого твоего всё на лад пошло, даже вставал сегодня

О его похождениях я уже наслышана.

— Уволиться хотела — обессилено опускаюсь в кресло.

Да Зотова ты даже уволиться нормально не можешь.

— Чего? Тебя Пётр Семёнович что-ли отчитал, за самодеятельность? — удивляется.

— Нет, я сама решила.

— Ты чего это решила?

— Да так, поняла, что не для меня это — тянусь к ручке на столе и листку чистой бумаги — к тому же испытательный срок.

— В один день? Ты с ума сошла?

— Нет, решила вернуться в районную, от меня там меньше вреда пациентам — пытаюсь свести всё на шутку и начинаю писать текст заявления на листе, хотя внутри всё подпрыгивает и совсем не до смеха.

Обнимался с девушкой — голос Ани засел в голове не вытравить.

— Марин, ты, что серьёзно? — Максим подходит к столу и заставляет оторваться от листа, опирается на стол руками и нависает надо мною — после одного дня? Пётр Семёнович наоборот похвалил тебя, что всё-таки вскрыла и промыла ему шов, Марин ты чего?

— Да я по личным причинам — не узнавая свой голос, отвечаю ему.

Мне гораздо легче будет не видеть Руслана каждый день и не испытывать это всё каждый раз при встрече с ним.

— Объяснишь? — не унимается Максим.

Мотаю головой в ответ. Не хочу никому ничего говорить и рассказывать, ведь это только мои чувства и скорее всего не взаимные, раз он с такой лёгкостью переключается с одной на другую.

Не хочу, чтобы Максим видел мои слёзы, которые на подходе, поэтому поднимаюсь из-за стола и выбегаю из ординаторской, не смотря на уговоры Максима.

Закрывшись в кабинке туалета, даю волю накопившемуся эмоциям, зачем я только поверила Руслану, зачем привязалась к нему? Ведь я совсем не знаю его. Но его поцелуй сегодня был таким чувственным и нежным, что в голове просто не сопоставляются картинки с другой девушкой. Этого просто не может быть, не может. Как же больно то, понимать, что тебя обманывают, и для него ты являешься одной из многих и совсем не эксклюзив, когда этот человек для тебя является особенным. Дура влюблённая!

Неожиданно в кармане вибрирует телефон, оповещая о сообщении. Достаю телефон, сообщение с незнакомого номера.

«Привет. Как ты себя чувствуешь? Отдохнула? Я очень соскучился. Ты придёшь

сегодня? Руслан.»

Соскучился... Сейчас я тебе покажу как я скучала!

Умываюсь холодной водой, пытаюсь скрыть следу слёз, но не очень то выходит. Ладно, пойду как есть, в конце концов я больше не буду с ним видеться и поставлю точку сегодня на всём.

Подхожу к его палате и стараюсь спокойно выдохнуть, ничего не выходит, колотит внутри как ненормальную.

Открываю дверь. Руслан стоит, опёршись о ходунки и что-то смотрит в телефоне на тумбочке.

— Привет — он переводит взгляд на меня и широко улыбается, но через секунду, улыбка стекает с его лица.

— Марин, что случилось? — он медленно шагает ко мне навстречу.

Ты случился в моей жизни. И как теперь всё сказать ему, глядя в его невероятные голубые глаза, которые сейчас полны тревоги и беспокойства.

Руслан.

Кое-как отпустил от себя Марину. Она необыкновенная, меня поразило, что она провела рядом со мною всю ночь и большую часть её не спала из-за меня. Беспокоилась и переживала обо мне. От осознания этого становится не по себе. За последнее время я отвык от того, что кому-то до меня есть дело. А Марина не кто-то посторонний, она стала очень близкой для меня за это время. Она спасла меня фактически и уже не один раз.

А как она ответила на поцелуй, м. Я чуть с ума не сошёл от той волны чувств, что накатила на меня после прикосновения с её губами. Нежные, податливые, такие манящие. Она ласково ответила мне от этого ощущения, чуть не задохнулся, её нежность и ласка оглушила просто. Она необыкновенная.

Она немного смутилась после нашего поцелуя и покраснела. Её реакция вызвала улыбку. Она поражает меня всё больше, такая стеснительная. Поцеловал её в кончик носа, чтобы не стеснялась больше, и она улыбнулась в ответ. Так тепло в груди стало и что-то давно забытое, похороненное всколыхнулось, не давая ровно вздохнуть.

Я отпустил Марину, точнее уговорил её поехать домой отдохнуть. Она и правда выглядела очень уставшей, и я очень рад, что она оставила мне свой номер телефона. Теперь у меня есть незримая ниточка, связывающая нас и я в любой момент могу услышать её голос, это здорово.

После того как Марина ушла в палату зашёл Пётр Семёнович. Он выглядел очень серьёзным и даже немного озабоченным что ли.

Он осмотрел мою спину, сказал, что хорошо, что шов почистили и пока он выглядит нормально.

После чего он разрешил мне встать, рассказал, как это правильно сделать. Мне так хотелось, чтобы Марина была рядом и увидела, что я уже встаю, но, увы, её не было. Под руководством Петра Семёновича я поднялся, преодолевая боль, опираясь на ходунки. Первый раз получилось неуклюже и больно так, что искры из глаз посыпались. Но я сделал первый шаг. Неуверенный, маленький шагочек, но он получился, ура!

Больно было шов, поясницу, но не ногу. Наконец-то я избавился от этой боли в ноге, операция стоила того. Всё получилось, слава Богу.

Первое, что пришло в голову это позвонить Марине и рассказать ей, обрадовать. Но я тут же себя одёрнул. Она должна отдохнуть. Пусть придёт и увидит меня во всей красе.

Не думал, что столько сил уйдёт на поход по палате первый раз, но это того стоило.

Уставший, но счастливый я уснул, в ожидании, что к обеду Марина вернётся.

Но к обеду она не пришла. Я решил повторить подвиг и встал самостоятельно. Второй раз уже не так страшно и уже привычнее как-то.

Выбрался из палаты и решил немного прогуляться по коридору.

Меня охватывает радость от того, что я снова хожу, это здорово. Неужели я скоро вернусь к полноценной жизни, даже не верится после всего.

Неожиданно вижу в коридоре Лину. На ней лица нет, она плачет и при чём, очень сильно, прикрывая рот рукой. Она меня не видит и идёт, опираясь о стену. Что случилось?

Окрикиваю её, она медленно поворачивается ко мне.

Иду к ней на встречу, видимо резко дёрнулся, спину прострелила боль.

— Что случилось? — спрашиваю её.

Она подходит ко мне сама, видимо понимает, что мне больно двигаться.

— Всё нормально — пытается сказать спокойно, но я то вижу.

— Ага, и поэтому ты плачешь?

— Тебе уже можно ходить? — пытается сойти с темы

— Да сегодня попробовал. Так ты расскажешь, в чём дело? — настаиваю.

— Мы с Димой расстались — она плачет, не может нормально говорить даже.

Это же надо было этому придурку, довести девчонку! О чём он только думал, ведь он в кресле и она его приняла таким, каков он есть, а это дорогого стоит, это ценить нужно, а он?

— Эй — беру её за ручку и тяну к креслам.

Она присаживается. Опускаюсь рядом, кое-как сдерживаюсь, чтобы не вскрикнуть от боли.

— Иди сюда — её нужно успокоить, обнимаю слегка и притягиваю к плечу.

Мне больно поворачиваться, но терпимо пока.

— Тише — успокаиваю и поглаживаю по голове, как она вчера, пыталась мне помочь. Но она отчего-то плачет ещё сильнее. Что он ей наговорил?

— Вот, возьми, это успокоительное — слышу голос медсестры, она вчера мне укол хотела сделать, а Марина её остановила. Ангел хранитель мой. Слава Богу ты появилась в моей жизни.

Медсестра подаёт таблетки и стакан воды мне.

— Спасибо — забираю всё у неё из рук.

— Держи — протягиваю ей стакан.

— Спасибо — она делает несколько глотков воды и прикрывает глаза, тяжело выдыхая.

Вкладываю ей в ладонь пару таблеток.

— Вышей, поможет — уговариваю её.

— Спасибо — она выпивает таблетки

— Что между вами произошло? Было же всё хорошо? — хочу узнать всё же.

— Было. Я и сама не поняла. Он ни с того не с сего сегодня захотел остаться здесь ночевать. А когда я приехала, сказал, что всё кончено. Он наигрался и я ему противна — она прикрывает лицо руками.

Разве можно так поступать с людьми, которых любишь? Ведь это самое дорогое, что у тебя есть.

— Тебе больно? — обеспокоенно спрашивает, наверное на лице всё написано.

— Мне? Нет. Я просто представил, каково это было тебе слышать. И это не с того не с сего?

Она кивает.

— А у него с головой всё в порядке?

Поражаюсь ему до сих пор.

— Конечно. Я не знаю, что у него сегодня случилось. Я вообще его дома ждала.

— Странно очень.

— Да ладно, что теперь. Не хочет меня видеть не надо, не могу же я навязываться, если он послал меня.

— То есть?

Послал???

— Он попросил свалить из его жизни и выгнал вон из палаты.

Ну точно не все дома у него!

— Бред. Что-то по любому случилось — пытаюсь понять.

— Мне тоже так кажется или это глупая надежда не знаю.

— Ладно, не переживай, остынет завтра, сам ещё извиняться будет — пытаюсь её ободрить.

— Я не смогу простить ему тех слов, что он мне сказал.

Это, чего же он наплёл ей, что она опять плачет?.

— Ну, всё тише — беру её за руку — успокойся — сжимаю её пальчики и вспоминаю, как Марина меня также поддерживала вчера. Маринка, когда же ты уже вернёшься, я уже скучаю.

— Ты сам то как? — наверное, лицо меня выдало

— Я? Немного шевелюсь, видишь. Мой первый поход и такой удачный, встретил тебя — улыбаюсь.

— Спасибо — сжимает мою ладонь в ответ.

К нам подходит мед сестра.

— Руслан Вам пора на укол, идёмте.

— Да — кивнул ей и отпустил её руку.

Пётр Семёнович назначил витамины и иммуностимулирующие, чтобы быстрее восстановится.

Поднимаюсь с кресла, облокачиваясь о ходунки, и делаю первый шаг.

— Спасибо, что поддержал — она меня останавливает.

— Не переживай так больше — прошу её.

Она наконец-то улыбнулась.

— Пока — подмигиваю ей и иду к мед. сестре.

— Пока Руслан — она машет мне рукой на прощание.

Почему мы не ценим то, что имеем. Ну, зачем он сорвался на девчонке? Ведь, даже, если настроение ни к чёрту, помню сам в такой же жопе депрессивной находился по поводу инвалидного кресла, но ведь близкие не виноваты в этом. Он радоваться должен, что Лина рядом, а не отталкивать. Ведь одному ещё тяжелее с этим справляться, сам знаю.

Мне ставят укол, и путешествую обратно в палату. Проверяю телефон, вдруг она позвонила или написала? Но в ответ тишина. Наверное, отдыхает. Она и так много времени и сил на меня потратила.

Пару часов проходят в гипнотизировании телефона. Ну позвони мне пожалуйста Марин или напиши, что с тобою всё в порядке. Ну, что ты молчишь?

А вдруг у неё нет моего номера? Она ведь свой оставила и сказала звонить в любом случае.

Решаюсь и пишу ей сообщение «Привет. Как ты себя чувствуешь? Отдохнула? Я очень соскучился. Руслан» Подписываю на всякий случай. Отправляю.

Жду ответ. Сообщение прочитано, но ответа нет. Да что же это такое? Сколько можно издеваться надо мною.

Поднимаюсь с кровати и подхожу к окну. На улице уже смеркается. Неужели ты решила оставить меня Марин? От одной только мысли об этом сердце сжимается. Ведь я же поверил тебе.

Подхожу к тумбочке и ещё раз проверяю телефон. Нет ответа.

Неожиданно распахивается дверь палаты и заходит Марина. Я так рад её видеть, что

улыбаюсь, наверное как дурак, сердце от радости сейчас выскочит наверное.

— Привет — говорю ей.

Но она чем-то расстроенная и мне кажется, даже плакала

— Что случилось? — не узнаю свой голос и иду ей на встречу, хочу обнять и прижать к себе.

Историю о том, что случилось с Линой можно прочитать в книге "Ты моё всё"

Марина.

Руслан, какой он высокий оказывается. Он медленно идёт мне на встречу, опираясь о ходунки, сильно морщиться. Ему же двигаться больно, не хочу чтобы он мучился, поэтому иду к нему на встречу сама.

— Что случилась, Марин? — он обходит ходунки, встаёт передо мною, обнимая за плечи, заглядывает в глаза.

Всё что хотела ему сказать, просто вылетает из головы под его пытливым взглядом. Но возможно он так же обнимал и смотрел сегодня на другую девушку. Становится больно от этого очень.

— Ничего страшного — выдавливаю из себя улыбку — ты уже ходишь — немного отстраняюсь от него. Надо держать дистанцию.

— Ну да. Пришлось сегодня встать без тебя, но вроде не плохо, получается — скромно улыбнулся и закусил губу — ты не ответила мне.

Ну что тебе сказать?

— Я рада, что ты ходишь, значит, моя помощь уже не понадобится.

— Что? — его голос садится.

Он поражённо смотрит на меня, его руки безвольно опускаются вдоль тела, отпуская меня.

— Помощь? — говорит глухо — ты просто помогала мне, как своему пациенту — он отшатывается от меня и хватается за ходунки.

Он очень тяжело выдыхает и с такой силой сжимает поручни, что костяшки его кистей стали белыми. Неужели ему это так неприятно слышать. Он больше не смотрит на меня.

— Наверное, утром, я ещё не отошёл от жара и позволил себе лишнее, прости — его голос звучит глухо, он отворачивается от меня.

Это он про наш поцелуй?!

А вот это уже больно! Лишнее значит!

— Наверное, не только со мною ты позволял себе лишнее, во всём жар виноват, да — не могу удержаться и не задеть его — что же ещё, конечно, только с жаром не шатаются по коридорам и не обнимаются, а в постели лежат и восстанавливаются.

Но надо успокоиться и поставить точку — я вообще ...

— Что? — перебивает меня и морщится, словно ему очень больно — ты о чём сейчас говоришь?

— Я, да так, не о чём, я вообще попрощаться заходила, я...

— Каком коридоре? О чём ты Марин? — непонимающе смотрит на меня.

Решил скрыть всё от меня отлично.

— Да уже не важно — отмахиваюсь и пытаюсь сохранить равнодушный вид, надо уходить, наверное.

— Ты про Лину, что ли? — вышибает пол из-под моих ног и удивлённо смотрит на меня.

Лина? Это та девушка, что выходила от него вчера. Девушка парня из нашего центра, он же говорил вчера.

— Я не знаю, да хоть про Малину, мне всё равно — поворачиваюсь к двери, нервы уже

сдают.

Руслан неожиданно начинает смеяться, так весело. Весело тебе да! Развлекаешься!

Но, почему-то стыдно становится, что так подумала про него так, ведь в глубине души верила, что здесь, что то не так. Ну почему сначала надумаешь всего вместо того, чтобы просто спросить и поговорить с человеком, с близким и родным.

— Марин — неожиданно обнимает меня за плечи и притягивает к груди спиной — дурочка — говорит на ухо — ты ревнуешь что ли? — мурлыкает мне на ухо.

Ты ещё издеваешься?

Пытаюсь отстраниться, но он крепче прижимает к себе и тихо стонет, сжимается весь. Вспоминаю, что ему двигаться то нормально ещё нельзя.

— Руслан, отпусти, тебе резкие движения нельзя делать — пытаюсь оттянуть его руки от своих плеч.

— Нет, мне одну дурочку ревнивую потерять никак нельзя, а это я переживу — крепче обнимает и прикасается губами к моей скуле нежно так, что ноги подкашиваются, прикрываю глаза — нет никого у меня, Марин, только ты.

Его слова рождают тепло в душе.

— А потом скажешь, что это опять бред и жар во всём виноват — не могу удержаться от подкола.

— Прости — утыкается носом в шею и жадно втягивает воздух — я подумал, что не нужен тебе такой.

Чего?

— Ты не пришла в обед, не ответила на смс, сказала, что просто помогала мне, а...а это больно — тяжело выдыхает — я ведь весь день тебя ждал, хотел обрадовать, а получилось. Поэтому я подумал, что для тебя я просто пациент и не более того.

Дурачок. И не останови он меня, наделала бы непоправимого. Потеряла бы его, а он очень ранимый внутри, уязвимый такой. Обидела бы его сейчас очень сильно. Реально ревнивая дура! Почему иногда нами правят эмоции, а не разум.

— Это ты прости меня — поворачиваюсь к нему лицом — ты для меня не просто пациент, ты стал кем-то особенным, очень близким и дорогим. На самом деле я очень боюсь тебя потерять. А сегодня я подумала, что у тебя есть другая девушка, с которой ты обнимался в коридоре.

— Никого у меня нет, Марин — говорит хрипло и легко гладит кончиками пальцев по моей щеке — только тебе есть дело до меня — уголок его губ нервно дёргается, ему очень сложно даются эти слова.

От его слов становится не по себе. Неужели он был так одинок и ему до сих пор так больно от этого.

— У тебя есть я — решаюсь сказать ему.

Он пристально вглядывается в глаза, словно не верит.

— Я хочу быть с тобой — признаюсь ему — прости, что по глупости чуть не ушла. Ты очень важен и дорог для меня — тянусь к его лицу.

Целую его в чуть колючую щёку, он очень напряжён.

— Правда? — его глаза заблестели.

— Ты нужен мне такой и я не оставлю тебя больше, слышишь — обнимаю его за шею, он рвано выдыхает и обнимает крепче.

— Спасибо — глухо говорит и опускает голову мне на плечо, рвано выдыхая, а у меня

сердце сжимается от его слов, насколько же он был одинок.

Руслан.

Прижимаю к себе Марину и поверить до сих пор не могу, что она со мною. Она рядом. И ведь чуть не ушла, а я не отпустил. Подумал, что не взаимны мои чувства к этой девушке.

Очень страшно довериться и впустить кого-то в свою душу. Но и быть на расстоянии с Мариной я больше не в силах. Мне хочется прикоснуться к ней, ощущать, что она рядом и её прикосновений очень хочется. Она очень нежная и заботливая.

Но ведь она сказала, что зашла попрощаться — доходят до меня её слова. Немного отстраняюсь и заглядываю в её глаза.

— Почему ты сказала, что зашла попрощаться?

— А — она потупила взгляд — я хотела уволиться и даже начала писать заявление.

От её слов в душе всё сжимается. Она же обещала мне два дня ещё и я надеялся, что она передумает.

— Почему?

— Руслан — она тяжело выдыхает — мне не очень понравился здесь коллектив и мне проще вернуться обратно — она отходит немного назад и нервно закусывает губу.

Врёт?

— Но ты же обещала мне и с утра такого настроения у тебя не было?

Становится больно стоять без опоры и поворачиваюсь к ходункам, притягиваю их к себе ближе опираясь.

— Сколько ты уже на ногах? — она хмурится.

Доктора включила и решила не объяснять мне всё?

— Не помню, пару часов может быть. Я не знаю — выходит более резко чем хотел.

— Вернись в постель, тебе ещё рано так по долгу ходить, и стоять — касается моего плеча, подталкивая к кровати.

Отлично вот и поговорили.

Молча подхожу к кровати. Как же не хочу корячиться при ней, ведь нормально садится, даже нельзя. Неуклюже и неловко, получается лечь в кровать. А правда легче стало, не так всё болит, прикрываю глаза и выдыхаю с облегчением.

Чувствую, что матрас прогибается. Марина присела рядом, ощущаю её даже через одеяло. Укрывает меня и тихо касается плеча, поглаживает. Не хочу открывать глаза, боюсь, опять натолкнуться, на её нежелание мне открыться. Хотя я и сам ей мало, что рассказываю о себе.

— Я хотела уволится сегодня не только из-за коллектива — слышу её тихий голос и открываю глаза.

Она не смотрит на меня, отвернулась и разглядывает пол под ногами.

— Я проспала сегодня почти весь день, а как только проснулась, помчалась к тебе. У меня же не было твоего телефона и я очень переживала за тебя, тем более ты ничего не писал — она тяжело выдыхает. — А когда пришла, то мед сестра рассказала мне о том, что видела тебя с девушкой, и ты обнимал её.

— Марин — сгребая её прохладные пальчики в свою ладонь.

Она поднимает на меня взгляд.

— Я подумала, в тот момент, что всё, что произошло утром, для тебя не имело значения,

раз ты обнимаешься с другой девушкой.

Да как ей в голову то такое взбрело. Для меня это было очень важным и наверное единственным, когда я ТАК боялся не ответа с её стороны.

— Для меня было бы очень болезненным и малоприятным видеть тебя каждый день и лечить тебя. Я бы просто не смогла, поэтому я и решила уволиться, правда Максим мне так и не дал дописать заявление.

— И правильно сделал, хоть у кого-то здесь сохраняется холодная голова.

Она недоумённо смотрит на меня, а я поражаюсь, как от недоразумения она чуть не наделала глупостей.

— Марин, почему ты не поговорила со мною сначала, а?

— А думаешь так легко подойти к тебе и обо всём расспросить. Я практически ничего о тебе не знаю. Я не знаю, что ты за человек и насколько искренен со мною! — она поднимается с кровати и подходит к окну, отворачивается и тяжело выдыхает.

Не знает меня! Искренен ли я! А она не видит этого? Не замечает? Не по себе становится от её слов.

— Марин я тебя не обманываю — не узнаю свой голос.

— Я знаю, извини — она оборачивается и подходит к кровати — прости, я не хотела тебя обидеть. И я верю тебе. Просто я боюсь обжечься.

— Я тоже Марин.

— Правда? — отчего-то удивляется.

Знала бы ты как.

От нахлынувших эмоций только могу кивнуть ей в ответ.

— Прости меня — сжимает мою ладонь своими пальчиками — мне очень было плохо от одной только мысли, что у тебя другая, Руслан — в её глазах блестят слёзы.

У меня в груди всё сжимается от её слов.

— Иди ко мне — тяну её к себе за руку.

Она наклоняется и обнимает меня, опуская голову мне на плечо. Притягиваю её ближе к себе.

— У меня есть только ты — целую её в висок — и мне тоже было больно от того, что ты пришла попрощаться — касаюсь губами нежной кожи виска, вкладывая все чувства к девушке — ведь я ждал тебя, потому, что ты стала очень важным человечком для меня. А когда ты сказала о помощи...

— Тише — она приподнимается и кладёт свои пальчики мне на губы не позволяя говорить — не надо. Я тебе не просто помогала, я очень боялась за тебя, потому, что ты для меня стал очень близким.

Близким... Такие странные чувства вызывает это слово в груди.

— Но ты не знаешь меня — до сих пор неприятно от этих слов.

— Прости. Ты мало что мне рассказываешь о себе, хотя мне очень бы хотелось узнать тебя ближе.

Придётся признаваться.

— У меня проблемы с доверием, Марин. Мне сложно...

— Я понимаю, не страшно, не переживай. Возможно, мы научимся этому когда-нибудь, и не будем обжигать, и обижать друг друга — она склоняется и целует меня в кончик носа.

От её жеста губы расползаются в улыбке, и на душе становится спокойнее.

— Ведь я тоже не доверяла сегодня своему сердцу, хотя и чувствовала, что ты не мог так

поступить со мною. И мне жаль, что я не пришла к тебе сразу. Прости, что обидела, подумав так про тебя.

Она всё же верила в меня в глубине души? Приятно.

— Ничего, солнышко — обнимаю её крепче — переживу.

Надеюсь, ты больше не повторишь этого.

Она немного склоняется и целует меня сама. Так нежно, искренне, ласково. Её губы, словно крылья бабочки ласкают, порхают по моим очень нежно, вызывая в груди что-то щемящее, трепетное, тёплое и приятное. От этого с ума можно сойти. Обнимаю её крепче и, забывая обо всём, поворачиваю нас на бок.

Опоминаюсь только тогда, когда спину простреливает боль, не могу сдержать стон.

Совсем с ней разум потерял.

— Тише — она легла на подушку рядом и укладывает меня к себе на плечо.

Обнимает, прижимает к себе, тихонько глядя по волосам. Немного расслабляюсь, боль потихоньку отступает. Марина гладит меня по голове и целует в висок. Закрываю глаза и растворяюсь в этой приятной неге, как же хорошо, что она не ушла сегодня от меня. Я бы не смог без тебя, солнышко.

Марина.

Руслан засыпает беспокойно. Обнимаю его крепче, он лежит у меня на плече. Легонько глажу по волосам, чтобы не разбудить. Это же надо было додуматься повернуть нас обоих. Наверняка ведь больно было очень. Дурачок мой любимый.

Его ресницы трепещут, не могу удержаться и прикасаюсь губами к его виску. Выдыхает тяжело, но не просыпается. Надеюсь, ничего не повредил себе, дурачок любимый.

Я так рада, что он рядом тихо посапывает. Я уже и отвыкла как это когда рядом с тобою кто-то есть, такой родной и близкий. И ведь чуть не ушла от него дура. Обидела бы его, наверное, очень. Так хочется верить, что я для него значу столько же сколько и он для меня.

Легко касаюсь губами его виска, он обнимает крепче, прижимаясь. В груди всё сжимается от того, что он хочет быть ближе или это просто рефлекс, но очень приятный. Так хочется хоть чуть больше узнать о его жизни, но он не хочет рассказывать мне. Прячет это где-то внутри. Проблемы с доверием? Что же с тобою было любимое солнышко. Тихонько глажу его по плечу.

Надо бы ему свет выключить, но боюсь, что разбужу его своими действиями.

Неожиданно дверь в палату открывается и заходит Максим. он ошарашенно смотрит на меня, я показываю ему, чтобы не говорил и не будил Руслана. Он ухмыляется и кивает. Вспоминаю про свет и показываю ему на выключатель.

Через секунду нас окружает темнота и силуэт Максима исчезает за дверью.

Руслан вздрагивает и стонет, бормочет что-то невнятное.

— Ник! — хрипло стонет.

Ник? Никита? Его брат?

— Руслан — глажу его по щеке — проснись родной мой — немного тормошу.

Он вздрагивает и открывает глаза. Блики фонаря отражаются в них шальным блеском.

— Это сон, солнышко — тихонько глажу его по голове, чтобы успокоился.

Дышит так тяжело, словно бежал.

— Марина — говорит хрипло и прижимается весь, обнимая крепко.

— Я с тобою — только и могу ответить от нахлынувших эмоций.

Это как он переживал. Что же с тобою случилось?

— С тобою — обнимаю крепче его, так хочу, чтобы успокоился и почувствовал, что не оставлю его больше никогда. Никогда он больше не будет один — Я тебя очень люблю — захотелось ему сказать об этом.

Зачем скрывать от него свои чувства, ведь я уже лежу с ним в одной постели практически.

Он вздрагивает от моих слов и отстраняется. Что не рад? Или я слишком рано заговорила об этом?

— Марин... ты — он словно теряется и вглядывается в глаза.

Для него это глупость, наверное, какая же я дура, расчувствовалась и поторопилась. Он не хочет этого...

— Ты действительно — срывается его голос — то есть — запинается — это правда, Марин — говорит хрипло.

Руслан.

Солнечно и тепло вокруг, так хорошо, лес, вдалеке слышится журчание воды. Прохожу чуть дальше и вижу берег речки. Вода такая чистая и прозрачная. Так и хочется окунуться. Замечаю фигуру на другом берегу. Это Ник. Он машет мне с другого берега. Как он там оказался?

— Ник! — кричу ему.

Он начинает отходить чуть дальше. Да что ж такое-то!

— Никита! — кричу ему и захожу в воду, здесь вроде не далеко до другого берега.

Но речка очень быстрая и оказывается почему-то глубокой, приходится плыть.

Гребу из-за всех сил, но берег всё дальше, словно стою на одном месте. Ник почему-то начинает убегать от берега дальше.

— Ник! — кричу ему.

Силы покидают, не могу дальше плыть. Меня сносит течением и накрывает с головой.

Ник, зачем ты убегаешь от меня. Неожиданно меня выбрасывает на берег, и я опять один.

— Ник! — зову его, но нигде не вижу его. От этой пустоты становится настолько больно, что в душе всё сжимается от осознания, что его нет. Его больше нет.

— Руслан, проснись родной мой — слышу родной голос и чувствую прикосновение к плечу.

Открываю глаза и вижу Марину, встревоженную очень.

— Это сон, солнышко — она начинает гладить меня по голове, даря своё тепло. Я и забыл каково это чувствовать.

— Марина — обнимаю её, хочу ощутить её ближе.

Становится немного не ловко от того, что она видит меня сейчас в таком состоянии. Обычно я всё это переживаю один.

— Я с тобою — слышу её.

В груди рождается что-то щемящее и тёплое, от её слов. Обнимаю её крепче, боясь, опустить, потерять и больше не почувствовать... Не почувствовать себя нужным кому-то...

— С тобою — от её слов мурашки пробегают по спине — Я тебя очень люблю — слышу её и не могу поверить, что не ослышался.

Немного отстраняюсь и пытаюсь разглядеть в её глазах подтверждение. От волнения сердце подпрыгивает под рёбрами. Любит? Меня?

— Марин... ты — язык не слушается, а голос пропадает.

Она своим признанием вышибла почву из-под моих ног, взорвала мозг. Разве можно любить такого как я? Даже родители не вынесли меня, а она...

Отчаянная...

Моя...

Моя родна девочка.

— Ты действительно? — не могу сформулировать, волнуясь, как школьник — То есть это правда, Марин?

Она немного теряется. Ответь мне, пожалуйста.

— Правда — вкрадчиво отвечает, казалось вечность спустя, разнося меня своим

признанием — конечно правда Руслан, даже не сомневайся — улыбается так счастливо, что все сомнения лопаются как мыльный пузырь.

Любит... Аж воздух из лёгких вышибло от её слов.

— Спасибо — только и смогу сказать ей от нахлынувших эмоций и прижимаю к себе.

Родная моя. Не могу поверить в происходящее.

Меня никто никогда не любил.

Это такое странное чувство, что переполняет меня сейчас.

Никто, кроме Ника не относился ко мне как к родному.

Обнимаю крепче, от неё исходит такое тепло, словно и во мне самом в районе груди зажигается солнце, согревая. Улыбаюсь, наверное, как дурак, но может быть — это и есть счастье. Когда ты снова начинаешь ощущать себя живым человеком, нежным другому, который тебе нужен больше всех на свете. Кажется дышать не можешь без него. И вот он рядом со мною, такое хрупкое и нежное счастье в моих руках. Моя Маринка, моя родная девочка.

— За что? — смущённо шепчет мне в плечо.

За тебя, за те чувства, что даришь мне. Ты заставляешь меня чувствовать давно забытые чувства, которые как мне казалось давно умерли во мне.

— За то, что ты есть на свете — целую её в щёчку — ты самое дорогое, что есть у меня, моя родная девочка.

— Это тебе спасибо — она немного отстраняется — что впустил меня сюда — она кладёт руку мне на грудь в область сердца — я очень ценю это, знай.

— У меня не было шансов поступить по-другому.

— То есть я не предоставила тебе выбора? — приподнимается на локотке и немного отстраняется.

— Нет, стоило мне увидеть вчера твои глаза в операционной, я уже не смогу их забыть никогда.

— Ты мне тоже сразу понравился, у тебя необыкновенно красивые голубые глаза, с медовыми крапинками — она ложится мне на плечо.

Медовые крапинки, обалдеть можно.

Целую её в висок и прижимаю ближе, так приятно чувствовать её рядом, вдыхать цветочный аромат её волос.

Через некоторое время Марина задремала на моём плече.

Разглядываю её, такую близкую и родную.

Длинные пушистые реснички, не широкие скулы, правильные формы лица, пухленькие губки чуть приоткрыты, так и хочется их поцеловать.

— Я очень тебя люблю — признаюсь ей шёпотом, боюсь спугнуть, сглазить и испортить счастье, что так неожиданно упало с небес мне на голову. Но я счастлив, очень.

Прикрываю глаза, мне сейчас так хорошо, что не замечаю, как проваливаюсь в сон.

Открываю глаза, палату освещает солнце. Рядом никого нет. Марина ушла. Ощущение пустоты наполняет грудь. Сбежала? Или решила уйти?

Интересно который час? Беру телефон почти девять.

Почему же ты сбежала от меня Марина?

Поднимаюсь раскорячившись и держась за ходунки, подхожу к раковине. Умываюсь и чищу зубы. Сегодня спину почти не больно. Надеюсь вчера ничего не повредил. когда повернулся неправильно.

Умывшись выбираюсь в столовую на завтрак.

Замечаю Димку. Он присел за столик. Надо поговорить с ним. Что случилось у него вчера, что он так поступил с Линой.

Он сидит хмурый и недовольный, закрывается от всего мира. Вспоминаю себя, когда был в кресле, аж холодок по позвоночнику пробежал. Не хочу повторения.

— Привет — подхожу к нему — можно? — указываю на стул рядом.

— Падай — бурчит и отодвигается немного.

Присаживаюсь на стул. К нам подходит девушка и ставит передо мною поднос с завтраком, она вчера помогла мне так же с обедом.

Надо как-то разговорить нашего буку.

— Как дела? — пытаюсь размешать масло в каше, что прилипает к ложке.

— Лучше не бывает — отнекивается.

— Правда и поэтому ты такой помятый? — пытаюсь подцепить его.

Он и правда словно не спал ночь.

— Не твоё дело — отворачивается и прикрывает глаза, судорожно выдыхая.

— Может и не моё, но с любимыми так поступать нельзя, тем более тебе посчастливилось найти человека, который любит тебя таким какой ты есть, со всеми твоими особенностями и недостатками.

А это дорогого стоит, по себе знаю.

— Ты мне мораль пришёл читать? — зло сопит.

— Нет, но Лину доводить до такого состояния, как вчера не позволю.

Нельзя так с любимыми.

— А ты кто такой? Очередной любовник? Сколько вас ещё? — нервно выкрикивает.

Аж смешно становится от его мыслей.

— Ну и придурок же ты — не могу сдержать улыбки.

— Не надо из меня лоха делать. Про одного уже знаю. Ты какой в очереди? — его аж потряхивает. Нехило тебя зацепило?

— Какой очереди? — поражаюсь я ему — Придурок! — уже не выдерживаю — Она вчера от тебя в таком состоянии вышла. Ведь видно, что девчонка тебя любит!

— А другого целует, а с тобою, что спит? — сжимает кулаки.

Да что ты за баран такой!

— Нет конечно! Ты что спятил — не могу сдержаться — Она так выла вчера, когда вышла от тебя, думал в обморок грохнется. Нельзя так. Она любит тебя.

Не знаю уже как убедить этого дурака.

— И целуется с другим за моей спиной — просаживается его голос.

Ни за что не поверю.

— С чего ты взял?

— Сам видел — опускает взгляд.

Да ладно? Неужели все-таки даже Лина оказалась лживой? Хотя меня и моя Марина оставила сегодня и ни ответа ни привета. В груди засадило от этой мысли.

— Да ну — не верю.

— Хочешь покажу?

— Давай.

Он достаёт телефон и включаю запись с домофона. Отдаёт мне.

На видео какой-то мужик лапает Лину и пытается поцеловать, она морщится,

отстраняется, но он всё же её целует. Так противно становится, что аж врезать ему захотелось за насилие над ней. Она возмущается, а когда он ещё раз пытается её притянуть к себе, залепляет ему пощёчину, такую смачную. Молодец! Я в тебе и не сомневался.

— Что нравится? — голос его подрагивает.

И что он тут увидел? В чём обвиняет её не пойму.

— Ну ты и придурок. Ты из-за этого? — не понимаю я его.

— Здесь по-моему и так всё ясно — забирает нервно телефон.

Ясно ему!

— Ну либо я дебил и не понимаю, что девчонку насильно поцеловали и она вlepила пощёчину, либо ты кретин, раз из-за этого довёл её до слёз.

— Какую ещё пощёчину — он хмурится и начинает перематывать видео.

Он недосмотрел?

— Ты что не досмотрел до конца? — не удерживаюсь от вопроса.

— Нет не смог — его голос срывается.

Да наверное больно видеть свою девушку в объятьях другого. Если бы так кто-то поступил с Мариной, размотал бы на хрен, несмотря на проблемы со спиной.

— Так смотри — говорю придурку.

Он досматривает до конца и выдыхает с облегчением. Улыбается.

— Да — поражаюсь — ну ты точно лошара, конечно, мог посмотреть всё — пробую кашу, ничего на вкус.

— Чёрт — не сдерживаясь лупит по столу кулаком. Осознание пришло слишком поздно?

— Эй по легче — поддерживаю его за плечо — наговорил ты ей конечно много всего, но она любит тебя и возможно простит. Хотя она сказала вчера, что не сможет простить тебе сказанного.

— Что же делать? — опускает голову в растерянности.

Да, уж.

— Вымалить прощение, разве ты не знаешь?

Он дерётся за колёса инвалидного кресла.

— Но с начала занятия. Здоровье прежде всего. Ты и так ничего не съел — указываю на поднос.

— Не хочу.

Понятно всё с тобою Отелло недоделанный. Уже готов бежать к ней. Приятно, что смог хоть как-то помочь Лине. Надеюсь они помирятся.

— Ладно мне пора — поднимаюсь, опираясь на ходунки. Уже ловчее получается.

Отправляюсь на выход, теперь бы мне найти мою Марину. Куда же ты пропала? Хоть бы написала мне.

Возвращаюсь в палату с надеждой. Но никого...

Присаживаюсь на кровать.

Дверь распахивается, моё сердце подпрыгивает в надежде, но разочарованно падает куда-то вниз.

Это Пётр Семёнович.

Стандартный осмотр, рекомендации ещё на пару дней оставить ходунки. Хотел попробовать без их.

Не удержался и спросил про Марину.

Его ответ меня уничтожил просто.

Она уволилась сегодня утром без объяснения причин. И больше не придёт ко мне в качестве врача.

Хорошо, а в качестве моей любимой девушки ты вернёшься?

Прошло уже полдня и закончился обед, но от Марины нет вестей. И не пишет ничего в ответ на мои смс, что написал ей не удержавшись.

Ты всё-таки оставила меня, хоть и обещала быть рядом. Дурак зачем позволил ей так далеко залезть в душу и сердце. Да я же сдохну без неё. Как раньше было хорошо. Намного проще жить, когда ничего не ждёшь от человека рядом и никого не ждёшь. Одному было проще. А теперь погибай придурок от внутренней огонии. Тебя опять предали! И казалось, что куда может быть хуже и больнее, а оказывается душа может болеть, ещё как...

Руслан.

Наверное, я на самом деле дурак, раз подскакиваю каждый раз как только дверь в палату открывается и жду её до сих пор. АААА! Как же больно разочаровываться в людях, особенно если они стали тебе очень близки. Она залезла под кожу, заполнила собою грудную клетку, кажется уже дышать нормально не могу без неё.

Не спал всю ночь, как заведённый не могу успокоиться и поверить, что она бросила меня. Ничего не говоря, не ответив мне на смс. Вчера не удержался и позвонил ей вечером. Но мой звонок остался без ответа, а второй раз мне сообщили, что телефон выключен.

Вот так, оказалась и она лгуньей. Все её слова ничего не значили.

Оказывается, можно так поступать с людьми. Выбрасывать их из жизни как ненужный мусор. Ну, что ж. Не такое я пережил и это переживу. Заставляю себя подняться с постели и пойти на завтрак.

Неужели такими теперь будут все мои дни без неё. Опять та же серая будничность без улыбок, тепла и счастья, что так варварски выдрали из рук.

Доползаю до столовой. Осматриваюсь. Димки нет нигде. Странно, неужели пропускает еду или ему настолько плохо от того, что его не простила Лина?

Приговорив кашу с компотом возвращаюсь в свою палату. Никого. Ничего другого не ожидал. Она больше не придёт.

Господи от чего так выть то хочется! Больно до невозможности. Проверяю телефон, там всё та же тишина.

Ближе к обеду в палату зашёл Пётр Семёнович на осмотр. Сказал, что сегодня отпустит меня домой вечером.

Домой... Это хорошо, если не считать, что там меня ждёт звенящая тишина.

Выбираюсь в очередной раз из палаты до столовой и в холле вижу Димку с Линой. Помирились. Хоть кто-то в этой жизни счастлив...

— О рад вас видеть вместе подхожу к ним ближе. Димка оборачивается, а Лина улыбается мне.

— Что на завтрак не приходил — протягиваю ему руку. Димка какой-то нервный, жмёт в ответ.

— Некогда было — бурчит — я поехал. Будь здесь — это уже Лине.

— Я тебя жду — Лина улыбнулась ему, а у меня сердце защемило, вспомнил как улыбалась мне Марина.

Неужели это был фарс, ну невозможно так притворяться. Господи, как же я хочу увидеть её, чтобы объяснила, рассказала мне всё, а не пропала вот так. Выбросив из своей жизни.

— Ладно — Димка уезжает на процедуры.

— Как ты? — взволнованно спрашивает.

— Бегаю потихоньку — стараюсь скрыть эмоции и прикрываю глаза не хочу, чтобы видели все, что со мною происходит сейчас.

— Может лучше присядешь?

Наверное, видок у меня тот ещё.

— Угу — соглашаюсь и передвигаюсь к креслу.

Присаживаюсь. Лина опускается рядом.

— Помирились? — спрашиваю.

— Да, спасибо, что помог понять Диме всё — Лина счастливо улыбается.

Приятно видеть её такой.

— Да ладно, на нём и самом лица не было вчера. Это ж надо было не посмотреть всё не убедиться — до сих пор поражаюсь ему.

— Не говори так. ему было тяжело от всего этого — становится строгой.

Наверное, я и сам не смог бы посмотреть как Марину лапает кто-то другой. А теперь она свободна. Ты ничего не сможешь сделать ничего. У меня и прав то никаких не было на неё, оказывается. А как же больно-то. Почему она из головы не идёт совсем.

— Понимаю — только и могу выдавить из себя в ответ.

— Когда тебя выпишут? — отчего-то спрашивает. — Выпишут? — понятия не имею — я пожизненный клиент здесь ты чего?

— Как это?

— Ну сейчас реабилитация опять месяца на два — объясняю.

— А ты всё это время будешь здесь?

Это единственное место где меня поставили на ноги.

— А где мне быть? — отвечаю.

— Ну дома или с родителями — добивает меня словами.

Родители...

Дом, которого нет, семьи нет, Марины нет, никого нет!

— Домой- я даже слово это забыл — нет его, дома — не хочу ей говорить ни о чём.

— Как это? У каждого есть он.

Да что ж такое?!

— М, ну я наверное, исключение- пытаюсь слезть с больной темы.

— Прости, вечно лезу не в свои дела — она прикасается к руке, а меня относит в день операции.

Перед глазами Марина, держащая меня за руку, помогающая пережить всё это, забыться на какое-то время и почувствовать себя по-другому. От воспоминаний аж в груди всё сжалось.

— Да перестань. Ты единственный человек за последние полтора года, которому интересно хоть что-то из моей жизни.

Вру конечно, но получается, что это правда, раз Марине я оказался не нужен. Вижу жалость в глазах Лины.

Наверное, и Марина просто жалела. Как же больно от этого.

— Вот только не смотри на меня так — не выдерживаю.

— Как? — удивляется.

— Не жалей, ладно? — объясняю.

— Хорошо. То есть ты здесь надолго. Но ходишь уже намного лучше.

Да ходить становится легче.

— Завтра хочу без ходунков, вот только врач ворчит, что рано — поясняю.

— Не переусердствуй, а то Дима вон вечно со спиной. Болит у него после перегрузок.

— Это нормально. Если болит-значит живёт в нашем случае только так.

— Понятно.

— Не переживай, встанет он, если сам захочет. А это ты его поцарапала при примирении? — вспоминаю о покарябанной физиономии Димки.

— Нет, он с лесенки слетел, когда меня догнать хотел.

Охренеть.

— Убегала? — не понял, зачем?

— Ага.

— Нельзя же, ведь не догонит он никогда.

Уж ей ли не знать, что на колёсах своих он не сможет, да и морально тяжело понимать, что ты не можешь это сделать.

— Знаю, но я тогда не думала, что он мириться хотел.

— М. Знаешь иногда нужно свою гордость засунуть в одно место, если тебе человек дорог.

Наверное, но это если он любит в ответ, это как оказался не мой случай.

— Да я уже это поняла — опускает взгляд.

Стыдно стало.

— Он не поломался хоть в полёте то? — отчаянный конечно он.

— Виском ударился, боюсь, как бы не сотрясение. Вчера голова кружилась и температурил.

Ничего себе, прокатился.

— Ну здесь проверят не переживай.

В желудке заурчало, вспоминаю, что шёл я на обед.

— Мне пора на обед — поднимаюсь с кресла — рад был увидеть тебя.

— Я тоже. Выздоровливай — она тепло улыбнулась мне.

Неужели Марина больше не появится в моей жизни? Больше не улыбнётся мне?

— Спасибо — отвечаю ей и стараюсь быстрее ретироваться.

Не выдержу больше жалости в её взгляде.

После обеда мне ставят уколы и отправляют домой.

Как же хорошо выйти на свежий воздух. Морозно сегодня, но солнце яркое такое, слепит просто. Скользко очень.

Тихонько передвигаюсь в сторону остановки. Зачем-то вглядываюсь в лица прохожих, ищу знакомые черты. Но их нет. Они не она. И почему-то чувствую безумную нехватку Марины рядом. Зачем так больно?

Сказала бы всё в глаза, зачем так. Я бы не надеялся больше, не ждал тебя. Да что ж так плохо-то. Останавливаюсь и достаю телефон. Но всё без изменений. Удерживаю себя, чтобы не набрать её номер в очередной раз. Зачем? И так всё ясно. Не нужен ты ей. А слова её пустые были. Не знает она меня? Это я оказываюсь тебя не знал Марин. Возвращаюсь в свою пустую квартиру. Спёртый воздух, создаёт ощущение заброшенности.

Проветриваю всё. Оставляю ходунки в коридоре и пытаюсь ходить без них. Больно конечно, но это хоть отвлекает от мыслей о Марине.

Никогда раньше не чувствовал себя настолько плохо, даже рассказать не кому о том, что внутри у тебя. Да и не зачем. Ведь жил раньше и не жаловался. Отчего сейчас это настолько остро чувствуется.

Прикрываю глаза и пытаюсь успокоиться и нормально выдохнуть. Ничего не получается.

В груди словно огнём палит от мысли, что её больше не будет в моей жизни. Ведь люблю её очень, за что она так со мною? За что все со мною так?

Ник, как же тебя мне не хватает. Зачем меня откачали, а? Сейчас бы не чувствовал всего этого!!

На глаза попадается начатая бутылка вискаря.

Марина.

Открываю глаза, в палате уже светло, на улице брезжит рассвет. Руслан рядом тихо посапывает на боку. Он выглядит таким спокойным и умиротворённым. Пусть я не услышала от него вчера слова о любви и призналась сама. Но его реакция вчера меня поразила. Он словно не поверил мне сразу.

Проблемы с доверием, я всё время забываю об этом. Что же с тобою тогда произошло, раз ты так реагируешь на, казалось бы, обычные вещи.

Надо встать, но так не хочется оставлять его одного. Ему это важно. Постараюсь со всем разобраться и вернуться к нему до завтрака.

Легко целую его в висок, стараясь не разбудить и поднимаюсь с постели. Нужно узнать, чего хотел вчера Максим. Я ведь и так проспала практически свою смену. Да ещё он застал нас с Русланом в постели, неудобно как-то получилось.

Захожу в ординаторскую. Максим сидит за столом и заполняет карточки пациентов, зевает.

Он поднимает на меня взгляд и начинает ухмыляться.

— Что такая помятая, лечила всю ночь Каримова? — говорит с издёвкой.

— Да я случайно уснула — признаюсь ему.

— А ты в курсе, что таким поведением компрометируешь персонал? Интрижка с пациентом на глазах у всех, это не профессионально, мягко говоря. К тому же Пётр Семёнович, очень категоричен в этом вопросе. И не поддерживает это всё.

Категоричен? А сам мутит с Дарьей!

— А Пётр Семёнович у нас прям святой человек! — не могу удержаться.

— Это его проблемы. Я тебя предупредил — поднимается из-за стола — пойду кофе попить, спать захотелось.

Он выходит из кабинета.

Ощущение, что меня только, что помоями окатили. Замутить с пациентом — это не профессионально. Я с Русланом совсем голову потеряла.

Замечаю на столе своё не дописанное заявление. Я всё равно буду с ним, компрометировать людей я не хочу и может лучше будет уйти отсюда. Вернусь на прежнее место, здесь у меня всё равно не складывается с персоналом.

Пётр Семёнович поставил Руслана на ноги, поэтому как врач я себя чувствую лишней и никчёмной.

Подписываю заявление у Петра Семёновича на радость Дашеньке. Он очень удивился, но подписал без отработки.

Оформление заняло не очень много времени и когда мне выдали трудовую, я выдохнула с облегчением.

Заглянула к Руслану с такой новостью, но он так сладко спал. Не стала его будить и вышла из палаты, чтобы не шуметь.

Позвонила на прежнее место работы и попросилась обратно к Артёму.

Он очень обрадовался, и сразу согласился, потому, что у них аврал.

Он попросил приехать сразу, потому, что у них аврал полный.

Обстановка не изменилась, словно и не уходила никуда. Иринка забрала мои документы на оформление, а меня Артём отправил сразу на операции.

Здесь всё привычное и родное, словно вернулась домой. Всё-таки семь лет здесь проработала.

Операций действительно очень много, словно конвейер из одной в другую и все разные. Это хорошо, а то монотонность усыпляет внимание, а здесь так нельзя. На последней операции я поняла, что уже почти не чувствую ног. Устала очень.

Когда она закончилась сил почти не осталось, ноги стали ватными просто. Слава Богу сложных случаев не было, но количество! К нам привезли пострадавших после аварии с автобусом и фурой. Передаю всё второй смене и наконец-то иду переодеваться. Ноги ватные. Присаживаюсь на кушетку и прикрываю глаза. На пять минут, потом переоденусь. Я же до сих пор не позвонила Руслану и не объяснила ничего. Но такая усталость, что аж язык не ворочается.

Открываю глаза и пытаюсь понять где я. Вспоминаю, что я в раздевалке. Я что так и заснула тут? За окном темень. Который час? Вот это я прикрыла глаза на пять минут.

Руслан...

Я так и не поговорила с ним. Достая телефон из сумки, проверяю. А телефон — не включается. Села зарядка? Как же вовремя-то, блин!

Выхожу из раздевалки и пытаюсь найти хоть у кого-нибудь зарядник.

Как на зло на мой разъем не нашлось. Уточняю время — десять вечера.

Вот это да!

К Руслану поздно ехать, наверное, уже спит. Переживает, наверное, ведь я ему ничего так и не объяснила.

Возвращаюсь домой. Первым делом ставлю телефон на зарядку. Принимаю душ, пытаюсь немного расслабиться, после такого напряжённого дня. Это же надо было проспять столько времени. Бедный Руслан, наверное извёлся там весь.

Забираюсь под одеяло и включаю телефон.

Несколько смс с неизвестного номера. Номер Руслана я так и не вписала.

«Привет, ты где пропала?», «Марин ты уже не смешно. Ответь мне», «Не хочешь общаться. Я так и понял. Можно было в глаза всё сказать», «Получается, что ты мне врала вчера?»

От его мыслей аж холодок по спине прошёлся. Он подумал, что я его бросила? А что ему оставалось подумать? Надо было позвонить ему или всё-таки разбудить и рассказать всё.

Я уже готова сорваться к нему, но смотрю время уже двенадцатый час. Не надо его будоражить на ночь. Наверняка уснул уже.

Дурачок любимый. Завтра приеду к нему и всё объясню после работы. Надеюсь завтра будет более спокойный день. И всё же я рада, что вернулась на прежнее место работы, там моё место. Наверное, сказывается усталость, глаза слипаются.

До больницы добираться дольше, поэтому приходится вставать очень рано. Но сегодня я взяла с собою зарядник на всякий случай. Не стала с утра булгачить Руслана, объясню всё

ему после работы.

Да день выдался намного спокойнее чем вчера.

Передав всё второй смене, выбегаю из больницы. Так хочу увидеть Руслана. Я безумно соскучилась по нему.

Забегаю к нему в палату, а его кровать пуста. Что случилось?

Охватывает паника. Выбегаю в коридор и иду к посту Ани.

— Привет — Аня улыбается мне.

— Привет — не ожидала, что голос выдаст меня — а Рус...Каримов где?

Только скажи, что с ним всё в порядке пожалуйста.

— Так его домой отправили, завтра придёт на процедуры.

Домой. Его выписали?

— А он нормально ходить начал?

— Нет с ходунками пока, ходил.

— Понятно — тянусь к телефону. Мне надо услышать его. Но после его смс, нужно увидится с ним — Ань ты можешь сказать мне его адрес. Пожалуйста.

— Зачем? — удивляется.

— Надо мне его увидеть.

— Странная ты какая-то, то увольняешься без причины, то адрес тебе его подавай. он вообще тут два дня ходил лица на нём не было.

Солнышко моё. Дура надо было позвонить ему вчера. Он ведь подумал, что не нужен мне.

— Ладно — она достаёт со стеллажа его карту — записывай или запомнишь? — поворачивает обложкой ко мне.

Читаю заветный адрес и пытаюсь запомнить Калинова 86–56.

— Спасибо — говорю Ане и бегу к выходу.

Дождись только меня родной мой.

Вызываю такси и называю адрес Руслана.

Дорога кажется безумно долгой и длительной. Как только машина останавливается, выбегаю на улицу. Из его подъезда как раз выходила девушка мне на встречу. Забегаю в подъезд и высчитываю на каком этаже его квартира. Третий этаж. Бегом поднимаюсь по лесенкам, чуть не падаю, запнувшись на последней.

Нажимаю на звонок, сердце выскочит сейчас. открой мне хороший мой.

За дверь слышится грохот и моё сердце сжимается. Неужели упал?

Марина.

— Руслан! — кричу в закрытую дверь в надежде, что он услышит меня. Паника нарастает.

Начинаю стучать в дверь. Прислушиваюсь. Кажется, что за дверью возня какая-то.

— Руслан открой, пожалуйста! — говорю ему, словно он может услышать меня.

Спустя казалось вечность, слышу щелчок замка и дверь распахивается.

Руслан выглядит очень уставшим и осунувшимся, при этом взгляд какой-то замутнённый.

— Руслан — выдыхаю.

— М, вспомнила обо мне? — ухмыляется и складывает руки на груди.

Чувствуется запах алкоголя. Замечаю, что его локоть ободран.

— Прости я хотела поговорить. Я...

— Ах, да? — перебивает — двух дней ты не нашла, чтобы поговорить? Почему сегодня? Какой-то особенный день? Или ты надеялась, что я до сих пор жду тебя? Твоих объяснений? — его качнуло, он схватился за косяк двери и прикрыл глаза выдыхая.

— Тебе не хорошо? — хочу дотронуться до его руки, но он пригвождает меня к месту своим холодным взглядом.

— Мне отлично Марин — говорит с надрывом — без тебя — его голос срывается, а глаза начинают блестеть.

Без меня... Обидно, конечно. Но его вид полностью говорит об обратном.

Но если он не хочет, заставлять его не буду. Зачем? Насильно мил не будешь.

— Что ж, хорошо — отхожу назад — я рада, что ты жив здоров! — пытаюсь сохранить лицо.

— Такие сволочи как я, оказываются живучими — хрипит в ответ, в глазах стоят слёзы.

Да что происходит?!

— Не говори так. Ты не такой.

— Откуда тебе знать? — опускает взгляд.

— Руслан.

— Уходи Марин — его плечи опускаются, а пальцы сжимаются в кулак.

Он не хочет меня видеть.

— Ты даже не выслушаешь меня? — делаю ещё одну попытку достучаться до него. Он же ведь закрылся совсем. Обиделся. Хотя я на его месте поступила бы также.

Он смотрит на меня обжигая болью. Затем качает головой.

— Нет смысла, уходи.

— Да почему! — кричу ему, а он неожиданно закрывает дверь перед моим носом.

— Уходи — слышу глухое из-за двери.

Накатывает отчаяние, не могу сдержаться.

— Прости меня! — луплю по двери — Я не могла тебе позвонить вчера! Открой, пожалуйста! Руслан!

В ответ ощущаю удар по двери, потом ещё один с той стороны.

— Поговори со мною! — ударяю по двери.

— А!!! — слышу его крик из-за двери полный отчаяния и боли.

— Прости меня — не могу сдержать слёз.

Ноги подкашиваются просто, приседаю, опираясь спиной о дверь. Отчего то хочется думать, что он так же сидит у двери с той стороны.

— Руслан, мне пришлось уволиться, потому что это не профессионально для врача встречаться со своим пациентом — начинаю рассказывать, словно он мог меня слышать.

Ощущаю глухой толчок с той стороны. Он слушает?

— Поэтому я не хотела терять тебя и решила не компрометировать никого и уволиться. Я хотела тебе рассказать, но ты спал, и я не стала тебя будить. Поехала на старое место работы. Так меня взяли в этот же день. Было много операций, я очень устала, а когда хотела позвонить тебе и всё рассказать, обнаружила, что сел телефон. Я не специально правда.

Ощущаю слабые толчки с той стороны двери, словно он бьётся затылком об дверь. Слушает значит. Это вселяет надежду.

— Домой я приехала в одиннадцать вечера. Не стала тебя будить на ночь и решила, что сегодня всё расскажу тебе лично после работы. Но тебя выписали и вот я здесь — тихо стучу по двери — я не оставляла тебя. Прости что так получилось. Руслан!

Тишина в ответ. Может он не слушал меня?

— Открой мне! Я всё равно не уйду! Ты очень нужен мне — поверь пожалуйста — и я тебя не обманывала никогда. Открой- скребусь как кошка в дверь.

Но я не могу уйти от него. Ведь он гонит, потому, что ему больно. Он подумал, что я его бросила. Предала. Наверное, с ним так часто поступали, раз у него проблемы с доверием.

В ответ тишина и разделяющая нас дверь. Не должно быть так. Неужели он не откроет? Неужели это всё! Больно очень. Накрывает отчаяние.

— Прости меня — не могу сдержать слёз, ведь я же не виновата ни в чём.

Неужели он меня не простит? Он выгнал меня практически. Дверь закрыл.

— Не закрывайся от меня, пожалуйста. Я не смогу без тебя, слышишь — бью по двери в отчаянии.

Руслан.

Как же я скучал по Марине. Стоило только увидеть её сердце подпрыгнуло и побежало как бешенное. Но зачем она пришла? Из жалости? Нет не хочу таких отношений.

Пытаясь запомнить каждую чётточку девушки, заставляю себя зарыть дверь и отгородиться от неё.

— Уходи — выдавливаю из себя.

Она не должна быть со мною. Не надо меня жалеть!

Но как только слышу её голос, полный отчаяния, ноги прирастают к полу и присаживаюсь на пол, облакачиваясь о дверь.

Она ударяет по двери, вибрация отдаёт в спину. Больно, но это хоть отвлекает от того, что твориться внутри. Я ведь сдохну без неё!

— Поговори со мною! — разрывает мне сердце.

Почему ты со мною не говорила, когда нужна была мне? Отчего так-больно-то внутри, словно раскалённого железа залили в грудную клетку.

— А!!! — не могу сдержаться, как же больно-то.

Я никогда не испытывал подобного. Даже с Янкой разрыв проще пережил. А здесь...

— Прости меня — слышу её срывающийся голосок и душа сама летит на него. Пытаюсь выдохнуть, но ничего не получается. От её слов глаза жечь начинает.

— Руслан, мне пришлось уволиться, потому что это не профессионально для врача встречаться со своим пациентом — оправдывается.

Не профессионально! Конечно ты обуза для неё. От её слов выть хочется. Врезаюсь затылком в дверь.

Не слушай эти оправдания! Не нужен ты ей. Как же больно всё это понимать и принимать. Но зачем-то слушаю её дальше. Ведь люблю её и надеялся, что у неё более веская причина на всё это, чем это не профессионально. Обидно до чёртиков.

— Поэтому я не хотела терять тебя и решила не компрометировать никого и уволиться. Я хотела тебе рассказать, но ты спал, и я не стала тебя будить. Поехала на старое место работы. Так меня взяли в этот же день. Было много операций, я очень устала, а когда хотела позвонить тебе и всё рассказать, обнаружила, что сел телефон. Я не специально правда.

Господи с её слов это так просто всё! Я чуть не сдох от неизвестности! Неужели было сложно просто написать и сказать, что всё ещё не потеряно!

— Домой я приехала в одиннадцать вечера. Не стала тебя булгачить на ночь...

А я и не спал, ты даже не представляешь, что я чувствовал тогда...

— И решила, что сегодня всё расскажу тебе лично после работы. Но тебя выписали и вот я здесь — стучит по двери — я не оставляла тебя. Прости что так получилось. Руслан!

Не оставляла? Выкинула меня из жизни, а теперь оправдываешься, что это не так. За что все со мною так поступают? Что со мною не так?!

Да что я такой сентиментальный то стал... Даже выдохнуть нормально не получается.

— Открой мне! её голос врывается в сознание — Я всё равно не уйду! Ты очень нужен мне.

Нужен? Не правда! Я никому не нужен НИКОМУ, пора бы это уже усвоить Руслан! Н отчего-то сердце рвётся от её слов, и глупая надежда рождается в пьяной голове.

— И я тебя не обманывала никогда. Открой- скребётся в дверь.

А ведь она меня не обманывала пока.

— Прости меня — её голос срывается.

Она что плачет? От одной этой мысли сердце сжимается. Ведь из-за меня ни одна женщина ещё не лила слёзы. Закрадывается болезненная мысль, о том, что я может всё же нужен ей и не безразличен.

— Не закрывайся от меня, пожалуйста. Я не смогу без тебя, слышишь — она бьёт словами в самое сердце.

Дыхание спирает от нахлынувших эмоций.

А смогу ли я без тебя? Ведь эти два дня были адом для меня...

Марина.

Не могу поверить, что это конец. Руслан не открывает. Я уже не знаю, что мне делать.

Поднимаюсь на ноги. Неужели придётся уйти? Делаю шаг к лестничной клетке, сердце замирает в ожидании чуда.

Слышу щелчок замка.

Он открыл дверь?

Оборачиваюсь. Он не открывает саму дверь, но замок открыл. Подхожу к двери и толкаю её.

Она поддается и открывается во внутрь квартиры. Неужели впустил?

Выдыхаю и перешагиваю порог его квартиры. Руслан не включил свет в коридоре, его образ освещается только светом, падающим из кухни. Замечаю перевёрнутую тумбочку, около которой он сидит на корточках, сложив руки на коленках и опустив голову на них. Ему же нельзя так сидеть.

— Руслан — подбегаю к нему и опускаюсь рядом на колени. Хочется дотронуться до него. Он так закрыт и напряжён сейчас.

Тянусь к нему и касаюсь плеч.

— Родной мой, прости меня — ощущаю, как под пальцами напрягаются мышцы.

Он поднимает голову, в его глазах стоят слёзы.

— Зачем ты так? — говорит хрипло.

— Я очень тебя люблю — говорю ему.

Он рвано выдыхает и отводит взгляд, вижу, как нервно дёргается его кадык.

Не верит?

— Я не хотела сделать тебе больно. Но правда вчера я очень устала после операций, я заснула в раздевалке и проснулась в десять вечера. Телефон сел. Я не смогла тебе позвонить — оправдываюсь — прости, что так получилось. Я очень боюсь потерять тебя — касаюсь его руки и забираю его прохладные пальцы в ладонь.

Он резко переводит взгляд на меня и внимательно вглядывается в глаза.

— Неужели так сложно было позвонить? — говорит хрипло — Ведь ты мне не ответила, когда я позвонил тебе.

Он ещё и звонил?

— Когда ты звонил?

— Вчера — опускает взгляд.

Ведь действительно дура, надо было сегодня ему позвонить или вчера вечером. Ведь извёлся весь.

— Вчера я весь день была на операциях, Руслан и после твоего последнего смс я подумала, что это не телефонный разговор.

Он поджимает губы и кивает.

— Чем я тебя скомпрометировал? С чего ты вообще решила уйти?

Надо рассказать ему.

— Максим увидел нас с тобою на кровати и с утра сказал мне, что это не есть хорошо.

— И что в этом такого? — удивляется.

— Я компрометирую остальных и Пётр Семёнович категорически против таких

историй. Поэтому я решила уйти, чтобы нам с тобою ничего не мешало.

Он тяжело выдыхает и опускает взгляд.

— Прости, что так получилось. Что сглупила и не позвонила сегодня. Я подумала, что ты и слушать меня не захочешь. И лучше при встрече тебе всё объяснить.

Он грустно усмехается, не поднимая глаз.

Не могу его видеть таким.

Обнимаю его и притягиваю к себе. Пусть он закрыт сейчас, напряжён, но он рядом со мною, такой родной и ранимый.

Зачем я ему сделала так больно. Ведь он ничем не заслужил этого. Он рвано выдыхает и опускает руки, подпуская ближе к себе. Неужели позволил?

— Я очень скучала — говорю ему на ухо, обнимаю крепче. Как же я люблю его.

Он рвано выдыхает и робко скользит пальцами по спине, словно проверяя здесь ли я.

— Не делай так больше, пожалуйста — говорит хрипло на ухо.

Ощущаю, что он вздрагивает и опускает голову мне на плечо, после чего крепко прижимает к себе. Ему настолько тяжело было? Какая же я идиотка. Зачем так поиздевалась над ним. Ведь он самое дорогое, что есть у меня.

— Прости — целую его в висок и тихонько глажу по голове — мне самой было очень плохо без тебя. Обещаю, что теперь всегда буду на связи и, если что предупредить тебя. Прости я не хотела тебя обидеть. Ты очень дорог мне. Не закрывайся от меня, пожалуйста. Я очень тебя люблю — чувствую, как вздрагивают его пальцы у меня на спине, и он поднимает голову. В его глазах отражаются блики света.

— А я тебя. Ты даже не представляешь, что ты значишь для меня и что я пережил за это время — его голос садится — кроме тебя у меня никого нет. Я подумал, что и ты предала меня...

И я?

— Кто предал тебя? Что с тобою случилось? Расскажи мне, пожалуйста.

Он тяжело выдыхает.

— Я не предавала тебя, у меня даже в мыслях не было этого.

— Надеюсь — опускает взгляд.

Как же ему сложно поверить мне. Что с тобою случилось? Кто тебя так сломал, родной мой?

— Я с тобою и больше не оставлю тебя так, обещаю, родной — обнимаю его крепко-крепко, чтобы почувствовал, что мне можно верить.

— Спасибо — говорит тихо на ухо.

— Расскажи мне пожалуйста, что с тобою случилось? — прошу его. Знаю ему сложно решиться на это — что сможешь, пожалуйста. Я приму, всё, что у тебя здесь — немного отстраняюсь и кладу ладонь ему на грудь.

— Марин — он тяжело выдыхает и нерешительно смотрит на меня.

Он садится на пол и притягивает меня к себе, усаживая на бёдра. Стягивает с меня пальто, кладёт его на тумбочку рядом. Затем тянется к сапогам и расстёгивает молнию. Наблюдаю за ним. Так приятна его забота обо мне.

Он стягивает с меня сапоги.

— Теперь тебе не будет жарко. Это долгая история — укладывает головой к себе на плечо, тихонько гладит по волосам.

Ощущаю лёгкий поцелуй в макушку и тяжёлый выдох.

— Что конкретно ты хочешь знать? — спрашивает тихо.

— Всё что сможешь рассказать — неужели он согласился?

Руслан.

Обнимаю Марину, прижимаю к себе и вдыхаю лёгкий аромат цветов исходящий от её волос. Она здесь, со мною...

До сих пор не могу поверить, что она не ушла, ведь могла отвернуться. А она вернулась, вошла не только в квартиру, но и в мою жизнь, душу. Как сердце подпрыгнуло, когда услышал её шаги, а затем ощутил её пальцы на плече. словно током прошибло. В тот момент понял, насколько сильно я соскучился по ней. Она словно под кожей, с потоком крови проникает в сердце и каждую клеточку. Люблю её до одури. Так непривычно приятно ощущать её рядом, впитывать её аромат, который кружит голову. Не хочу отпускать её даже на миллиметр от себя. Обнимаю крепче. Её рука лежит на груди и легко поглаживает, даря тепло, в груди разливается щемящее чувство. Я и забыл, какого это чувствовать ...

Аж, дыхание сбивается от нахлынувших эмоций.

Спасибо тебе за это, Маринка...

Она хочет всё знать обо мне. Может и стоит ей рассказать. С чего начать даже не знаю. Наверное, с того, что яркими светлыми пятнами отразилось на сердце.

— Ник — начинаю — мой брат, был очень светлым и добрым человеком. Мы всегда чувствовали друг друга, как это бывает у близнецов. Он всегда был рядом, поддерживал, как мог меня. Иногда помогал, несколько раз в школе сдавал за меня контрольные и один раз экзамен по литературе — учительница не заметила ничего, это был наш с ним секрет. Как же мне тебя не хватает. — Родители его очень любили, мне всегда в пример его ставили. Я учился не очень хорошо. Сначала вроде бы интересно было, но потом в какой-то момент потерял интерес. Наверное, после того как побывал у бабушки на каникулах и увидел совсем другую жизнь. Тихую, уютную, тёплую деревенскую, но такую близкую мне отчего-то. С тех пор у меня появилась мечта жить в деревне. Купить свой дом, а ещё мне хотелось пойти в конную школу. Мне понравились лошади, они очень красивые, грациозные, и у них очень добрые глаза — вспоминаю, как дед водил на конюшню. — Но мою идею на корню обрубил отец. Запретив мне все кружки, пока не подтяну оценки в школе. После возвращения из деревни, заболел воспалением лёгких и провёл пару месяцев в больнице. Много пропустил по программе. Пришлось летом пересдавать, догонять. Где-то Ник помогал. В общем, закончил я тот год в школе очень тяжело. Больше меня в деревню не отправляли, а через полгода умерла бабушка. Так жаль, что больше я туда не ездил. Отец не отпускал больше, не знаю почему.

Правда, очень хотел, но отец был категорически против моего общения с дедом, сам не знаю почему. Возможно, они с дедом не ладили, потому что к нам он не приезжал никогда. Очень жаль. Мне так хотелось пообщаться с ними больше.

Марина берёт меня за руку и сжимает в своей тёплой ладони.

— Ты больше не общался с дедом? — подает голос Марина.

— Нет, когда его не стало отец продал дом в деревне и на полученные деньги купил квартиру, которую потом переоборудовали под Ника.

— То есть ты больше не был там?

Нет.

— Туда больше невозможно вернуться, это как в детство, что всегда в твоей душе, но

туда не зайдёшь больше и не проживёшь по-новой. Лишь воспоминания.

Что-то я расчувствовался. Пытаюсь выдохнуть спокойнее.

Слышу, Марина хлюпает носом.

— Эй — обнимаю её.

Она утыкается носом мне в шею и мотает головой.

— Продолжай — говорит сипло.

— Я тебе рассказываю, не для того, чтобы ты плакала, Марин!

Поражает она меня.

— Я слушаю тебя.

— Угу.

Смешная...

Надо, наверное, половину не говорить, а то начнёт жалеть.

— Ладно, школу я закончил, слава Богу и поступил в универ. Работать пошёл на завод во вторую смену, а днём учился. Долго мои поздние явления домой отец не выдержал, и снял общагу для меня. Правда, на один месяц, дальше самому пришлось платить за всё. Отец приучал к самостоятельности, он вообще не церемонился со мною. Порой поражал контраст его отношение ко мне и Нику. Он для него всё делал, а я словно кость поперёк горла ему был. Не знаю, так казалось со стороны. — Надо, наверное, по мягче выражаться, а то Маринка сжалась вся от моих слов. — Честно до сих пор понять не могу, как я выжил в таком темпе. Но с третьего курса стало легче, к тому же меня повысили на работе, и я стал мастером. Помню, так гордился собою, приехал к родителям. Мамы с Ником дома не было. Рассказал отцу. Он сказал, что ничего другого от меня не ждал, гордится мне не чем. Что его мозгов мне не досталось и только и могу руками работать на заводе. Ник вот на экономическом учится, и работает в фирме отца, молодец. А я не оправдал его ожиданий. Чтобы я не делал, для него это было всегда плохо. — сколько себя помню. Зачем-то пытался ему доказать, что стою чего-то. Как оказалось зря. — Я не должен был походить на Ника, ведь мы с ним разные люди, но для отца всегда существовал только он. До сих пор помню, как пришёл похвастаться аттестатом после школы, а они уезжали в отпуск с Ником отмечать окончание школы. Отец даже не вышел из машины. Ведь я закончил с тройками, не то, что Ник.

— Они не взяли тебя с собою? — поднимает голову Марина.

Мотаю головой, не хочу вспоминать это. До сих пор обидно.

— Руслан, познакомь меня с ними, пожалуйста, я всё скажу им! — такая серьёзная.

Её слова вызывают улыбку. За меня ещё никто не заступался перед отцом. Он даже слушать её не будет.

— Нет, Марин.

— Их нет — её голос садится.

— Есть, но меня для них больше нет, Марин.

— Как это?

— Я и сам до сих пор понять не могу, почему так получилось.

— Расскажи.

А как же вспоминать то не хочется это все!

— Ник записался в секцию скалолазания. Мы с ним ходили в один центр, но я в качалку. В разные группы в общем.

Тот день встаёт перед глазами. Так плохо и страшно за брата мне ещё не было.

— Посередине занятия к нам забежал его тренер и сказал, что Ник упал неудачно и не может встать. Я так испугался за него тогда. В скорой никак не мог отпустить его руку. Он сломал спину.

Пытаюсь спокойно выдохнуть, но ничего не получается.

— Родителям пришлось сообщать мне. Это так больно, говорить близким такие вещи. Отец после этого со мною три месяца не общался. Я не уследил за братом, допустил, что он получил травму и не встанет больше на ноги.

В груди всё в узел завязывается при воспоминании о том разговоре с отцом. Я был в полном раздрае, и не ожидал никак, что он обвинит меня во всём. Ведь это я посоветовал ему этот центр, знал бы, чем всё это обернётся, за километр бы обходил.

— Но ты же не виноват — Марина прикасается к щеке и тихонько поглаживает — Ведь ты же не был там — заглядывает в глаза.

— Не знаю, но наверное он был прав, я тогда в таком раздрае был, очень боялся за Ника. Отец перевёл его в частную клинику, но на ноги он так и не встал.

— Ты всё это время себя винил в случившемся?

Не только я, Марин.

Киваю не в силах ничего сказать ей.

— Господи — тянется ко мне и обнимает за шею — ты с ума сошёл. Ты- то тут причём, Руслан. Не надо. Не вини себя, слышишь. Ты ни в чём не виноват, родной мой.

Я до сих пор не могу простить себе это.

— Не могу — отвечаю честно — я пытался помочь ему в дальнейшем. Он полтора года боролся, хотел встать. Ему нужно было сделать операцию.

Марина отпускает и заглядывает в глаза, догадываясь.

— Он не перенёс её. У нас не переносимость наркоза, как оказалось. Он не выкарабкался.

— Мне так жаль — она обнимает, а я не могу скрыть эмоции.

Глаза начинает щипать.

— Как ты всё это пережил, родной мой — притягивает к себе, обнимает, а меня прорывает на эмоции.

Ощущаю лёгкое прикосновение её губ к щеке, тихонько гладит по волосам, отчего немного расслабляюсь.

— Я очень тебя люблю — говорит сипло.

Обнимаю её крепче. Спасибо, что ты есть у меня.

Марина.

Слушая Руслана прихожу в ужас от его родителей, вернее от их отношения к нему. Ведь он тоже их сын и достоин их любви и заботы. Как, он смог остаться человечным с таким отношением к нему, ума не приложу.

Заметила, что, когда он говорит про Никиту его голос становится мягче, и он непроизвольно начинает улыбаться. Он очень его любит и так тепло о нём отзывается.

Мне кажется он до сих пор не смирился с его потерей. Когда умер мой отец я долго не могла это принять. Это очень больно.

Обнимаю крепче Руслана, он тяжело выдыхает и замолкает. Мне очень жаль, что ему приходится вспоминать об этом и переживать заново, но ему надо выговорился и не держать ничего в себе. Надеюсь после этого ему станет легче. Ощущаю, что кожа на его щеке увлажнилась. Родной мой, как же тебе тяжело это всё далось.

— Солнышко моё — целую его в щёку и тихонько укачиваю, он должен вытащить это из себя, проговорить, пережить, но ему очень сложно.

Через некоторое время он успокаивается и немного отстраняется, вытирает глаза краем ладони.

— Это всё в прошлом — беру его за руку.

— Мне кажется, что это было вчера — тяжело выдыхает — тот звонок врача, после которого моя жизнь разлетелась на осколки. Я не мог принять что его больше нет. В тот момент жить не хотелось совсем.

Неужели его в этот момент никто не поддержал? Судя по реакции нет.

— Я напился в хлам и сел за руль. Хотел, чтобы это всё закончилось и въехал в первый же столб.

Господи...

— Руслан — сжимаю его пальцы в ладони — Как? Зачем?

Насколько ему плохо было, раз решился на такое!

Дурачок! Я в шоке от того, что вообще с ним происходило. Неужели родителей не было рядом в такой момент. Ведь он, наверное, себя загнобил из-за чувства вины, если решился на такое.

— Не бойся откачали меня после операции — грустно усмехается и тяжело выдыхает — неделю в себя не приходил. У меня как у Ника получилось, только я выжил, а он нет. Отец не очень рад был этому. Его разговор с врачом, наверное, навсегда запомню — в его глазах плещется боль.

— Что он сказал? — не могу удержаться от вопроса.

Неужели что-то плохое?

— Этот сволочь оказался живучим — его голос садиться — после того, что я сделал, я не сын для него больше, сволочь, который сотворил глупость, выжил и теперь своей физианомией напоминаю о Нике, которого больше нет.

— Господи, да как можно то так!

Что за люди! Обычно беды сближают людей. И начинаешь ценить близких ещё больше, а тут... У меня нет слов, чтобы выразить своё отношение к его отцу.

— Можно Марин — поджимает губы — они вычеркнули меня из своей жизни, после

того как узнали, что я возможно не встану на ноги. Был повреждён позвоночник и мне сулили остаться в кресле навсегда. Зачем им сын овощ? Проще отказаться от него и выкинуть из жизни.

Господи в такой тяжёлый момент они его предали, да как-то? В голове не укладывается.

— С тобою был хоть кто-то рядом? Друзья? Девушка? Хоть кто-то.

Он усмехнулся грустно и помотал головой.

Неужели он был один на один со всем этим.

— Руслан- на глаза слёзы наворачиваются.

Как он это пережил. Ведь в больнице ещё был. Ему помощь нужна была и поддержка.

— Девушка ушла от меня на следующий день после того как пришёл в себя. Ей не нужен был парень овощ...

От него отвернулись самые близкие.

Он ведь подумал, что и я отвернулась от него вчера, как и его близкие?

Подумал, что предала, как он сказал.

Как же больно за него...

— Я никогда не отвернусь от тебя слышишь? — заглядываю в глаза, хочу, чтобы поверил — что бы с тобою не произошло я с тобою. Ты очень дорог мне и нужен больше всего на свете. Я очень тебя люблю. Знай об этом всегда. В жизни могут быть любые события, просто знай, что я никогда с тобою так не поступлю. И даже если тебе будет так казаться, как в эти два дня- это не так. Я ни на минуту не переставала думать о тебе. И пришла при первой же возможности.

— Спасибо, что не ушла сегодня. Мне было очень плохо без тебя.

— Я бы не смогла уйти от тебя. Даже если ты против этого.

— Я подумал, что ты из жалости со мною — бурчит, опуская взгляд.

— Дурачок. Я люблю тебя очень, поэтому я здесь, поэтому я с тобою — касаюсь его щеки и тихонько поглаживаю — я бы всё равно не ушла никуда от тебя, даже если ты просишь об этом. Ведь я не могу без тебя.

— А я без тебя — его глаза заблестели.

Он притянул к себе ближе и уложил на плечо, прижался губами к моему виску.

— Не исчезай больше, пожалуйста, я не вынесу этого больше.

— Обещаю — обнимаю его крепче.

Не оставлю его больше никогда.

Кроме тебя у меня никого нет — вспоминаю его слова, аж сердце сжимается.

— Ты всё это время был один? — решаюсь спросить.

Он кивает молча, подтверждая мои догадки.

— Как давно это произошло?

— Полтора года назад — говорит хрипло.

Не очень давно и раны на сердце ещё свежи. Как ты выдержал всё это родной мой?

— Не так давно. Я так рада, что ты нашёл в себе силы встать на ноги — говорю ему.

— Это было моей целью, во что бы то ни стало, но не сразу. Сначала ничего не хотелось, даже жить. Потом — тяжело выдыхает — благодаря соседу по палате начал приходить в норму. Он был весь переломанный, но такой позитивный, что порой поражался ему. Он, наверное, заразил меня тягой к жизни. Через некоторое время сел в кресло. Было сложно решиться на это. Но потом понимаешь, что это лучше, чем ничего. Так хотя бы я могу передвигаться. Ты не представляешь, как страшно было в нём остаться — садиться его голос.

Обнимаю крепче его, тяжело выдыхает.

— После больницы написал матери первый раз. Попросился пожить в квартире Никиты, так как там всё оборудовано для колясочников. У меня были ключи от неё. Она полдня не отвечала, потом ближе к вечеру написала можно, только, чтобы я сам оплачивал счета за неё. И если будет долг за квартиру меня вышвырнут оттуда.

— Это эта квартира? — немного отстраняюсь и оглядываюсь.

— Нет это другая квартира. Ту я попытался сдать, как только встал на ноги, чтобы хоть немного денег было, больничной очень маленький приходит, так как я год с лишним не работаю. И сейчас не понятно, когда меня выпишут на работу.

— А родители не против, что ты сдаёшь?

— Мать нет, отец наверняка не знает об этом. Я позвонил ей, когда собрался съехать, но она не взяла трубку. Я написал смс. Она долго не отвечала. Потом написала, чтобы сдавал от её имени и в договоре прописывал её данные. Наверняка, чтобы отец не догадался, а может, чтобы половину денег ей отдавал, не знаю.

Вместо помощи ещё и деньги забирают, зная, что сейчас они ему нужны на лечение.

— То есть с матерью ты поддерживаешь связь?

— Ну если считать переводы на карту раз в месяц связью, то да — усмехается горько — она просила ей больше не звонить и не просить ни о чём, они и так одолжение сделали для меня, Марин.

Одолжение... Поражаюсь его терпению в отношении к ним. И ведь чувствуется, что относится к ним с теплом, несмотря ни на что. Мать, отец называет. Другой бы так же отвернулся от них, после всего. Возможно от того, что всё ещё нуждается в их любви и заботе, которую не видел вовсе.

— Ты самый замечательный человечек, ты знаешь об этом — говорю ему, обнимаю крепко-крепко, чтобы почувствовал это, упираюсь носом ему в шею, вдыхая его будоражащий хвойный аромат.

— Марин — говорит хрипло — откуда ты такая взялась, а? — прикасается нежно губами к виску.

— На твою голову? — усмехаюсь. Он мотает головой.

— На мою душу — улыбнулся и немного склонился. Прильнул губами к моим очень трепетно и ласково, от его нежности просто оглоушило. Люблю его до безумия.

Марина.

Руслан не много отстраняется и я возвращаюсь в реальность.

— У тебя звонит телефон — говорит и тянется к пальто.

Как не вовремя-то. Надеюсь не из больницы.

Вытаскиваю телефон из кармана и смотрю на экран.

— Это мама — говорю Руслану и отвечаю на звонок.

Мама возмущается, что давно не звонила ей, а вчера она вообще дозвониться не могла до меня. Стараюсь вкратце объяснить ей всё и обещаю завтра прийти к ней в гости. Мама успокаивается, и мы договариваемся встретиться с ней завтра на ужине. Наконец-то кладу трубку. Руслан внимательно смотрит на меня, немного с грустью.

Решаюсь предложить ему кое — что.

— Пойдешь завтра со мною? — спрашиваю.

— Куда? — его брови ползут вверх.

— К маме, знакомится.

— А это будет уместным? — немного теряется.

— Уместным.

Моя мама простой человек и его она примет.

— Боишься не понравится моей маме? — пытаюсь свести всё в шутку.

— Я не лучший вариант, наверное — опускает взгляд.

Да шутка моя была не уместной, когда же я привыкну, к тому, что он всё так остро воспринимает?

— Руслан у меня мировая мама и ты ей обязательно понравишься.

— Думаешь? — не поднимает взгляд.

— Знаю, ведь я на неё похожа и люблю тебя очень. Пойдём, она обещала испечь пирог завтра.

— Но ты её не предупредила — поднимает взгляд.

— Если бы я про тебя заикнулась, не избежать вопросов разговор был бы бесконечным. Я завтра днём её предупрежу, а лучше сделать сюрприз, иначе она наготовит целый пир горой и мы с тобою от неё не выходить а выкатываться будем.

Он улыбнулся наконец-то за этот вечер.

— Хорошо. Что любит твоя мама? С пустыми руками как-то не удобно идти. Те более я не званный гость.

Какой же он предусмотрительный.

— Купим пирожное в пекарне, она очень любит с масляным кремом. Я знаю какие.

— Хорошо — немного смущается.

— Не переживай, всё будет хорошо.

Надо будет только завтра всё маме рассказать, чтобы не вводила его в краску нелепыми вопросами про его родителей.

— Надеюсь.

— Обязательно — заверяю его и беру за руку — давай подниматься.

Вспоминаю про его спину, ведь нельзя ему так долго сидеть. Нарушает все мыслимые и немыслимые правила.

Он кивнул. Я поднялась на ноги и протянула ему руки, чтобы оперся на них.

— А почему тумбочка перевернута? — решаюсь спросить когда он поднялся.

— Запнулся, когда шёл тебе дверь открывать.

Это этот грохот я слышала.

— Ты не упал?

Ведь любая встряска в его положении...

— Чуть не поцеловался с полом — смущённо улыбается.

Господи и после этого ещё и напрягал спину.

— Так быстро в кровать — тяну его за руку.

— Да нормально, Марин — он хромая делает шаг и немного морщится.

— Больно?

— Немного.

— Как тебя выписали то?

Замечаю ходунки в углу.

— Тебе разрешили ходить без них? — уточняю.

— Нет — отвечает глухо и делает ещё шаг.

Вот дурачок!

— Идём — запрокидываю его руку себе на плечо — опирайся и давай потихоньку.

Мы тихонько добираемся до дивана, который слава Богу расправлен. Руслан тяжело опускается на диван.

— Ложись, не сиди — касаюсь его плеча.

— Да не переживай, Марин — немного морщась опускается на подушку на бок.

Не могу удержаться, мне надо проверить его шов.

— Я только посмотрю — говорю ему и нависаю над ним.

Тихонько прошупываю через повязку. В какой-то момент он дёргается.

— Больно?

— Немного — выдыхает тяжело.

Да что за дурачок такой! Да неужели трудно придерживаться рекомендаций!

— Я должна отклеить пластырь. У тебя есть перевязочные материалы?

— Да в аптечке что-то было — указывает на шкаф напротив — на третьей полке.

— Хорошо.

Нахожу аптечку, и забираю всё, что мне пригодится.

— Я обработаю не переживай — тянусь к пластырю и отклеиваю.

Шов немного покраснел, плохо, всё-таки воспаление никуда не делось.

— Тебе перевязки делали? — хочу уточнить, как его лечили всё это время.

— Сегодня нет — говорит тихо.

Вот же блин. Не надо было уходить и оставлять его с Дашей. Ведь она могла и навредить из вредности. Максим наверняка рассказал им всем обо мне.

Обрабатываю шов, промываю и меняю бинт, кладу с заживляющей мазью.

Прошупываю ещё раз более глубже, Руслан шипит немного.

— Потерпи чуть-чуть я должна убедиться, что ничего не сместилось, после падения — объясняю ему.

Вроде бы всё нормально, как и должно быть. Мазь должна снять воспаление. Она гипоаллергенная.

Заклеиваю шов пластырем.

Когда всё собираю и поднимаюсь Руслан легко касается моей руки.

— Не переживай так, я же живучий. Ты забыла — скромно улыбается.

Он начинает шутить над словами отца, значит отпускает потихоньку ту ситуацию.

— Не вспоминай о его словах, пожалуйста — прошу его.

Он опускает взгляд.

— Ты не такой, никогда не относись к себе так, слышишь — наклоняюсь к его лицу —

ты самый лучший — целую его быстро в кончик носа.

Он расцветает в счастливой улыбке.

— Спасибо тебе — его голос срывается, а глаза начинают блестеть.

— Я очень тебя люблю — целую его мягкие и нежные губы, а он отвечает с такой теплотой.

Руслан.

Марина целует меня сама. Это настолько трогает что-то в груди и сбивает дыхание. Я так рад, что она не ушла сегодня, осталась и выслушала меня. Не отвернулась после услышанного обо мне, не поступила как родители, осталась. Не могу поверить до конца, что нужен ей и она любит меня.

А её приглашение к матери сначала выбило почву из — под моих ног. Но я хочу быть с Мариной, каждый день, который проживу в этой жизни, ведь бывает всякое и сколько нам отмерено один Бог знает. Поэтому и никуда больше не отпущу её от себя, я настолько люблю её, что растворяюсь полностью в этом ощущении.

Притягиваю её к себе ближе. Она пищит, бинты, пузырьки рассыпаются по дивану вокруг меня, плевать. Укладываю её рядом с собою. Обнимаю, целую за ушком и не могу насытиться ею. Меня переполняют чувства к этой смелой, доброй, отзывчивой девушке, что стала всем для меня. Я бы не смог жить без неё.

Она обнимает меня крепче и целует в шею, м. Знала бы ты, что творишь со мною. Мурашки бегут по спине.

— Маринка, будь со мною всегда — вдыхаю её аромат.

Я впервые в жизни прошу кого-то быть рядом, но это такая сильная потребность, что кажется не выживу без неё.

— Я очень тебя люблю — слова срываются с губ, потому, что держать в себе больше не могу, меня переполняют чувства к ней.

Она обнимает крепче, мне так хорошо рядом с ней, я и не знал, что может быть настолько хорошо, когда рядом с тобою родной человек, родная душа.

— А я тебя — шепчет на ухо, будоража.

Прикрываю глаза, вдыхая её цветочный аромат.

— Спасибо, что поделился сегодня со мною — обнимает крепче, даря тепло.

— Угу — только и могу ответить от нахлынувших эмоций.

— Для меня это было важно.

Хоть для кого-то важна моя жизнь и я. Я так рад, что ты появилась в моей жизни, Марин, прижимаю к себе, чтобы почувствовала, как сильно люблю её и хочу быть ближе к ней. Знала бы ты, что ты значишь для меня, любимая

— Ты наверно устал? — тихонько гладит по голове, заставляя разлепить глаза — тебе нельзя столько ходить и сидеть тем более. НЕ нарушай рекомендации — взволнованно смотрит в глаза.

Да я забил на них сегодня. Вообще ничего не хотелось, пока ты не пришла. Правда моё падение похоже сказалось негативно. Ходить гораздо большее стало.

— Я постараюсь — обещаю, чувствуя прожигающий взгляд на себе.

Поджимает губы, понимая, что я вру.

— Руслан, ты должен выздороветь, постарайся, ведь ты столько шёл к этому.

Ну, да это было моей целью, до того, как в моей появилась ты и смела все мои планы напрочь. Но я рад этому.

— Шёл... Я полз к этому Марин — прорывает меня — знала бы чего стоили мне эти полтора года! А сейчас, не знаю, устал что ли... Как-то безразлично всё стало. А со

вчерашнего дня, так вообще наплевать на всё было. Существовал как робот, жить не хотелось — признаюсь в своём позорном бессилии.

— Так, понятно — сказала серьёзно — не надо было оставлять тебя на Петра Семёновича, ну ладно. С этого момента я слежу за тобою пока ты не в центре понял! И попробуй только не выполнить мои рекомендации. Я твой личный врач.

Такая серьёзная. Наверное, улыбаюсь как дурак, но меня это так забавляет.

— Руслан я серьёзно — хмурит брови.

— Хорошо — соглашаюсь.

— А поблажки будут, доктор? — подкальываю её.

Она улыбается.

— Поблажки, если пойдёшь на поправку — склоняется и целует в кончик носа. Так приятно и тепло на душе становится.

Я хочу быть нормальным рядом с ней, быть достойным её, а не хромать сзади. Я всё сделаю, для того, чтобы ты гордилась своей работой, мой личный доктор.

— Я постараюсь их заслужить — притягиваю её к себе и жадно впиваюсь в любимые, сочные губки, которые сводят с ума.

Марина.

Руслан засыпает у меня на плече. Он выглядит таким счастливым и по-моему слегка улыбается. Я так рада, что он открыл мне не только дверь сегодня, но свою душу. Сколько же боли, непонимания, обиды ему пришлось вынести. Как он нашёл в себе силы не сдаться после аварии, после того, как не смог встать. Родной мой, почему же мы раньше не встретились? Ведь в он должен был попасть в нашу больницу полтора года назад. Хотя в то время я сама не своя была, после потери папы. Так резко и неожиданно, казалось, что кислород перекрыли просто. Возможно он попал не в мою смену или его вёл Артём? Если бы я узнала его раньше, я бы не оставила тебя одного в такой момент. Сердце сжимается от боли, при мысли о том, что ему пришлось пережить в одиночестве. У меня хоть мама рядом была, а он? И, ведь не оправился до конца от потери брата. Ему его очень не хватает, это очень чувствуется в его интонациях и взгляде, когда он говорит о нём. Это больно. Терять близких. Словами не передать те ощущения от зияющей дыры на сердце, когда из твоей жизни исчезает родная душа.

Родной мой, обнимаю крепче, никогда больше не оставлю тебя, даже не надейся.

Руслан бормочет что-то невнятное и выдыхает. Целую его в светлую макушку, легко, чтобы не разбудить.

Решаюсь подняться, надо хотя бы свет выключить, да и в одежде спать не очень хочется. Тихонько, стараясь его не разбудить, перекладываю его на подушку и поднимаюсь.

Прохожу в ванну и умываюсь, привожу себя в порядок. Интересно он ужинал сегодня? При мыслях о еде желудок заурчал. Решаюсь пройти на кухню и выключить свет там.

На кухне на столе стоит прямо в сковородке жаренная картошка с салом. От одного только вида во рту слюна скапливается. Не могу удержаться и подцепляю румяную картошку вилкой, отправляя в рот. М, как ж вкусно. Он готовит как Бог. Рядом со сковородой стоит налитая рюмка виски и наполовину пустая бутылка.

В каком состоянии он сегодня находился раз решил выпить, несмотря на то, что ему нельзя. Надеюсь это у него не в привычке. Ведь это малодушие и не решение его проблем. Хотя не мне его осуждать, ведь он справлялся как мог всё это время.

Не могу удержаться и ем приготовленную им картошку. Она такая вкусная. После пятой ложки останавливаюсь и убираю всё в холодильник.

В холодильнике не густо. Возникает чувство вины, словно объела его. Завтра у мамы откормлю его. Выключаю свет на кухне и выхожу в коридор.

Поднимаю тумбочку и ставлю её правильно. Это же надо было упасть на неё! Вешаю своё пальто на крючок и проверяю дверь. Она закрыта. Хорошо, а то я не обратила внимание на то заперла ли дверь за собою.

Решаюсь перезвонить маме и выхожу на балкон. чтобы его не разбудить.

Набираю её.

— Алло — немного хрипло отвечает.

— Привет мам.

— Марин ты чего? Я уж уснула. Случилось что? — взволнованно.

Случилось счастье в моей жизни.

— Не особенно — стараюсь успокоить её — можно я завтра не одна приду к тебе?

— А с кем?

— Со своим парнем.

— Ох, ничего себе. Вот это новости. И когда ты успела — то?.

— Несколько дней назад. Он был на операции и всё как-то завертелось — присаживаюсь на табурет на балконе. На улице холодно, но балкон застеклён, хотя возникает ощущение озноба.

— А он болен что ли?

— У него травма позвоночника была, сейчас последствия убирали.

— Нормальных, то для тебя не существует, да? Я и забыла какая ты у меня сердобольная — начала причитать.

— Мама он почти здоров, сейчас реабилитацию пройдёт и начнёт нормально ходить. Ничего особенного. Он здоров не переживай.

— Понятно. Зовут-то как его?

— Руслан — смакую его имя на языке.

Люблю его очень.

— Красивое имя. А чем он занимается, и кто вообще?

Рассказываю маме всё, что знаю про него.

— Мама не говори с ним о семье пожалуйста — прошу её.

— Да я поняла уже, что не простой он у тебя.

— Он очень ранимый и, если можешь завтра будь с ним помягче.

— Ладно, ладно. Любит он чего? В смысле из еды что приготовить завтра?

— Что захочешь, я не думаю, что он прихотлив — вспоминаю как он ел пюре в больнице — но я сказала про пирог.

— Да это само собою, просто может что-то конкретное предпочитает.

— Не думаю.

— Ладно посмотрю, что сделать. Не полдничайте в общем завтра.

— Хорошо, мама. И спасибо.

— За что? — удивляется.

— За то, что считаешься с моим выбором.

— Какие глупости, Марин. Мне самое главное, чтобы ты была счастлива и человек любил тебя и ценил. Ведь одной очень плохо. Мне так не хватает Лёши порой — её голос стал очень тихим.

— У тебя есть я — напоминаю ей.

— Да, да жду вас завтра — спешит завершить разговор и скидывает вызов.

Так захотелось её обнять сейчас.

Чувствую, что озябла. Поднимаюсь и захожу в комнату, встречаясь с растерянным любимым взглядом.

— Марин ты... — он растерялся и начал подходить.

— Ты проснулся? — поспешила к нему на встречу.

— Я подумал ты ушла — заглядывает в глаза.

Не могу выдержать его взгляд и тянусь к нему. Обнимаю, прижимая к себе. Ощущаю, как вздрагивает. Он опять так переживал и подумал, что бросила его.

— Я же тебе обещала, что не оставлю — говорю ему на ухо.

Он обнимает крепче.

— Я разговаривала с мамой и вышла, чтобы тебя не разбудить. Я не уйду не надеюсь —

пытаюсь немного развеселить его.

Он усмехается слава Богу.

— Она нас ждёт завтра.

— Правда? — удивляется немного отстраняется.

— Очень и хотела узнать, что тебе приготовить?

— Мне? — его голос просаживается, и он поражённо смотрит на меня.

— Тебе конечно, ты завтра будешь самым важным гостем для неё — улыбаюсь тому как меняются его эмоции на лице.

— Надеюсь не разочарую её — опускает взгляд.

— Нет, ты у меня самый лучший — тянусь к нему и целую быстро в губы.

Он широко улыбается в ответ и мотает головой.

— Это ты — притягивает к себе и касается губами моих очень нежно — лучшее, что могло случиться со мною — шепчет в губы и целует сильнее прижимая к себе, словно боится отпустить.

Руслан.

Плаваю в какой-то приятной неге, настолько тёплой и мягкой, кажется, что лежу на облаке. Но мне отчего-то так легко и хорошо, как не было очень давно. Возникает ощущение парения, вокруг так светло и тепло, что хочется остаться здесь навсегда. Ощущаю, что рядом есть кто-то. Оборачиваюсь Ник, стоит рядом и так солнечно улыбается мне.

— Ник — тянусь обнять его. Как же я скучал.

Он отходит назад и качает головою, при этом протягивает мне что-то в закрытой ладони.

— Да куда ты? — подхожу к нему.

Всё время убегает от меня. Он опять протягивает мне что-то в сложенных ладонях.

— Ну давай — протягиваю раскрытую ладонь.

Наверняка опять жука или таракана спрятал.

Он раскрывает ладони и кладёт мне в ладонь бабочку из тонкого стекла. Насколько красивую, не передать словами. Она словно живая, точная копия. На раскрытых крыльях чётко прорисовано белое сердце в синей окантовке.

Любуюсь красотой, что отдал мне Ник.

— Спасибо — говорю ему и поднимаю взгляд. Но Никиты нет. Оглядываюсь, но вокруг пустота, его нет.

— Ник! — зову его.

Но его нет нигде.

Ощущаю шевеление в ладони и раскрываю её. Бабочка начинает светиться ярким светом и обдаёт теплом ладонь. Сжимаю ладонь, так боюсь, что и она исчезнет, как и Ник. Но она лишь согревает своим теплом и светом, не движется и не пропадает.

Прикасаюсь тихонько пальцами к крыльям. Они очень тонкие и хрупкие, но такие тёплые. Непроизвольно глажу их. Очень красивая работа. Спасибо Ник...

Слышу громкий звук и открываю глаза. Вокруг ещё темно. Марина сонная тянется к телефону и выключает его.

— Доброе утро — такая заспанная.

— Доброе — притягиваю её к себе.

— Ты можешь ещё поспать, а мне надо собираться. До больницы долго добираться — целует в щёку так нежно и обнимает крепко.

Не хочу, чтобы уходила, так хорошо и уютно с ней под одеялом. Вспоминаю почему-то бабочку из сна, такую же тёплую и согревающую.

— Руслан — тихо пищит — я и сама не хочу, но надо — немного отстраняется — я опоздаю иначе — целует быстро в щёку и поднимается. Мне её катастрофически не хватает.

Сон как рукой сняло.

— Я с тобою встану, завтрак тебе приготовлю — поднимаюсь с дивана.

Она оборачивается и закусывает губу.

— Ты очень вкусно готовишь — поражает меня — я вчера оторваться от картошки не могла.

Она ей понравилась?

— Да обычно, перестань — пытаюсь отмахнуться.

— Ничего вкуснее не пробовала — она улыбается в ответ.

— Ты шутишь сейчас? — не могу понять.

— Нет мне правда очень понравилось — сбегает из комнаты.

Неужели ей и в правду понравилась моя еда?

Пока Марина собирается, прохожу на кухню. Там всё убрано со стола. Заглядываю в холодильник. И правда половина сковородки пуста. Хоть чем-то её порадовал вчера.

Достаю картошку и ставлю разогреваться. Параллельно делаю яичницу. Когда открываю крышку, зависаю немного над сковородой. Яичница получилась в форме бабочки. Вот это да, к чему бы это.

— М, какая красота — Маринка обнимает со спины и опускает голову мне на плечо.

Поворачиваю голову и рассматриваю её. Такая красивая, немного сонная, моя девочка, любимая.

— Я старался — не ожидал, что голос выдаст меня.

— Спасибо, родной мой — прикасается губами к щеке, отчего на душе так тепло становится.

Поворачиваюсь к ней и обнимаю, прижимая к себе.

Мне очень понравилось так просыпаться и чувствовать её рядом.

— Что-то горит — говорит Марина и отстраняется.

— Ой — снимаю сковороду с огня — бабочка поджарилась.

— Она всё равно красивая — Марина помогает мне накрыть на стол.

Так непривычно завтракать вдвоём, и очень приятно. Смотрю с каким удовольствием Маринка ест мою картошку. На самом деле угодил. Приятно.

— Во сколько мы идём к твоей маме? — вспоминаю о сегодняшнем мероприятии.

— Наверное к шести, я до пяти работаю, пока приеду.

— Может встретимся где-нибудь, чтобы тебе не мотаться? И ты говорила про пекарню вчера.

— Ах, да точно. И как ты всё помнишь.

Забудешь такое. Первый раз иду в дом своей девушки знакомиться с её мамой, надо же не с пустыми руками.

— Белочка пекарня кафе, знаешь где?

— Знаю- я там частенько перекусывал после универа.

— Давай около него. Но я позвоню тебе. И Руслан не переживай, я постараюсь в течение дня тебе писать, как будет возможность, но ты можешь не дозвонится до меня если я буду на операциях. Не переживай так больше пожалуйста. Я отвечу, как смогу. Но в пять я закончу точно, но, если будет аврал как позавчера я обязательно тебя предупрежу.

— Да я понял, не маленький.

Становится неудобно как-то из-за своего поведения вчера.

— Я всегда помню о тебе — Маринка склоняется надо мною и обнимает.

Целует быстро в губы и отстраняется.

— Всё я побежала, иначе опоздаю.

— Я провожу — поднимаюсь.

— Завтракай, тебе тоже скоро выходить. До вечера, солнышко- она машет мне выбегая в коридор.

— До вечера Марин.

Всё же выхожу её проводить.

Она застёгивает пальто.

Подхожу к ней и притягиваю к себе.

— Я буду скучать — захотелось, ей признаться.

— Я тоже и очень сильно — хрипло шепчет в ответ и целует в щёку.

Отпускаю её, нехотя.

— До вечера — скрывается за дверь.

— До вечера- бормочу уже в закрытую дверь.

Мне её уже чертовски не хватает. Выдыхаю и начинаю собираться в центр, так как я опаздываю, впервые за полтора года, но это так приятно. Опоздать из-за того, что провёл время с любимым человеком, это того стоит.

Марина.

На работу приезжаю впритык, но слава Богу не опоздала. Как выдаётся свободная минутка пишу Руслану «Привет, как у тебя дела?» «Не опоздал сегодня?»

В ответ тишина, наверное, на процедурах, раз не прочёл ещё.

Артём просит провести пару операций. Откладываю телефон и погружаюсь в работу.

Когда выхожу из операционной, проверяю телефон первым делом. Прочитал и даже прислал что-то. так приятно на душе становится. Открываю.

«Привет не мог ответить, забыл телефон в палате. Опоздал немного, но не страшно. Ты успела сегодня?», «Ау, Марин ты где?»

Пришли полчаса назад, а уже переживать начал.

«На операции была, тоже не могла ответить. Как ты себя чувствуешь? Как шов? Меняли повязку?» Хочу узнать, как лечат его там.

Смотрю тут же читает и что-то пишет.

Ждал, наверное, моего ответа.

«Не переживай, всё нормально. Перевязали, сказали лучше стало».

Понимаю, что не очень хочет говорить, но мне надо знать, что с ним, чутьё меня никогда не подводило.

«Как ходишь? Боль сильная?» Мне всё-таки не по себе от его вчерашнего падения.

«Как дед» отвечает и присылает улыбающийся смайлик.

«Почему?»

«С клюкою теперь ходить буду»

«Это прогресс, скоро бегать будешь» — хочу его поддержать.

«Обязательно»))»

Мне нравится его настрой.

— Марин, там новые поступившие, глянешь карты? — заглядывает Алёнка.

Она мед сестра совсем молоденькая, только после учёбы.

— Конечно — соглашаюсь.

«Мне пора работать» — пишу ему. Смотрю на время у него скоро обед. «Не пропусти обед» — напоминаю.

«Ты тоже не пропускай».

Приятна его хоть и аленькая, но забота. Раз уж ходунки ему отменили, значит идёт прогресс, это хорошо. Надеюсь с тобою всё будет хорошо, родной мой.

Поднимаюсь и иду к Алёнке на пост.

— Вот — протягивает мне увесистую пачку поступивших пациентов — Артём Сергеевич уже посмотрел всех, только назначения не везде написал, попросил тебя просмотреть ещё раз.

Зашился наш Артём совсем, иногда ночует здесь. Нельзя так одной работой жить, ведь иногда счастья хочется. Его, наверное, ещё не пришло, так как парень один мается уже не первый год.

Забираю карточки и отношу в ординаторскую.

Располагаюсь за столом и начинаю изучать досконально каждую карту и писать назначения.

Карт действительно прилично и когда добираюсь до последней, понимаю, что просидела четыре часа и совсем забыла про обед. Ну вот Руслана ругаю за не соблюдение рекомендаций, а сама единственную просьбу его не выполнила.

Вспоминаю про шоколадку, которую оставила мне одна пациентка в знак благодарности. Открываю заветную сладость. Приятный вкус на языке заставляет прикрыть глаза и разве, что не замычать от удовольствия. Мой любимый молочный с орешками.

Пока у меня импровизированный перерыв, достаю телефон и проверяю смс.

«Пообедала?»

Заботливый мой.

«Нет немного зашилась с работой, скоро закончу»

«Ну вот. Ты вовремя закончишь?»

«Да, вроде форс мажоров не предвидеться»

«Хорошо, напиши, как будешь выходить».

«Обязательно. Я очень тебя люблю» — решаюсь ему написать.

«А я тебя и уже очень соскучился»

«Я тоже соскучилась по тебе» — вспоминаю его сонно и такого уютного под боком.

Откидываюсь на спинку стула и прикрываю глаза. Боже как изменилась моя жизнь за эти несколько дней. И я очень рада этим переменам. Рядом с Русланом я ощущаю себя счастливой.

Перевожу взгляд на последнюю карту. Каримов Григорий Александрович.

Душа холодеет от догадки. Но я не помню отчество Руслана. Может просто совпадение?

Дрожащей рукой открываю карту и смотрю возраст. Совпадает. Да нет же не может быть! Читаю клиническую картину и прихожу в ужас. Терминальная почечная недостаточность и требуется срочная трансплантация почки. Господи, сколько он протянет на препаратах не известно.

Может это не отец Руслана, может просто однофамилец? И как об этом сказать Руслану?

Я хочу поговорить с этим человеком, он ведь всю жизнь не любил теперь уже своего единственного сына.

Поднимаюсь и забираю карты со стола. Седьмая палата, надо заглянуть к нему.

Оставляю карты на столе Алёнки и иду в седьмую палату. Открываю дверь и столбенею. Как же Руслан похож на него внешне. Григорий выглядит изнеможённым. Ему поставили капельницу, но похоже это не очень помогает.

— Доктор, когда будет операция? — командный голос вырывает меня из размышлений.

— Вам ещё не нашли донора и попробуем пока на препаратах — пытаюсь объяснить ему.

— Да сколько можно-то, ваши препараты не помогают!

Боже у этого человека совсем терпения нет.

— Нужен донор.

— Да чтоб тебя! — закатывает глаза.

— Пока постараемся вас поддержать.

— У меня есть сын, его почка подойдёт?

Меня пробивает холодом от его слов.

— Кровное родство, да — выдавливаю из себя.

— Отлично, готовьте операционную, сейчас вам будет донор — он достаёт телефон и

набирает номер.

— Лер, звони своему щенку, пусть тащит свой зад в больницу. Мне нужен донор и он подходит. Да плевать, звони сказал. Он не имеет права отказаться!

От его слов в груди всё сжимается, неужели готов рискнуть жизнью Руслана, зная про его аллергию, ради своей жизни! Да какой он отец после этого!

Не выдерживаю и вырываю телефон из его рук.

Он недоумённо смотрит на меня.

— Как зовут вашего сына? — выпаливаю.

— Ни...Руслан — морщится.

О господи!

— Вы не имеете права его заставлять делать это! Он же ваш сын! Он же может не пережить операцию! Вы же знаете про его аллергию!

— Это не ваше дело!

— Как раз-таки моё! Я не отдам вам его слышите!

— Ваше дело оперировать. А если вы не в состоянии, Артём Сергеевич не против был.

Вот же Черт!

— Вы отказались от него, когда нужны были ему, почему вы решили, что он согласится?

— О, ты, похоже знаешь больше, чем тебе положено! Кто ты ему? Очередная подстилка?

— Замолчите.

— Иди готовь операционную.

— Не указывайте, мне что делать! — выскакиваю из палаты. Меня аж колотит от негодования. Неужели Руслан согласиться...

Неожиданно оживает мой телефон в кармане. Руслан. Господи, родной мой только не это. Беру трубку.

— Марин — очень взволновано — ты ещё в больнице?

— Да — отвечаю.

— Хорошо, там отец у вас. Я уже еду дожись меня, пожалуйста.

— Руслан не надо, пожалуйста — прошу его и уже понимаю, что бесполезно.

— Я скоро, подожди, солнышко. Не переживай, ладно — его голос садится.

— Я жду тебя, но прошу...

— Чшш, всё при встрече, ладно? — кладёт трубку. У меня душа в пятки падает. Неужели он уже всё решил. А как же мы? А как если я не смогу его вытащить? Неужели он готов рискнуть всем ради человека, который его ненавидит. «Щенок» всплывает в памяти обращение его отца.

Руслан.

В течение дня переписываемся с Маринкой и в смс. Сначала переживать начал, что она долго не отвечает, но она позже объяснила, что была на операциях, как и предупреждала. Стало намного спокойнее и приятно на душе, что можно вот так просто сказать любимой, что скучаешь, и она ответит тебе.

Немного нервничаю перед встречей с её мамой. Надеюсь она такая же добрая и отзывчивая как Маринка и не будет нам палки в колёса вставлять. Так не хочется вставать между ней и Маринкой. Ставить Марину перед выбором, ведь я сейчас живу без родителей и нет в этом ничего хорошего. Интересно, почему Маринка не говорит про отца? Может она росла без него? Надо будет расспросить её по дороге, а то ляпну что-нибудь не то при её маме.

Чтобы чем-то занять себя и не думать о Маринке, потому, что все мысли так или иначе улетают к ней почему-то, начинаю собираться, хотя время ещё половина пятого. Она скоро закончит работу. Открываю шкаф, выбирая чистую футболку.

Может, стоит зайти за цветами для её мамы? А какие цветы она любит? Маринке надо написать. Тянусь к телефону. Блин я Маринке то ещё ни одного цветочка не подарил, как-то неудобно. Ладно, она решила пирожное, ей виднее. В следующий раз приду с цветами, а то может меня этим же букетом да взащей выгонят. Хотя если она спрашивала, что я люблю, значит, человеку я не безразличен, и она будет меня ждать. Надеюсь, что не разочарую её сегодня, хоть и с клюкой как дед.

Да блин, что-то я разнервничался, перед знакомством с отцом Янки так не переживал.

Неожиданно оживает мой телефон зазывной трелью. Маринка, решила закончить раньше?

Смотрю, на имя входящего абонента и в груди печь отчего-то начинает. Мама? Я ей ещё в начале месяца деньги перевёл. Не должно быть долгов. Ох, надеюсь, новые жильцы не напакостили, мне же она башку оторвёт.

Нерешительно беру трубку.

— Да.

— Руслан — её голос звучит надрывно, что-то случилось.

— Мам?

— Твой отец, он в больнице и у него отказывают почки. Нужна операция и донорская почка. Ты можешь стать донором для него, нужно кровное родство. Руслан, пожалуйста, он в очень плохом состоянии.

Каждым словом бьёт в самое сердце.

— Как такое произошло?

Ума не приложу, у него де всё было в порядке.

— После смерти Никиты он стал пить и очень сильно. Он обонкротился в том году. Мы живём сейчас на его сбережения, но и их не хватит, чтобы купить донора. Руслан спаси его — она воев в трубку.

Она понимает о чём меня просит? Наверное да.

— Мам, ты же заешь, какие могут быть последствия.

Пытаюсь хоть немного абстрагироваться.

— Ты о них не думал, когда влетал в столб. Так в чём дело, тебе сложно спасти отца? — кричит в трубку — он в районной больнице и очень надеюсь, что ты имеешь хоть каплю уважения к своему брату и отцу, и появишься там в ближайшее время.

— А вы имеете хоть каплю уважения ко мне! — кричу в трубку, но слышу короткие гудки на том конце.

Имеют? Ничегошеньки я для них не значил и не значу. Вспомнили, когда нужен стал. А!!! Да что ж такое-то. Неужели я по их мнению даже жизни не заслужил? Уважения к брату. Да я жизнь за него готов был отдать, потому, что для него я был человеком, не для вас. Что же делать. Несколько дней назад, я бы даже не задумываясь, полетел спасать отца. Но сейчас в моей жизни появился человек, которого я просто не могу оставить. Она не сможет без меня, как и я без неё. Маринка моя родная.

Но если бы дело касалось её родителей, может быть она бы и решилась...

Не знаю...

Районная, так там же Маринка работает. Я должен поехать и всё узнать. Наспех одеваюсь и вызываю такси.

Уже в машине звоню ей, моей девочке.

— Марин — пытаюсь собраться с мыслями — ты ещё в больнице?

— Да — её голос дрожит, словно очень переживает.

— Хорошо, там отец у вас. Я уже еду дождись меня, пожалуйста — пытаюсь объяснить вкратце.

— Руслан не надо, пожалуйста — она в курсе всего. Господи, моя умница уже догадалась обо всём. Как бы я хотел, этого не делать знала бы ты...

— Я скоро подожди, солнышко. Не переживай, ладно — пытаюсь хоть немного её успокоить

— Я жду тебя, но прошу — её голос срывается, она плачет?

Не надо!!

— Чшшш — не хочу, чтобы плакала — всё при встрече, ладно? — кладу трубку, я не могу выдержать её слёз сейчас.

Захожу в больницу и узнаю в какой палате лежит отец у вахтёрши. Меня пропускают. Поднимаюсь на лифте на нужный этаж и выхожу. Пытаюсь отключить эмоции, но когда вижу зарёванную Маринку, душа уходит в пятки.

Она подбегает и обнимает меня.

— Руслан, не надо, не делай этого пожалуйста. Разрывает сердце своими словами.

Отпускаю клюку, та с грохотом падает на пол. Маринка, вздрагивает, а я обнимаю её, прижимая крепче к себе, мою родную девочку.

— Тише, малыш — глажу её по голове — не плач — целую её в висок.

Хочу её успокоить, но у самого на душе сквернее некуда. В груди всё в узел завязывается при мысли оставить её одну.

— Марин, что случилось? — слышу чей-то голос и отрываюсь от моей девочки.

Она смахивает слёзы.

— Артём, всё, нормально — отстраняется немного.

— Ага, вижу, вы кто? — смотрит на меня с прищуром высокий брюнет, чуть младше Марины.

— Я сын, Каримова, хотел...

— А понятно, вы готовы подписать документы на донорство?

— Нет, он ничего подписывать не будет! — Маринка разворачивается в моих руках и строго смотрит на парня.

— Я думал, он согласен, если нет, седьмая палата, извините. Но Марин, третья палата свободная, не пугайте народ — он разворачивается и отходит от нас.

— Идём — она поднимает клюку и подаёт мне, а затем тянет за руку к третьей палате.

Мы заходим с ней в палату, она прикрывает дверь за нами. Я прохожу к кровати и сажусь на неё. Тяну Маринку за руку, и она присаживается ко мне на колени. Обнимаю её, притягивая к себе.

— Нет — она мотает головой и утыкается носом мне в плечо — прошу, не делай этого, Руслан. Он не заслуживает такого, пожалуйста. Я же с ума сойду!

— Марин — тихонько глажу её по спине, ощущая всю её боль сейчас как свою — а как бы ты поступила, если бы это был твой отец?

Она вздрагивает и отстраняется. Я сказал что-то не то?

— Мой отец меня любил, он души во мне не чаял, дал образование и поддерживал во всём, я очень его люблю, и мне его очень не хватает.

— С ним что-то случилось?

Кивает и смахивает слёзы.

— Два года назад его сбили на переходе, не довезли. Если бы только он попал ко мне, я бы спасла его.

— Мариш — притягиваю её к себе.

Родная моя, она ведь даже никогда не говорила об этом. Она тоже тяжело переживала потерю родного человека. Как я люблю тебя моя девочка.

— Я не хочу потерять и тебя, не смогу, я не переживу этого.

— Чшш — тихонько укачиваю её, чтобы успокоилась.

Через некоторое время она успокаивается и отстраняется.

— Я разговаривала с твоим отцом, он ужасный человек, он не стоит твоей жизни. Я очень боюсь за тебя Руслан.

Я и сам боюсь, знала бы ты как.

— Он обидел тебя?

Хам он ещё тот, я-то привык к этому.

— Не в этом дело. Ты должен жить, а не он за счёт тебя.

— Марин, мне надо поговорить с ним.

— Знаю, но пожалуйста, не совершай непоправимого.

— Если я соглашусь, то оперировать будешь ты.

— Ты меня доконать хочешь?! — соскакивает с колен.

Нет?

— Неужели ты подумал, что твою жизнь я доверю кому — то. Просто я очень боюсь, твоей аллергии, она уже стоила жизни твоему брату. Неужели ты тоже хочешь так же!

— Не хочу, но по другому я не смогу.

— Он относится к тебе потребительски, он бросил тебя в трудный момент, а ты.

— Я должен быть выше этого и лучше его — только и могу сказать ей — Ник бы меня не прости, если я откажусь — говорю ей свои предположения.

— А может быть он был бы рад тому, что ты будешь жить? — она отворачивается. Замечаю, как смахивает слезу.

— Не думаю, он тоже любил отца.

Несмотря на его отношение, он всё же мой отец каким бы он ни был.

— Я хочу его увидеть — поднимаюсь с кровати.

— Седьмая палата — бурчит в ответ.

— Ты пойдёшь со мною? — хочу её представить отцу как свою девушку, чтобы в случае чего мог хоть как-то ей помочь, поддержать, хотя о чём это я?

— Нет, я уже с ним пообщалась — выдыхает и тянется открыть дверь.

— Марин, ты обижаешься?

— Нет, я буду в ординаторской. Зайди после разговора с ним.

Мне кажется, она обижается очень. Я даже не представляю, какого ей сейчас.

— Прости меня — притягиваю её к себе и обнимаю крепко-крепко. Я так сильно её люблю.

Она всхлипывает, разрывая мне сердце.

— Не плач, я и сам еле держусь — признаюсь ей в своём позорном положении — я очень тебя люблю. Ты самое дорогое, что есть в моей жизни и... Я ни о чём не жалею. Я очень счастлив с тобой. Даже не знал, что такое бывает в жизни. Я люблю тебя больше всего на свете, ты моя маленькая вселенная. Не плач, пожалуйста, родная — обнимаю её крепче, от нахлынувших чувств, начинает щипать глаза. Мне больно сейчас терять это всё, очень.

— Я очень тебя люблю — шепчет на ухо, обнимая за шею.

Прикрываю глаза и наслаждаюсь её близостью, вдыхаю родной запах, кружащий голову. Хочу, чтобы это мгновение не заканчивалось никогда. Я люблю тебя больше жизни.

Неожиданно дверь в палату открывается, прерывая нас и на пороге возникает тот же парень, что был в коридоре.

— Каримову хуже стало, Марин — говорит он — Вы были у него? — спрашивает меня.

Мотаю головой.

— Поторопитесь тогда — выходит из палаты.

— Мне пора — говорю Марине. Она кивает и берёт меня за руку. Доходим до палаты отца, она выпускает мою руку. В её глазах стоят слёзы, но она пытается сдержаться.

— Я буду вон там — показывает на дверь ординаторской.

— Хорошо я тебя найду — отвечаю ей и открываю дверь в палату.

Ну, здравствуй папа.

Марина.

Руслан скрывается за дверью палаты. Стоять и подслушивать нет никакого интереса. Из меня словно все силы выкачали, а впереди ещё операция от которой зависит жизнь дальше и не только моя.

Прохожу в ординаторскую и опускаюсь в кресло. Пытаюсь выдохнуть спокойнее, но куда, там. Сердце сжимается при одной мысли, что не справлюсь и не смогу его вытащить.

Неожиданно оживает телефон в кармане. Смотрю на экран — мама. Да сегодняшний вечер должен был быть определённо другим...

— Да, мам — беру трубку.

— Привет, что с голосом.

АА!!

— Мы не придём сегодня, прости — стараюсь говорить спокойнее, знаю, что будет переживать.

— Почему? Он обидел тебя? Вы поругались?

Ах если бы.

— Нет, мам, его отец попал в больницу и Руслан — выдыхаю — решил помочь ему. У него отказывают почки и нужна трансплантация. Руслан подходит идеально, вот только у него аллергия на наркоз, как у брата, я тебе говорила — впаливаю ей.

— И он, что решился?

— Ага, сейчас с ним разговаривает — не думала, что голос выдаст меня.

— Мариша, Господи и ты будешь оперировать?

— Угу — только и могу ответить смахивая, набежавшие слёзы.

— Господи, ну надо же такому случиться.

— Не переживай.

— Я знаю ты справишься, ты у меня умничка — голос мамы немного успокаивает — ты должна собраться. Это его решение, он конечно дурачок. Ты видела его отца?

— Да.

— Ну и как он? Изменил хоть отношение к нему? Извинился? Благодарен, хоть, что парень идёт на такое ради него?

— Мне кажется нет. Этот человек оставляет омерзительное впечатление.

— Да уж. Даже в таком состоянии не может понять, что сотворил с жизнью сына.

— Он к нему как материалу относиться, ему понадобилась почка, давай отдавай мне. Не задумываясь, что он может не выжить — говорю и сама боюсь этого, очень.

— Мариш, ты тоже не лыком шита, ты сможешь всё сделать, чтобы он жил. Ты справишься я уверена и Лёша тебе поможет в этом, не переживай. Ты главное соберись, отключи эмоции и включи голову, малыш. Может мне приехать?

Мама всегда вспоминает о папе. Господи, помоги мне не потерять Руслана, пожалуйста.

— Маам, зачем. Я ещё больше буду переживать, что ты переживаешь за меня. Не надо.

— Ну как знаешь. Я хотела поддержать, но если тебе так будет проще.

Становится стыдно, что отталкиваю её, но не хочу, чтобы и она видела меня квашнёй.

— Прости меня. Я очень тебя люблю и не хочу, чтобы ты переживала.

— Я тебя тоже. Ты сама держись и верь, что всё получится.

— Спасибо, мам.

— Да глупости. Позвони мне как будут новости.

— Ты сама не переживай.

— А о ком мне ещё переживать-то, ты одна у меня.

— Хорошо, только не сильно, валерьяночки попей.

— Ладно, сама выпей успокоительного, а то в обморок грохнешься на операции и не спасёт его никто кроме тебя.

Только не это. Было однажды, Артём выручил тогда. Сейчас я этого не допущу. Мама права, я должна собраться с духом. Очередная проверка на прочность, которую я должна выдержать.

— Не грохнусь — обещаю.

— Вот уже лучше. Выдохнула и вперёд. Удачи — тихо выдыхает и кладёт трубку.

Она мне сейчас не помешает, спасибо мама.

После разговора с ней, стало легче. В ординаторскую заглядывает Артём.

— Ну как? Он не надумал, просто там время тикает.

— Разговаривают.

— Угу, а ты чего ревёшь? Каримов родственник твой, что ли? Так убиваешься из-за этого вредного мужика.

Господи.

— Да не из-за него, просто у его сына аллергия на наркоз. Его брат умер от этого. А Руслана кое-как откачали после него. Поэтому я не хотела повторения.

— Охренеть. Извини не знал — удивляется — и сейчас он будет оперироваться?

— Я не знаю, но судя по всему да.

— И как мы это сделаем?

— Надо минимальную дозировку, поминутный ввод и начнём не заранее, а как только оба будут в операционной. Одновременно. Надо ещё антигистаминку вколоть заранее, наверное.

Мысли немного путаются.

— Хорошо, поговорю с Колей, пусть готовится к сложному пациенту. А ты это...с ним? — отчего-то интересуется.

— Да — выдыхаю. С ним.

— Ты настраивайся, поняла меня — смотрит строже.

— Хорошо, спасибо.

Артём выходит, оставляя меня наедине со своими мыслями.

Что же ты решишь мой родной? Хотя я и так поняла всё. Я должна сделать всё возможное, чтобы ты жил.

Руслан.

Захожу в палату и вижу отца. Насколько же сильно он изменился с нашей последней встречи. Казалось бы, полтора года прошло, а он словно на пятнадцать лет постарел. Передо мною сейчас лежал не лощёный, высокомерный бизнесмен Григорий Каримов, не знающий равных себе юрист, а сморщенный, сдавший пару десятков лет, бледный, больной человек. От бывшего лоска не осталось и следа. Как он опустился до такой жизни. Неужели потеря Ника настолько выбила его из колеи? Наверное, ведь для него он был единственным сыном, а я его тенью, не способной ни на что. Какая всё-таки странная вещь судьба? В прошлую нашу встречу всё было на оборот. Я вот так как отец лежал на кровати не в силах пошевелиться и вздохнуть поглубже, нуждался в его помощи и поддержке, но не получил ничего в ответ. Меня выкинули как не нужную вещь. А сейчас от меня зависит жизнь отца. Не хочу уподобляться ему.

Он смотрит на меня с прежним презрением и морщится, словно от меня несёт чем-то неприятным.

— Здравствуй отец — выдавливаю из себя и опускаюсь на стул рядом с кроватью.

— Явился — выдаёт прежним тоном — смотрю, уже ходишь, значит выздоровел. Не думал, что у тебя силёнок хватит встать.

Ранит словами, ничего не изменилось в нём. Знал бы ты, какой ценой мне всё это далось.

— Как видишь — только и могу ответить ему.

— Так время тикает, ты анализы уже сдал? Когда будет операция, узнавал?

— Ты больше не о чём меня спросить не хочешь? — поражаюсь я — как я жил всё это время? Ты ведь даже не задумывался об этом, скажи честно? — прорывает меня.

Сам не знаю, что хочу услышать от него сейчас.

— Нет — опускает взгляд — мне было не до тебя. И ты сам виноват в том, что случилось с тобою. Сам должен разгрести все последствия своей дурости.

Возможно, он прав, в тот момент я не думал ни о чём и ни о ком.

Киваю в ответ, не могу произнести ни слова от нахлынувших воспоминаний и эмоций.

— Я и разгрёб — собираюсь с силами и отвечаю ему.

— Так что с операцией? — говорит с нетерпением, похоже, ему становится хуже.

— Ты же знаешь, какие могут быть последствия для меня — хочу, чтобы хоть немного понимал, на что я иду ради него.

— Знаю, но ты же должен сделать в этой жизни хоть что-то стоящее. Никита бы, даже не задумываясь, сделал это. Я так и знал, что у меня только один стоящий сын был. Ты всегда был слабаком! Не решительный, вечно мямлишь, глупый, не смог даже школу нормально закончить, чтобы не опозорить меня! После этого мне стыдно было тебя устраивать в нашу фирму. Ты бы не потянул.

— Я и не пытался к тебе устроиться! — поражает меня.

Он ещё и стыдился меня?

— Я сам начал работать и учиться, если ты помнишь, ни копейки у тебя не попросил!

— Ну и где ты сейчас, чего добился за всё это время? Живёшь у матери, в квартире Никиты. Думаешь, я не знаю? Всё оторваться от нас не можешь самостоятельный.

— Я уже давно не живу там, к твоему сведению и отсылаю деньги матери со сдачи.

— Это ваши с ней дела, мне вообще фиолетово на это всё. Но то, что ты привлёк Никиту в свой дурацкий центр, после всего, что с ним случилось, я тебе никогда не прощу.

Задевает за живое. Прикрываю глаза и пытаюсь спокойно выдохнуть.

— Поэтому, чтобы хоть как-то отмыться перед братом, ты должен мне помочь.

Отмыться, слово то такое, словно я кусок грязи. Вспоминаю слова Маринки о том, что это не моя вина. Сердце сжимается и в груди печь начинает от одной только мысли, оставить мою родную девочку.

Не знаю откуда берутся силы или эта вся скопленная злость на отца за всё это время прорывается наружу.

— Я ни в чём не виноват! — прорывает меня — Ник сам выбрал это направление, я занимался в другой группе всё это время! Он взрослый человек и я не был ему нянькой! Ты больше не в праве, говорить мне эти вещи! Тебя там не было! И ты не знаешь, как всё было! И это не ты вёз его в скорой и держал за руку. Тебе вообще плевать на меня всегда было! Ты никогда не считал меня достойным! Так почему же ты ждёшь помощи от меня, раз я такой плохой! — поднимаюсь со стула и отхожу к окну. Надо немного успокоиться, а то аж трести начинается.

— Надеялся, что в тебе ещё не всё потеряно.

— Всё давно потеряно, ещё полтора года назад, когда ты выкинул меня из своей жизни, словно не нужную вещь. Я всю жизнь тебе был поперёк горла, скажи только почему?

— Потому, что ты всегда был упрямым, не слушался, спорил и сопротивлялся.

Потому, что у меня всегда было своё мнение и я выражал его, в отличие от Ника.

— Тебе нужен был просто послушный болванчик, который кивает в нужное время и нужном месте? — разворачиваюсь к нему, чтобы посмотреть в глаза.

— Мне нужен был послушный сын, за которого не будет стыдно перед друзьями и обществом.

— То есть ты всё это время стыдился меня? — до меня наконец-то доходит смысл сказанных им слов.

Он молчит в ответ. А меня несёт дальше, словно всё накопившееся во мне за столько лет вырывается наружу.

— И где же сейчас твои друзья, свет общества, а? Почему тебе один из них не одолжит почку? Скажи мне?

— Нужен кровный родственник — заявляет безапелляционно.

— Чушь! У тебя их просто не осталось! Ты разрушил свою жизнь сам, своими руками. Мама мне всё рассказала, как ты жил всё это время и почему докатился до такого состояния!

— Кому-то надо язык вырвать — злобно выдыхает — Я потерял сына.

— А я потерял брата! Но не скатился как ты!

— Замолчи! Не тебе меня судить!

— Не мне ты прав.

— Ты не хочешь, чтобы была операция? — хмурится.

Не хочу.

— Ты понимаешь, что на тебе будет висеть вина не только за Никиту, но и за то, что ты имея возможность не спас отца. И ты готов с этим жить.

— А ты готов жить с тем, что меня, возможно, не станет после этой операции? — говорю ему все свои страхи.

— Ну, в прошлый раз же откачали — отмахивается как от назойливой мухи.

— А если нет — не думал, что голос дрогнет.

— У тебя тут такая боевая баба, что и с того света вытащит.

Это он о Марине? Откуда он узнал, что я с ней?

— Она тебе сказала что-то?

— Хм, сказала. Заявила, что не отдаст тебя мне. Взывала к совести.

М... Маришка моя она попыталась всё сказать отцу, как обещала. Воительница моя. Люблю её до безумия.

— Ты её приструни, чтобы так не смела, разговаривать со мною.

Меня аж, передёрнуло от его слов.

— Ничего я не буду делать, раз она так высказалась, значит, была права.

— Ох, я и забыл, что ты у нас размазня.

— Я не у вас и уже давно! И это вы отказались от меня, когда я был в похожем положении, как и ты. Вы ушли из моей жизни!

— Твоя жизнь не зависела от нас — обдаёт высокомерным взглядом.

Да, конечно.

— То есть ты хочешь сказать, что если бы я был в таком положении, как ты сейчас ты бы отдал мне свою почку?

Не поверю ни за что.

Он молчит и опускает взгляд. Как я и думал, в нём нет ничего человеческого.

— В этом и разница между нами. Я всегда был человеком по отношению к тебе, не смотря ни на что.

Обидно очень. Хотелось услышать от него слова благодарности хотя бы. А не так расходится. Ну, что ж ладно.

Разворачиваюсь и иду к двери, не глядя на него.

— Надеюсь, и в этот раз поступишь по человечески — говорит очень тихо, словно боится, что передумаю.

— В отличие от тебя да — говорю и выхожу из палаты. Не могу больше видеть его.

Пытаюсь успокоиться, и осознать всё, что предстоит впереди. Голова идёт кругом от того, что отец даже в таком состоянии не может извиниться передо мною за всё то, что сделал. Не достоин я этого. А, как же больно это всё и неприятно. Но мне немного легче стало от того, что высказал ему, всё, что терзало душу всё это время. И Маринка права, я ни в чём не виноват перед Ником, но сожалею очень о случившемся с ним. А отец... Надо простить его за всё, но только не получается почему-то.

— Ну что вы решили? — из раздумий вырывает голос брюнета, кажется Артём, его Маринка называла.

— Да, я согласен — выжимаю из себя то, что должен сделать.

Прости меня Марин, но по другому я не смогу.

— Хорошо, тогда идёмте, подпишем документы и возьмём анализы.

— А когда будет операция?

Сколько у меня осталось времени?

— Ну если всё будет хорошо и по плану, то в течение часа.

Час... Насколько же это мало.

Мы подходим к посту медсестры.

— Вот здесь подпишите — Артём кладёт передо мною бумаги на донорство.

Выдыхаю и пытаюсь успокоиться. Я ведь всё правильно делаю, почему же такая тоска на сердце и на душе хуже некуда.

Подписываю документы.

— Алён, возьми экспресс анализы и как только будут готовы всё мне, и готовь к операции.

— Хорошо — девушка начала искать какие-то бумаги.

Боковым зрением замечаю движение в коридоре и оборачиваюсь.

Маринка, бледная как стена смотрит на меня. Хочу подняться.

— Пишите — слышу голос Артёма над собою, и он делает шаг на встречу Маринке.

— Так быстро к Тане за таблетками! — кричит на неё командным голосом.

С ней нельзя так. Поднимаюсь.

— Но... — шепчет Маринка.

— Я сказал к Тане — кричит на неё.

Она послушно кивает и отходит от нас.

— Зачем кричали, она же...

— Хочешь, чтоб она прямо тут в обморок грохнулась! — строго так смотрит на меня.

— Нет — поражаюсь.

— Нет. Довёл мне девчонку, до ручки. Она ж потом месяц отходить будет ото всего — качает головой — выбиваете мне работников из колеи — забирает бумаги и разворачивается.

— А с ней такое уже было? — не могу поверить в услышанное.

— Да после смерти отца она очень долго в себя приходила, один раз на операции в обморок упала. Нежнее надо быть с любимыми — выдыхает и уходит в ординаторскую.

Нежнее, если бы я мог. Прости меня за всё, родная моя.

— Идёмте в процедурную — слышу голос мед сестры и поднимаюсь.

Иду за ней и прохожу все необходимые процедуры по подготовке. В добавок, ещё и желудок промыли, так как я сегодня обедал. Процедура весьма неприятная.

Меня разместили в палате, в которую мы с Маринкой заходили. Она оказалась пустой.

— Раздевайтесь, скоро за вами приедут — говорит мед сестра и выходит из палаты, оставляя меня одного наедине со своими мыслями.

Скоро всё случится и я теперь не смогу ни на, что повлиять. Стягиваю футболку и бросаю её на кровать.

Маришка, зайди ко мне, пожалуйста. Я не вынесу эти оставшиеся минуты без тебя, я так тебя люблю. Как ты там, родная моя? Неужели на этом всё закончится? Как же я хочу жить, рядом с тобою. Засыпать и просыпаться, обнимая тебя, целовать тебя, слышать твой голос и просто ощущать тебя рядом. У меня нет слов, чтобы выразить все чувства к этой девушке, что заставила меня почувствовать себя живым, спустя столько времени. Родная моя Маринка. Глаза начинает щипать от мысли, что у нас с ней нет будущего, и это делаю я своими руками. Но по-другому я поступить просто не смогу.

Слышу, сзади открывается дверь, и в отражении в окне я вижу Маринку. Как же я хочу, чтобы время остановилось, позволяя нам побыть вдвоём как можно дольше.

Марина.

Поле разговора с мамой, настраиваюсь на любое решение Руслана и выхожу из ординаторской, узнать как там дела вообще. Замечаю на посту Руслана, склонившегося над бумагами... Господи он всё же решился на операцию...

От осознания этого в голове шуметь начинает, а в груди всё сжимается. А я всё-таки надеялась, что он откажется. На глаза слёзы наворачиваются. Руслан замечает меня и поворачивается ко мне. В его взгляде растерянность и боль.

— Так быстро к Тане за таблетками! — передо мною вырастает Артём и строго смотрит в глаза.

Посылает к Тане, за успокоительным? Артём видит меня насквозь.

— Но... — хочу возразить и подольше побыть рядом с Русланом.

— Я сказал к Тане! — Артём начинает кричать.

Надо прислушаться к нему, наверное, ведь впереди операция.

Киваю в ответ и разворачиваюсь. Иду ко второму посту Тани. Ноги не слушаются просто. Зачем он это делает?

— Марин? — Таня смотрит на меня поражённо.

— Есть валерьянка? — выдавливаю из себя.

— Есть кое-что лучше — она открывает ящик и вытаскивает блистер Новопассита — здесь травки и он отпускает хорошо.

— Спасибо — забираю блистер и вытаскиваю пару таблеток. Сейчас мне слоновью дозу надо, иначе не выдержу всего этого.

— Расскажешь, что случилось? — взволнованно смотрит на меня и протягивает бутылочку воды.

— Спасибо — забираю воду у неё из рук и делаю пару глотков. Вода немного будоражит и приводит мысли в порядок. Нельзя раскисать, всё потом, после.

— Ну? Что случилось? Ты сама на себя не похожа, Марин.

— Не могу пока — если начну рассказывать, точно разревусь, а надо собраться с духом и к Руслану хочу до безумия — потом.

— Ты хоть присядь, выдохни немного — не унимается Таня и берёт меня за руку, тянет к стулу напротив.

Ладно, опускаюсь на стул и прикрываю глаза, жду, пока таблетки подействуют. Таня, слава Богу не пристаёт с расспросами.

Через некоторое время замечаю, что наступает некоторое расслабление. Видимо начали действовать таблетки, так как в груди начинает чуть отпускать и наконец-то, могу спокойно выдохнуть.

— Ну вот, хоть не такая бледная — Татьяна улыбается — ну ты вообще, конечно — мотает головой от возмущения.

— Всё нормально — пытаюсь её успокоить — мне пора, спасибо за таблетки — поднимаюсь со стула.

— Обращайся — девчонка улыбается в ответ.

Киваю ей и иду обратно, надо найти Руслана.

Подхожу на пост Алёнки. Артём, перебирает результаты анализов и поднимает на меня

взгляд. Выдыхает с облегчением.

— Нормально всё — предупреждаю его расспросы.

— Да вижу — ухмыляется.

— Куда Рус... Каримова определили?

— В третью, он пока на подготовке, присядь — указывает на стул Алёны.

Опускаюсь на стул.

— Таблетки приняла? — озадаченно всматривается в глаза.

— Да, Артём нормально — начинаю, говорить, но он перебивает.

— Знаю, настройся просто, пожалуйста, я не хочу, чтобы тебе стало хуже — опускает

взгляд.

— Я всё сделаю, не переживай. Лучше о нём подумай. Ты Коле всё объяснил?

Коля наш анестезиолог и очень опытный, причём.

— Да предупредил, вроде всё должно пройти хорошо, не переживай только, ладно.

— Хорошо, спасибо. Я пойду, может он уже вернулся — поднимаюсь со стула.

— Давай. Через пятнадцать минут в операционной тебя жду.

Пятнадцать минут?

— Хорошо — только успеваю ему ответить и бегу к Руслану.

Пятнадцать минут это невозможно мало.

Захожу в палату. Руслан уже в палате, снял футболку и стоит ко мне спиной. Даже издали заметно как сильно напряжены его плечи, он очень сильно переживает. Похоже, разговор с отцом прошёл не очень удачно. Надеюсь, отец хоть извинился перед ним. Хочу спросить его, но вспоминаю, что у нас всего пятнадцать минут.

Подхожу к нему и обнимаю крепко-крепко, прижимаюсь к его спине. Он рвано выдыхает и прикрывает мои руки своими, прижимая к себе сильнее.

Он рвано выдыхает и опускает голову. Прикасаюсь губами в основание шеи и целую его. Я так сильно его люблю.

Он выдыхает рвано, переплетает свои пальцы с моими, и подносит к губам. Целует настолько нежно, что не могу сдержать всхлип, мне больно его терять, вот так, проведя с ним всего несколько дней, узнав какой он, мой родной человечек. Ощущаю кончиками пальцев, что кожа его щёк влажная. Ему так же больно, как и мне? Руслан неожиданно поворачивается ко мне и обнимает за плечи, вглядывается в глаза, словно хочет что-то там разглядеть. Его глаза действительно красные и в них плещется боль, он поджимает губы, словно виноват передо мною в чём-то. Дурачок мой любимый, не могу видеть его таким, мне больно за него.

Притягиваю его и обнимаю крепко, хочу прикоснуться к нему, почувствовать его близость, запомнить его тепло и любовь.

Руслан немного отстраняется и прижимается губами к моему виску, тяжело выдыхая, затем начинает целовать моё лицо, очень нежно и трепетно, словно прикасается душой к моей. Меня затапливает нежностью к моему мужчине. Я настолько сильно его люблю, что не хватит всех слов, чтобы уместить все мои чувства к нему. Он сейчас такой близкий и родной мой, открытый и ранимый. Он ничего не говорит, просто обнимает очень крепко, я утыкаюсь носом в его плечо и вдыхаю родной запах хвои. Зажмуриваюсь, чтобы не бежали слёзы, но они всё равно скатываются. Руслан, собирает их губами и ласково гладит по голове. Мы молчим, все слова уже давно сказаны друг другу, мы просто есть друг у друга и эти пятнадцать минут пусть будут наши, не беспокойте нас. Руслан немного отстраняется и

поднимает моё лицо за подбородок, улыбается очень тепло, а затем нежно целует в губы, очень легко и трепетно.

— Моя любимая девочка — шепчет в губы и целует снова.

До меня доходит, что он прощается.

— Не смей — отстраняюсь от него и кладу пальцы ему на губы.

Он удивлённо смотрит на меня.

— Не прощайся со мною, прошу — объясняю ему.

Он виновато опускает взгляд. Зажмуривается и целует подушечки моих пальцев.

— Пообещай вернуться ко мне, прошу — обнимаю его и упираюсь ему в лоб своим.

Он открывает глаза, в них словно огонёк зажигается, и он начинает улыбаться мне.

— Я очень постараюсь — говорит очень хрипло и целует меня в губы, очень сильно, немного резко, но в то же время так искренне, что аж дыхание перехватывает. Ведь нам обоим больно сейчас и расставаться с ним не хочется ни на миг.

Слышу грохот каталки в коридоре, и сердце замирает просто.

Это за ним. Наши пятнадцать минут истекли. Руслан немного отстраняется и недоумённо смотрит на меня.

Я поворачиваюсь к двери и она открывается.

— О, вы ещё не готовы — Алёнка немного теряется — уже пора, раздевайтесь.

Я отстраняюсь от Руслана. Он хватает меня за руку, словно не успел что-то сказать.

— Увидимся — говорит очень хрипло с такой надеждой во взгляде, что выть хочется.

— Конечно, я буду тебя ждать — пытаюсь натянуть улыбку. Ведь он боится сейчас гораздо сильнее меня.

Он кивает и отпускает мою руку. Алёнка недоумённо смотрит на меня.

Да плевать на окружающих. Не могу его так оставить, обнимаю и прижимаю к себе крепко. Ощущаю его руки у себя на спине, он тихонько гладит.

— Всё будет хорошо — обещаю ему на ухо и очень на это надеюсь.

— Спасибо — говорит тихо, и судя по выдоху улыбается.

— Марина Алексеевна, простите, но время — робкий голос Алёнки врывается в нашу идиллию, и я отпускаю Руслана. Он опускает взгляд и начинает раздеваться.

— Спасибо Алён — улыбаюсь девчонке и иду на выход из палаты, Артём меня прибьёт.

— Вторая операционная — слышу Алёнку на выходе и бегом бегу переодеваться.

Марина.

Тороплюсь очень, надеюсь они не начнут без меня. Забегаю в операционную. Руслан уже лежит на столе, а его отца ещё нет. Коля пытается поставить ему катетер в вену.

— Коль? — хочу остановить его. Ведь договаривались, чтобы оба были в операционной, тогда и усыплять Руслана, чтобы время воздействия сократить.

— О ты уже тут — спокойно отвечает мне, невозмутимым тоном.

Руслан смотрит на меня, не отрываясь в его глазах плещется паника, он выглядит очень напряжённым. Он боится очень.

— Коль тебе Артём говорил про наркоз? — пытаюсь скрыть волнение в голосе.

— Говорил — он поднимается от Руслана, поправив катетер и откручивает колёсико капельницы.

Я уже начинаю волноваться.

— Марин, это физраствор не паникуй — Коля улыбается мне.

Слава Богу, могу нормально выдохнуть.

— Я рассчитал минимальную дозу и красящий пигмент позволит определить скорость и время воздействия — он поднимает шприц с жёлтым содержимым — не дрейф, всё пучком — подмигивает мне.

Знаю они пытаются отвлечь меня, так же было, когда я переживала потерю папы. Они, словно маленькая семья с которой не страшно идти вперёд, поддержат как могут. Я очень рада, что вернулась обратно в нашу больницу.

Руслан немного расслабился, судя по опущенным плечам. Коля отходит, оставляя нас наедине.

Руслан тянет пальцы свободной руки ко мне.

— Нельзя — показываю ему перчатки, всё должно быть стерильно.

Он поджимает губы понимая всё.

Надо немного отвлечься. Отхожу от стола и проверяю инструмент. Всё ли в наличии и пытаюсь абстрагироваться от всего и настроиться на операцию. Прикрываю глаза и пытаюсь все свои действия воспроизвести по порядку, хотя всё отточено. но боюсь ошибиться или что-то не учесть. Как же сложно, когда перед тобою не обычный пациент, а родной и близкий человек, ещё и с такими особенностями не предсказуемыми. Господи... Я очень надеюсь, что я вытащу тебя.

Не могу быть на расстоянии от него. Подхожу к Руслану. Он вглядывается в глаза и слабо улыбается мне. Так хочется сказать ему, что всё будет хорошо, но язык не поворачивается.

Слышу грохот каталки, везут его отца.

— Марин, пора, пока подействует, ведь ему заснуть надо — слышу Колю.

— Не бойся — говорит Руслан.

Легко тебе говорить.

Коля вкалывает наркоз в пакет капельницы, окрашивая жидкость в жёлтый цвет.

Жидкость медленно ползёт по трубке, постепенно вытесняя прозрачную. Возникает такое ощущение, что с каждой каплей из меня самой вытекает жизнь. Мне настолько страшно за Руслана, что перед глазами начинают плясать мушки. Зажмуриваюсь, пытаюсь

встряхнут головой и отогнать это всё.

Ощущаю, прикосновение к локтю и открываю глаза. Руслан, дотянувшись кончиками пальцев и тихонько гладит по рукаву. Смотрит так ласково, что сердце заходится. Даже через ткань чувствую его тепло. Он улыбнулся мне так тепло.

Да где же его отец, везли же? Смотрю на капельницу, жёлтая жидкость почти достигла его вены, осталось десять сантиметров.

В операционную заходит Алёнка и удивлённо смотрит на меня.

— А вы чего здесь?

— То есть, что ты имеешь в виду? — наверное туго соображаю.

— А Артём не сказал, что ли?

— Нет — теперь моя очередь удивляться.

Неужели его отец передумал и пожалел сына?

— Операции не будет пациент скончался десять минут назад.

Её слова звучат как гром среди ясного неба. Ноги подкашиваются просто. Руслан. Вспоминаю про наркоз...

Господи, он же дошёл уже...

Паника охватывает и тянусь к катетеру. Рывком вытаскиваю его из вены Руслана. Когда вижу два миллиметра прозрачной жидкости в трубке, обдаёт волна, от которой всё внутри трястись начинает. Я успела, родной, успела. Спасибо Господи...

Перед глазами плывёт всё и обносит голову. Не вижу ничего и чувствую, что проваливаюсь куда-то. Резкая боль пронзает висок, а перед глазами возникают радужные круги, растворяющиеся в темноте крошечной. Вдалеке слышу на голос Руслана, полный боли и отчаяния, он зовёт меня по имени. У тебя всё должно быть хорошо, родной мой. Сознание уплывает куда-то и похоже отключаюсь.

Руслан.

— Операции не будет пациент скончался десять минут назад — слышу слова медсестры, что везла меня сюда и не могу поверить.

Неужели я опоздал и отца больше нет. Дыхание перехватывает от осознания происходящего. Всё зря! Я опоздал! Наверное, отец был прав в — я ничего стоящего сделать не могу в жизни. Господи, ну почему всё так получилось! Прости меня, я так хотел помочь.

Перевожу взгляд на Маринку. В её глазах плещется ужас, и она смотрит на мою капельницу. Наркоз дошёл почти, это же я скоро отрублюсь и неизвестно проснусь ли... Отец решил забрать с собою недостойного сына... Не успеваю додумать мысль, как Маринка резко склоняется и тянется к катетеру. Она выдёргивает капельницу с наркозом из моей вены и внимательно смотрит на неё. Маришка моя родная, если бы только знать, что всё так получится...

— Успела — Маринка выдыхает с облегчением.

Успела? Не дошёл ещё, Господи, это наверное лучшая новость за сегодняшний день.

Маринка меняется в лице и начинает оседать. Только не это!

— Марина! — кричу и пытаюсь встать, но куда там я же привязан к столу за руки и за ноги.

Слышу грохот и Маринка исчезает из поля зрения.

Накатывает волна паники, что с ней!

— Марин! — кричу.

Да, что же я такой беспомощный то.

— Ой, Марина Алексеевна — медсестра подходит к ней.

— Помогите ей — тяну завязки, но они не поддаются.

— Твою ж мать — материться анестезиолог — ещё головой похоже ударилась — отодвигает подставку с инструментом — ну как так-то — возмущаясь наклоняется над ней.

Господи, только бы не виском. Девочка моя родная, прошу тебя приди в себя. Ты не можешь меня оставить сейчас, пожалуйста только не так.

— Отвяжите меня! — сейчас порву эти верёвки сам.

— Да лежи ты, сейчас — анестезиолог поднимает Маринку на руки.

Она без сознания, её рука безжизненно свисает, пока её несут к дверям, медсестра открывает ему дверь.

Замечаю кровь на виске. Нет! Не оставляй меня Маришка!

Я остаюсь один в операционной. Душа рвётся к ней, я с ума сойду в неизвестности. Я же схохну без тебя! Она так сильно переживала за меня, превратилась в бледную тень, а я даже не задумывался о том каково ей. Она так сильно плакала, когда узнала о моем решении, сказала, что без меня не сможет. А это я без неё не выживу. Солнышко моё, как я мог довести её до этого! Идиот, думал только о проблемах отца, боялся не вернуться к ней, а она меня спасла. Родная моя. Не могу нормально выдохнуть, отвяжите меня хоть кто-нибудь, пожалуйста. Господи не забирай ещё и её у меня!

Натягиваю в очередной раз завязки, но они не поддаются, крепкие.

Спустя казалось вечность в операционную заходит мед сестра.

Она молча подходит ко мне, начинает отвязывать завязки.

— Как она? — голос дрогнул.

— Пока так же — она потупила взгляд.

Освободившись, поднимаюсь и сажусь на столе. Закутываюсь в простынь. Как-то не удобно быть обнажённым перед девушкой.

— Ложитесь я доведу вас до палаты — указывает мне на каталку.

— Да я бы дошёл сам.

— В таком виде — улыбается.

Да уж.

Выдыхаю и укладываюсь на каталку. Она сверху укрывает одеялом и ведёт в палату.

В палате наспех одеваюсь и иду искать мою девочку. Очень надеюсь, что она уже пришла в себя.

На посту вижу Артёма и подхожу к нему, может он скажет мне хоть что-то.

— Что с Мариной? — задаю вопрос, мучающий меня.

— Была без сознания, увезли на КТ, посмотрим результаты, там видно будет, висок всё же. И ударилась она хорошо. Это ж надо так переживать, второй раз обморок за всё время что её знаю. Ведь всегда спокойная как танк, уравновешенная, а тут.

— Второй раз?

У неё уже было такое?

Нежнее надо быть с любимыми, вспомнились его слова.

— Да она после смерти отца очень тяжело отходила и один раз сознание потеряла во время операции.

Неужели она сейчас была в таком же состоянии из-за меня? Надеюсь ты ничего не повредила себе. Это я довёл её до такого состояния! она ведь просила меня этого не делать. Моя маленькая, хрупкая девочка, вместо того, чтобы оберегать её и заботиться, я подверг её таким сильным переживаниям. Ведь если бы она решилась на такое ради своего отца, я бы умер без неё рядом с операционной. Потерять её смерти подобно. А она ещё и оперировать пошла. Какая же она сильная и смелая моя девочка и опять спасла меня сегодня, помедлила бы немного, и я уже отключился, наверное.

— Мне жаль, что так получилось с вашим отцом — парень опускает глаза.

— А, что случилось, ведь мы торопились как могли.

— Да, но никогда не знаешь сколько нам отмерено. Его жена поздно обратилась, он уже второй день был в таком состоянии, поэтому видимо всё так сложилось.

Возникло впечатление, что парень оправдывается передо мною.

— Понятно — только и могу выдавить из себя.

Не хочется думать об отце, почему-то.

— Его жене мы сообщили, простите ещё раз.

— Хорошо — отвечаю.

Артём уходит.

А мне что делать? Где ждать Маринку? Смотрю на палату отца.

Тихонько иду туда, может его ещё не увезли?

Заглядываю, сам не зная, чего ожидать.

Палата оказывается пуста. Только смятая простынь указывает на то, что некоторое время назад здесь был отец.

Становится горько и на душе пустота какая-то. Он ушёл из моей жизни полтора года назад. Но совсем разные вещи, когда человек жив, а когда его нет. Ты можешь не общаться с

ним, но знаешь, что он живёт и от этого спокойно на душе было. А сейчас? Сейчас я опоздал с помощью и оказался не достойным сыном, коим и был всегда для него. Не успел я поступить по человечески, прости. В груди всё сжимается, не могу выдохнуть и выхожу в коридор. Зажмуриваюсь, тяжело всё это осознавать.

Слышу везут кого-то на каталке и открываю глаза.

Маришка, бледная как мел, даже губы стали намного светлее. Всё также без сознания.

Её завозят в палату в которой был я. Помогаю переложить её на кровать, забывая о спине. Шов ноет, но стараюсь не обращать на это внимание, есть куда более важные вещи.

— Что с ней? — спрашиваю мед сестру и укрываю Маринку одеялом.

— Артём Сергеевич всё скажет — она выкатывает каталку, а я наконец-то могу остаться с Маринкой наедине.

Присаживаюсь рядом на стул и беру её прохладные пальчика в ладонь.

— Маришка — тихонько зову её, может очнётся?

Почему она столько времени не приходит в себя? Неужели всё же что-то серьёзное, раз медсестра мне не ответила.

— Прости меня. Это я во всём виноват — признаюсь ей — только возвращайся ко мне, родная моя я без тебя не смогу.

Подношу её ладошку к губам и целую, вкладывая все свои чувства к ней.

Маринка не реагирует. Становится очень страшно за неё. На глаза слёзы наворачиваются. Не оставляй меня прошу...

Прижимаюсь щекой к её ладошке, чтобы почувствовать её тепло и чтобы она знала, что я рядом.

Неожиданно за спиной открывается дверь и в палату заходит женщина. Она очень похожа на Маринку. Поднимаюсь со стула.

Она с болью смотрит на Маринку и прижимает пальцы к губам словно сдерживаясь. Она подходит ближе и смотрит на меня очень внимательно.

— Ты, наверное, Руслан да? — вышибает пол из-под ног своим вопросом.

— Да — только и могу ответить.

— Я Анастасия Игоревна мама Марины — ошарашивает меня.

Она здесь, значит с Мариной случилось что-то серьёзное? От паники всё внутри трястись начинает.

— Простите это...это из-за меня она — не могу даже договорить нормально, да что ж такое-то со мною, руки ходуном ходят.

— Ты чего, с ума сошёл? — касается моих плеч и заглядывает в глаза — не переживай так. Она сильная, я знаю — тихо выдыхает и притягивает к себе, обнимает, словно я ей родной человек.

— Простите меня — голос садится, на глаза слёзы наворачиваются. Я во всём виноват.

— Дурачок. Она просто очень переживала за тебя, по-другому она не умеет, в меня пошла — она тихо гладит меня по спине — если любит то всем сердцем.

— Она Вам рассказала?

Когда только успела?

— От меня у неё секретов нет — она немного отстраняется — и я очень рада, что ты появился в её жизни и надеюсь будешь беречь её впредь.

— Буду, лишь бы пришла в себя. Что с ней? Мне ничего не говорят.

— Сотрясение небольшое, скоро должна прийти в себя. Я просто не выдержала дома

одна, зная вашу ситуацию не хотела быть вне ведения. Переживала за вас обоих.

— Вы тоже переживали? — поражаюсь я.

— Конечно, ведь не хотелось терять зятя, даже не познакомившись с ним. А как же нервишки потрепать, а? А кровушки попить? — улыбается мне.

Нервишки? Зять? Я никогда не был в этом статусе.

— Да я шучу, не переживай. Только Маринку не обижай, она ранимая очень. Видишь аж в обморок грохнулась, так за тебя боялась.

— Я тоже очень боялся — сознаюсь ей — боялся не вернуться к ней, ведь она моя жизнь. Я её очень люблю.

Мама Марины так тепло улыбнулась мне, что в груди защемило.

— Я рада, что в её жизни появился ты.

— А она в моей — опускаю взгляд.

— И не только в её, но и в нашей. Руслан. Теперь ты часть нашей семьи, а мы твоей.

Глаза начало щипать от её слов.

— Спасибо — только и смог ответить ей.

Руслан.

Маринина мама обнимает меня, вызывая в груди щемящие чувства. Часть семьи, это так не привычно и не верится до конца, что совершенно не знакомый мне человек относится ко мне как к родному. Маринка очень похожа на мать, особенно глазами и тёплым взглядом.

— Не поняла? — слышу родной голосок Маринки.

Её мама отпускает меня.

— Вы что тут делаете? И что случилось — Маринка немного морщится, прикасается пальцами к виску и пытается подняться на постели.

— Привет — наверное улыбаюсь как дурак, но я так счастлив видеть её.

Присаживаюсь на кровать и беру её за руку.

Маринка недоумённо смотрит то на меня, то на маму.

— Ну? — поторапливает.

— Что ну? Напугала нас до чёртиков, а теперь ну. Голова не кружится? — Анастасия Игоревна присаживается на стул рядом.

Маринка мотает головой и не понимает о чём речь.

— Ты упала в обморок в операционной и ударилась виском — поясняю — я очень испугался за тебя — признаюсь.

— Ах, да я успела, да — выдыхает с облегчением — я так за тебя боялась.

— Знаю солнышко — сжимаю её пальчики в своей ладони — я и сам боялся очень.

— А твой отец, ты узнавал? Почему так получилось.

— Да Артём объяснил, что всё было запущено и мать обратилась поздно.

— Понятно.

— Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо, только висок побаливает — она гладит пальчиками по пластырю на виске.

— У тебя сотрясение, Артём говорил про постельный режим пару дней — её мама тревожно смотрит на Маринку.

— Да ну, бросьте, всё хорошо — Маринка хочет встать.

— Марин, может стоит прислушаться — переживаю за неё очень.

— Я нормально себя чувствую — говорит уверенно — я хочу домой.

— Ну давай хоть помогу встать — поднимаюсь с кровати и придерживаю её за руки.

— Руслан у тебя же спина, нельзя — упрямец и пытается встать самостоятельно.

— Давай, врединка — тяну её за руки.

Выдыхает и поднимается на ноги. Стоит вроде бы твердо.

— Ну как?

— Всё хорошо, не переживайте. Давайте лучше домой поедим.

— Домой, собралась. Давайте ко мне, я что зря ужин готовила что ли — говорит Анастасия Игоревна.

— Ты не против? — Маринка удивляет меня.

— Я? — почему я должен быть против — Нет, не против.

— Ну вот и хорошо, идёмте — её мама открывает дверь в палате и мы выходим.

Нам на встречу идёт Артём.

— Так, уже на ногах, да? — спрашивает Маринку — А как рекомендации врача? —

строго смотрит на Анастасию Игоревну.

— Я нормально себя чувствую, Артём. Спасибо, но мы домой.

— Домой она собралась. А если плохо будет?

— Не будет, нормально, правда — Маринка оправдывается.

— Ладно. Пару дней отлежись дома. Ты мне нужна здоровой. А ты — указывает на меня

— смотришь за ней в оба. Станет плохо, скорую сразу вызываешь и её не слушаешь. Знаю её героизму нет предела. Но предел есть у всех. Береги нашу Маринку.

— Хорошо — отвечаю.

— Ладно, счастливо — Артём обходи нас.

— Спасибо — Маринка говорит ему в спину, и мы идём дальше.

Маринина мама вызывает такси, а я не могу выпустить Маринку из рук, обнимаю, придерживаю и боюсь отпустить.

— Это ты! Это всё ты — слышу истошный крик матери, пробирающий до костей, заставляющий остановиться.

Разворачиваюсь. она очень злая идёт на меня со сжатыми в кулаки руками.

— Это из-за тебя он умер! Пожалел почку! Не мог раньше пойти на операцию!

Я никогда ещё не видел мать такой, в таком состоянии. Потеря Ника и отца для неё стало сильным ударом, она словно на лет десять постарела. Выглядит не опрятно. Её глаза кажутся безумными и дикими. Аж не по себе становится. Но она права.

— Это ты виноват в его смерти — выбивает почву из-под моих ног — не прощу никогда! — она толкает меня в грудь со злостью, от чего отшатываюсь.

— Так, мадам, в сторону — Анастасия Игоревна преграждает путь матери.

— А ты кто такая? — выплёвывает мать.

— Отойдите и успокойтесь, женщина — Анастасия Игоревна отодвигает мать дальше от меня.

Ощущаю руки Маринки у себя на спине, обнимает крепче прижимает к себе.

— Не слушай её — шепчет на ухо, моя девочка.

От нахлынувших эмоций не могу нормально выдохнуть.

— Я его мать! Я имею права...

— Ты не мать — произносит Анастасия Игоревна — и не имеешь права так себя называть! Так не поступают матери со своими детьми. Не бросают в самый трудный момент в жизни, поддерживают и любят своих детей. Ты что сделала для этого?

От слов мамы Марины в душе больно становится. Не поступают да...

— Не тебе меня судить — мать отшатывается как от пощёчины — я потеряла сына, а теперь и мужа из-за него — истошно кричит мать.

Я не успел да.

— Не из-за него, а из-за своей глупости — слышу уверенный голосок Маринки и сердце подпрыгивает от её слов — ваш муж второй день находился в таком состоянии, почему вы вчера не обратились, задайте вопрос себе, прежде, чем обвинять Руслана во всех грехах. Вы не мать, и не имеете права так называть себя, после того, как вы поступили с своим единственным сыном! И никакого права его обвинять не имеете ни в чём! Он пошёл на операцию! Он рискнул своей жизнью, ради вашего мужа, но Господь забрал его раньше. Здесь нет его вины. А если вы ищите виноватых задайте вопрос себе, почему вы не обратились вчера!

Мать от удивления приоткрывает рот, но ничего не может ответить ей.

— Пойдём домой — Маринка подталкивает меня вперёд.

Мать отходит в сторону и выглядит ошарашенной.

Мне становится её очень жаль.

— Подожди — останавливаюсь.

Ищу ключи в кармане от квартиры Никиты.

— Вот возьми, мне они больше без надобности — подаю ключи матери.

Не хочу, чтобы что-то больше связывало меня с ней.

— Теперь конечно без надобности, а как помощь нужна была быстро вспомнил про квартиру и что родители есть! — она выхватывает их у меня из рук — а когда твоя помощь понадобилась так хрен. Не прощу тебя за Гришу никогда, мог бы спасти отца. Поторопился бы всего на десять минут, и он был бы жив!

Это те минуты, что я провел с Маринкой перед операцией...

— Не факт, что ваш муж перенёс бы операцию в таком состоянии и вы потеряли бы и мужа, и сына, Руслан мог её не перенести — говорит Марина — радуйтесь, что, хотя бы сын ваш жив и у вас ещё есть возможность, всё исправить и стать для него матерью — Маришка, всё взывает к совести.

На слова Марины мать начинает смеяться громко, истерично так. Неужели я для неё ничего не значу и не значил. Обидно очень...

— Бесполезно, Марин — подталкиваю её вперёд.

— Это ваш выбор — тихо говорит Маринка и печально смотрит на мать — идём — тянет меня за руку.

— Идём — мне больше нечего сказать матери.

Тихо выходим из больницы. До сих пор не могу успокоиться, смех матери стоит в ушах. Это словно насмешка, ну живи теперь с чувством вины не только за Ника, теперь ещё за отца.

Выходим на улицу.

— Машина будет через минуту — говорит Анастасия Игоревна и немного отходит.

Маринка разворачивается ко мне и обнимает, прижимает к себе крепко.

— Не вини себя пожалуйста, прощу тебя — шепчет мне на ухо.

Наверное, всё на лице написано.

— Ты не виноват и сделал всё, что мог. Пожалуйста не думай об этом. Не слушай её слова. Она сейчас зла на весь мир, хотя должна злиться на себя — немного отстраняется и заглядывает в глаза.

— Наверное, не знаю — пожимаю плечами, не могу устоять под таким пристальным взглядом.

— Я очень тебя люблю — Маринка обнимает и целует в щёку — я так рада, что ты жив.

— Маришка — прижимаю её к себе крепче — ты так напугала меня сегодня.

Усмехается, утыкаясь носом мне в шею. В груди теплом затапливает от ощущения, что она рядом со мною и теперь можно нормально выдохнуть. Мы есть друг у друга и нас ничего не может разлучить.

— Я так сильно тебя люблю, ты даже не представляешь — целую её в прохладную щёчку.

Она улыбается и прикрывает глаза.

— Наше такси — слышу Анастасию Игоревну — разлепляйтесь голубки, поехали.

А я и забыл, что она рядом, с Маришкой совсем голову теряю.

Руслан.

Всю дорогу до квартиры Анастасии Игоревны не мог выпустить Маришку из рук. Не могу быть с ней даже на минимальном расстоянии. Всё время хочу прикоснуться и ощущать, что она рядом.

Анастасия Игоревна живёт в очень светлой и просторной квартире. Минимум мебели и максимум пространства. даже дышится легко здесь. По началу даже растерялся немного от такого сильного освещения, но потом глаза привыкли.

— Проходите — Анастасия Игоревна указывает нам на зал — Марин разложите стол, а я сейчас всё погрею — уходит на кухню.

— Пойдём — Маринка тянет за руку и улыбается.

Мы проходим в зал. Он очень просторный с большим мягким диваном, стенкой в светлых тонах. На полках в стенке замечаю много рамок с фотографиями. Хочу посмотреть их ближе и подхожу к стенке.

Маринка раскладывает журнальный стол, превращая его в большой обеденный.

Возникает какое-то странное и забытое чувство в груди. Ожидание чего-то. Чего-то хорошего и доброго. словно в детство вернулся, когда ждёшь новый год и надеешься на чудо...

А сейчас моё чудо смотрит детскими глазёнками с фотографии и так задорно улыбается, что не могу сдержать улыбки. Беру рамку в руки. Она с косичками в разные стороны, бантами, в платице залезла на забор, коленки ободраны и корчит рожицу. Смешная моя.

— Это мы с девчонками поспорили, что я не залезу на забор у бабушки — Маринка выглядывает из-за плеча.

— Ты не робкого десятка была, я смотрю — не скрывая улыбки беру следующую рамку. На фотографии Маринка с огромным псом в обнимку, чуть постарше.

— Наверное поэтому и выбрала такую профессию — грустно выдыхает и смотрит на следующую фотографию.

Ставлю рамки на место. На следующей фотографии, наверное вся её семья. Много человек, сфотографированы на фоне большого дома.

Да моя мечта дом...

Маринка сама берёт рамку в руки.

— Это мои бабушка и дедушка — Маринка водит по фото — это папа — её голосок просаживается — на фоне нашего дома. Мне так там нравилось — она гладит пальчиком по изображению дома, словно хочет прикоснуться к нему.

Да к прошлому не прикоснёшься не ощутишь, не почувствуешь, только воспоминания.

Она похожа на отца формой лица. Маринка становится грустной.

— А на мелкую Маринку любишь — в комнату заходит Анастасия Игоревна — она такая пакостная в детстве была, ой — ставит пирог на стол.

— Да ну прям ой — Маринка разворачивается — как все дети.

— Ага, седины нам с Лёшей добавила знатно, особенно как на речку уйдёт, все нервы вытреплет. И придёт с двумя рыбками, чумазая, вечером. Рыбачила с местной детворой.

— Мы развлекались как могли и вообще давай я тебе помогу — Маринка обнимает

мать, и они выходят из комнаты.

Бойтся, что мать все секреты расскажет. А я хочу знать про тебя как можно больше, мне интересно как ты жила всё это время.

Марина.

Увожу маму на кухню. Надо её немного притормозить, а то выложит Руслану всю мою жизнь, в том числе и мои некоторые не очень лицеприятные стороны, о которых ему не надо бы знать. Тем более о моих не удачных отношениях с Антоном.

Заходим на кухню и у меня глаза разбегаются от того, сколько всего наготовила мама.

— Мам, ну ты куда наготовила то столько, мы же не съедим.

— С собою заберёте — подаёт мне салатницу с оливье — неси на стол.

— Ты нас откормить решила — у неё ещё пара салатов, тушёная печень, печёная курица и три тарелки с разными бутербродами.

— Конечно, а кто ещё о вас позаботиться — вытаскивает противень с картошкой.

Мамочки мы точно отсюда выкатимся сегодня.

Вспоминаю о чём хотела сказать ей.

— Мам ты про Антона не говори только, ладно.

— А чего боишься?

— Я сама потом как-нибудь при случае расскажу. Не хочу сегодня ему настроение портить, тем более после того, что устроила его мать в больнице.

— Ладно, там и рассказывать особенно не чего, о том, что ты сопли мотала по придурку, что поиграл и бросил.

— Мам не надо, и мне вспоминать о нём не хочется.

— Хорошо, неси давай салат, а то твой заскучал там, наверное.

Мой... Так не привычно, чувствовать себя при этом и приятно, что у меня есть он — мой Руслан. Которого я сегодня чуть не потеряла, если бы чуть помедлила, Господи. Как вспомню, душа сразу в пятки уходит.

— Давай, хоть заберу ещё тарелку — прихватываю бутерброды и ухожу в зал.

Захожу и вижу, что Руслан присел на диван. Он очень смущается и стесняется что ли?

Ставлю тарелки на стол.

Он удивлённо смотрит на большую тарелку с оливье.

— Это только малая часть — не могу удержаться — мама там всего наготовила.

— Конечно — слышу маму, она заходит и расставляет на столе ещё салаты — я же не знаю, что ты любишь Руслан, поэтому приготовила всего помаленьку.

Ага помаленьку!!

— Я — Руслан удивлённо смотрит на неё — да я всё ем — он так растерялся.

— Ну и хорошо — мама улыбнулась — значить всё попробуешь.

— Обязательно — Руслан скромно улыбнулся ей в ответ.

Мама выходит на кухню.

Подхожу к Руслану, хочу, чтобы расслабился и не ощущал себя лишним здесь, не стеснялся.

— Как ты? — касаюсь его плеча.

— Нормально — немного удивляется.

Наклоняюсь к нему и целую его в щёку быстро. Он рвано выдыхает и улыбается так тепло.

— Не стесняйся, мама не кусается, иногда очень опекает, но это от любви, она такая. Я

привыкла, наверное, просто.

— Ничего я постараюсь, просто не привычно.

— Привыкай теперь это будет всё время.

Он не привык к вниманию и проявлению любви к нему. Родной мой. Обнимаю его.

Он тихонько гладит по спине.

— Ты сама то как? Голова не кружится? — отстраняется и тревожно заглядывает в глаза.

— Хорошо, всё не переживай — отпускаю его и присаживаюсь рядом на диван.

Руслан притягивает к себе и обнимает, кладёт голову на плечо и прикрывает глаза.

— Я так испугался за тебя ты даже не представляешь, что я пережил, когда тебя вынесли из операционной.

— Тише — целую его в лоб — всё же обошлось — глажу его по волосам. Он прикрывает глаза и рвано выдыхает.

Похоже отходняк после всего произошедшего сегодня у него начинается.

— Всё хорошо, родной мой — тихонько глажу его по волосам.

— Прости меня, пожалуйста — он поднимает голову в его глазах стоят слёзы.

— Ты что, с ума сошёл. За что?

— Марин — его голос садится — я совсем не подумал о том каково тебе было всё это пережить сегодня. На твоём месте я бы с ума сошёл, а ты ещё оперировать пошла. Прости, что заставил тебя это всё пережить. Я иногда упрямый как баран. Прости, что не услышал тебя. Я хотел ему помочь — он рвано выдыхает.

— Ты и так помог.

— Ага, и чуть тебя не потерял — опускает взгляд.

— Ну не потерял же, я здесь и больше не отпущу тебя. И никогда не позволю пойти на такие жертвы, тем более ради такого человека, которым был твой отец.

— Я бы не простил себе, если бы не попробовал — бормочет.

— Я знаю, потому, что ты самый замечательный человечек.

— Ну уж — смущается.

— Правда, Руслан, ты необыкновенный и я очень люблю тебя за это.

— А я тебя.

Обнимаю его, притягиваю обратно на плечо. Он обнимает и смыкает в кольцо рук. Наконец-то успокоился немного и расслабился.

— Ну вот, вроде бы всё — мама расставляет тарелки на столе — Марин, поухоживай за Русланом, а я пока сок принесу.

— Что тебе положить? — тянусь за ложкой.

— Я даже не знаю, глаза разбегаются.

— Ты любишь печень? Она у мамы очень вкусно получается в сметане.

— Ну давай и картошечки.

Наконец-то высказал свои предпочтения.

Накладываю ему картошку с печенью.

— Спасибо — говорит скромно, когда ставлю тарелку перед ним.

— Так, сок, кто хочет? — мама ставит графин на стол.

— Давайте я налью — Руслан потянулся к графину.

Мама наконец-то присела за стол.

— Мам что тебе положить?

— Да я сама дотянусь, не переживай — мама накладывает оливье — кушайте, сегодня был сложный день и вам нужны силы. Так что подкрепляйтесь.

— Приятного аппетита — говорит Руслан.

— Приятного — отзывается мама.

Руслан пробует печень, и блаженно улыбается. Понравилось?

— Вы так много всего приготовили — говорит Руслан.

— Да ладно я же на пенсии, что мне делать то дома. Хоть вас порадовать — мама немного смущается.

— По вам и не скажешь, что вы на пенсии — удивляется Руслан.

— Спасибо, хорошо сохранилась — мама смеётся, и Руслан улыбается ей в ответ.

Я так рада, что она приняла его и не старается его расспрашивать, хотя я и так ей всё о нём рассказала.

— А на фотографии ваш бывший дом. Вы не отсюда?

— Да — мама выдыхает с сожалением — это наш дом. Мы жили в пригороде, пока Маринка не поступила сюда в медицинский. Мама так просила не продавать его, но мы с Лёшей не могли оставить Маринку одну здесь. Когда я увидела условия общежития, мне хватило, чтобы решиться на переезд. Там ведь даже в ванну зайти страшно.

Руслан почему-то грустно улыбается ей и кивает. Он жил в общежитии?

— Поэтому, пришлось продавать дом и покупать две квартиры. Я не могу быть далеко от дочки- мама потупила взгляд.

А мне так стыдно стало, что прихожу к ней редко очень, ведь ей плохо одной без папы.

— Мам — тянусь к ней и обнимаю её — прости меня — целую её в немного морщинистую щёку — что редко прихожу.

— Ну, Мариш, сырость не разводи тут — она ласково гладит по спине, а у меня слёзы на глаза наворачиваются от её слов — всё хорошо. Я всегда вам рада, приходите чаще.

— Хорошо мам — отпускаю её и смахиваю слёзы.

Руслан выглядит немного зажатым, он опустил взгляд, словно задумался о чём-то.

— Видел бы ты мамин сад роз — говорю Руслану и вспоминаю это море цветов, их благоухание, как я их любила.

— До тридцати разновидностей, у нас в соседях жил селекционер, результаты экспериментов отдавал мне. На удивление все приживались.

— Ничего себе, это же сколько труда надо вложить- поражается Руслан.

— Когда занимаешься любимым делом этого не замечаешь, а результат многих поражал — маму уносит в воспоминания.

Я так любила этот дом и сад.

— Да к нам многие ходили как на экскурсию, очень красиво было — говорю Руслану.

— Я один раз был в деревне у бабушки, но до сих пор помню дом и ту жизнь. Она другая — говорит тихо Руслан.

— Да, темп жизни другой и живёшь другими интересами. Кто-то считает это скучным, но мы с Лёшей очень любили наш дом, это как очаг, в котором собрана вся семья, каждый знает свои обязанности и вносит частичку себя, для того, чтобы он горел и согревал каждого- мама грустно улыбнулась.

Она так скучает по папе.

— Мам, у тебя есть я.

— Я знаю, родная — она улыбнулась — надеюсь у вас всё будет хорошо и таких

поворотов больше не будет в вашей жизни.

— Надеюсь — беру за руку Руслана.

— Не будет — говорит тихо и сжимает мои пальцы в своих — простите, что заставил вас переживать сегодня — он опускает взгляд.

— У вас обоих выбора не было, потому, что вы глубоко сердечные люди и не смогли бы поступить по-другому. Я рада, что вы нашли друг друга.

Руслан поднимает взгляд. В нём рождается искорка тепла и надежды, словно он обретает то, что давно потерял.

— Я тоже очень рад, что в моей жизни появилась ты — смотрит с такой теплотой, что аж сердце заходится — то есть вы — Руслан немного смущается, вспоминая про маму видимо и опускает взгляд. Как же я люблю его такого настоящего, ранимого, скромного.

— Так вы что-то ничего не едите — возмущается мама — не вкусно?

— Очень вкусно, Анастасия Игоревна — говорит Руслан — я такое ещё не пробовал — он указывает на печень.

— Это мамин рецепт — улыбнулась мама — в печи ещё вкуснее получается.

— Да бабушка готовила так же — вспоминаю вкус бабушкиных блюд.

Не могу удержаться и накладываю себе печень.

М, как вкусно. Наверное, блаженно улыбаюсь, но ничего поделаться не могу.

— Ну вот хоть есть начала — мама накладывает себе картошку — Руслан салатик тебе положить.

— Да, давайте — Руслан протягивает тарелку.

— Давай два, оба попробуешь — мама накладывает ему салаты.

Руслан немного расслабляется, замечаю, что немного опустил плечи. Привыкай родной, в нашей семье так.

— Вот, а то Маринка совсем за тобою не ухаживает — мама ставит перед ним тарелку.

— Похоже кто-то выбился в любимчики — обнимаю Руслана со спины.

Руслан лишь улыбается в ответ.

— Да, должна же я кого-то баловать, пока внуки у вас не появятся.

Руслан, наверное, от неожиданности закашливается, тихонько стучу ему между лопатками, но, наверное, всё равно больно, морщится сильно.

— Мам, ещё слишком рано для внуков — стараюсь притормозить маму и свести всё на шутку.

— У меня то время тикает, я уже не молода — мама не понимает намёка, блин.

Руслан становится немного растерянным, словно эта тема больная для него.

— Мам, когда бог даст тогда и будут — пытаюсь уговорить её пыл.

— А если не даст? — подаёт голос Руслан и растерянно смотрит на меня.

Не даст? С чего он взял? У него есть проблемы с этим?

— С чего это? — говорит мама, а Руслан ещё больше краснеет.

Мама никаких намёков не понимает!

— Мам покажи Руслану мои детские фотографии — начинаю отвлекать её от этой темы.

— Ладно сами разбирайтесь, сейчас альбом поищу — мама поднимается и выходит из зала.

— Руслан — беру его за руку — почему ты так решил?

— Я — он тяжело выдыхает — мне сказали об этом год назад, когда я не мог ходить.

Скорее всего я бесплоден Марин — его голос срывается.

Господи, родной мой. Как жаль.

— Ты повторил анализы, когда встал на ноги?

— Нет, боюсь потерять надежду — говорит тихо и опускает взгляд, он очень переживает — если ты не захочешь быть со мною, я пойму — его голос срывается.

Вот же дурачок.

— Руслан, я очень тебя люблю и не оставлю тебя. Если не суждено, значит так тому и быть. Я хочу быть с тобою. О детях я пока не задумывалась.

— Это пока Марин, потом ты захочешь, а я не смогу — опускает взгляд и поджимает губы.

— Попробуем что-то придумать, сейчас есть технологии. И тем более после того как ты встал на ноги всё могло восстановиться. Давай просто попробуем, когда почувствуем необходимость в этом. Сейчас я просто хочу быть с тобою, после того как чуть не потеряла тебя. Ты самое большое счастье для меня — обнимаю его.

Он притягивает к себе и рвано выдыхает.

— Это ты моё счастье, Марин — говорит хрипло на ухо.

— Ну вот нашла альбомы — мама заходит в комнату и надевает очки — подает альбом Руслану — здесь она совсем маленькая.

Руслан раскрывает альбом, мама объясняет ему, что происходило за кадром, так как фотографироваться я не любила и не хотела. Как они с папой выкручивались, чтобы вышли нормальные фотографии.

Руслан улыбается, смеётся, над её рассказами. Наконец-то расслабился и успокоился. Поражаюсь как быстро они с мамой спелись. Вообще приятно видеть, что Руслан наконец-то почувствовал себя в нашей семье. Ощутил её любовь и заботу. Он с любопытством рассматривает фотографии, а мама рассказывает ему обо мне. Такой тёплый вечер, давно мы так не сидели с мамой и не вспоминали прошлое. Смешные фотографии, на которых мы с папой корчим рожицы.

Очень надеюсь, что у нас с тобою всё получится. Не хочу отказываться от возможности стать матерью. Просто, наверное, пока не время. Это мне сложно принять такую новость о нём, а каково ему жить с этим? Видеть детей вокруг и понимать, что ты не можешь сделать себе подобного маленького человечка, кровинку свою. Ужасно. За что ему всё это, Господи! Он и так натерпелся всего в этой жизни! Неужели за все его беды и неприятности он заслужил лишиться возможности иметь детей?

«Если ты не захочешь быть со мною, я пойму» его слова звучат в голове. Как же ему больно от всего от этого. Почему жизнь так не справедлива? Ведь из него выйдет идеальный отец, заботливый, добрый, любящий, которого у него никогда не было. Родной мой, как же больно за него, на глаза слёзы наворачиваются.

— Марин — Руслан тревожно вглядывается в глаза.

— Всё хорошо — смахиваю слёзы и натягиваю улыбку, пытаюсь понять о чём они с мамой разговаривали и на какой фотографии остановились.

Но Руслан всё замечает и немного хмурится.

— Я за водой — не могу выдержать столь пристального его взгляда.

Поднимаюсь и выхожу на кухню и умываюсь холодной водой. Надо успокоиться.

Ощущаю, прикосновения сзади к плечам.

— Марин, что случилось? — Руслан обнимает меня, прижимая к себе.

— Мне так больно за тебя, это же...

— Ты, что Марин — он поворачивает меня к себе и заглядывает в глаза, не веря — не надо, пожалуйста, не жалея меня.

— Я и не жалею, мне больно, что тебе приходится всё это переживать.

— Перестань, Марин — он обнимает меня, тихонько гладит по голове — прости, что я такой — его голос срывается.

— Ты самый лучший — прижимаюсь лбом к его и целую его щёки, замечая скудную влагу.

Он мотает головой и рвано выдыхает.

— Я очень тебя люблю — целую его в висок и притягиваю к себе, крепко обнимаю.

Он рвано выдыхает. Тихонько глажу его по голове. Он постепенно успокаивается и расслабляется.

— Поехали домой? — шепчу ему на ухо.

— А твоя мама не обидится?

— Нет уже достаточно поздно, тебе завтра рано вставать в центр.

Ему ведь нужен отдых.

— Ну хорошо, тогда пойдём предупредим маму.

— Пойдём.

Заходим в зал. Мама уже убрала альбомы с фотографиями.

— Мам, мы, наверное, домой поедим, уже поздно.

— Ну, ладно. Подожди я вам еду упакую, мне столько не съесть — мама встаёт и уходит на кухню.

Хочу, предложить Руслану остаться у меня. Он ещё не был у меня в квартире.

— Поехали ко мне — предлагаю — или ты хочешь к себе?

Он удивлённо смотрит на меня. Да первый раз парня зову к себе, дожילה!

— Поехали, адрес скажешь? — улыбается так загадочно.

Диктую ему свой адрес, и он вызывает такси.

Мы выходим в коридор. Мама наложила нам целый пакет еды. Руслан хотел взять его. Вспоминаю про его спину и забираю пакет сама. Он недоумённо смотрит на меня.

— Тебе пока нельзя тяжёлое поднимать- говорю ему.

Благодарим маму за такой ужин, прощаемся и выходим из квартиры.

Спускаемся и выходим на улицу, машины ещё нет.

— У тебя чудесная мама — Руслан обнимает сзади и опускает голову мне на плечо — ты вся в неё, такой же ангел — упирается холодным носом мне в щёку.

— Я рада, что вы поладили — прижимаю его руки к себе ближе.

— Я и не думал, что так может быть. Спасибо за вечер. Я давно так хорошо не чувствовал себя в окружении людей.

— Всё зависит от людей — поворачиваюсь к нему и быстро целую в губы. Он расцветает в счастливой улыбке.

Двор освещают фары подъезжающего такси.

— Наша машина — Руслан говорит тихо и не хотя отпускает меня.

Усаживаемся в такси и едим домой. Ко мне домой. Надеюсь тебе понравится у меня.

Руслан.

Поднимаемся в квартиру к Маринке. Держу её за руку, не хочу выпускать её пальчики из руки. Она переплетает свои пальчики с моими и так счастливо улыбается мне, что аж сердце заходится. Она сейчас выглядит такой счастливой, её улыбка стирает все неприятные воспоминания сегодняшнего дня. Я так сильно люблю её.

Сегодняшний вечер был настолько тёплым и приятным, что нахожусь в какой-то расслабляющей эйфории.

Маринка открывает дверь и запускает меня в свою квартиру.

Включает свет и заходит сама, закрывая дверь. Коридор немного меньше, чем у её мамы, но в светлых тонах. Такие необычные обои под серый камень и такие реалистичные, что невольно хочется провести рукой и проверить на самом ли деле поверхность не шероховатая.

— Раздевайся и проходи — Маринка открывает шкаф и вешает пальто на вешалку — будь как дома.

— Но не забывай, что ты в гостях — захотелось приколоться.

— Нет, я хочу, чтобы ты себя здесь уютно себя чувствовал — Маринка обнимает за плечи и заглядывает в глаза.

Уютно...

— Мне везде хорошо, рядом с тобою — не могу удержаться и целую её в кончик носа.

Она улыбается в ответ.

— Раздевайся, давай — она расстёгивает замок на моей куртке и стягивает её с меня. Вешает в шкаф. Разуваюсь.

— Идём — она берёт за руку и ведёт в комнату.

Комната скромно обставлена, оформлена в голубых тонах. Светло-серая мебель и большой мягкий диван сиреневого цвета. Так и хочется присесть на него.

— Располагайся, а я пока продукты уберу — Маринка отпускает меня.

— У тебя красиво здесь.

— Да мне нравятся такие оттенки, многие считают их холодными, но мне уютно в них.

— Мне тоже нравится — признаюсь ей.

— Я рада — Маринка улыбается и выходит из комнаты.

Прохожу к окну. За окном пролетает снег, на улице уже темно. Но во дворе детвора играет в снежки. Смеются, кто-то купается в снегу, делая ангела. Вспоминаю какие сугробы были у бабушки в деревне. Столько снега я никогда не видел.

— Представляешь мама нам даже торт засунула — Маринка обнимает сзади и опускает голову мне на плечо.

— Обалдеть — поражаюсь я её маме.

Я вообще в шоке от этой женщины. Она знает меня один день, да и того меньше, но относится как к родному. Такого душевного человека я ещё не встречал в своей жизни. И почему-то веришь ей и не ждёшь подвоха. Я поражён, что она столько наготовила, ждала и хотела познакомиться со мною. Да сегодняшний вечер почти прошёл по плану не считая, что сдвинулся по времени.

У меня так давно не было таких приятных ужинов в кругу семьи. Такого тёплого приёма

я вообще не помню в своей жизни. Ощущения такие приятные на душе.

Единственное я как всегда всё испортил, когда признался Маринке, что возможно никогда не стану отцом. Ожидал, что это может разрушить наши начинающиеся отношения. Но я не должен скрывать этого. Она заслуживает лучшего, а я...

Но она не отвернулась от меня и попросила попробовать. Попробовать поверить, но так страшно разочароваться и понять, что я совсем никчёмный человек, как говорил отец...

Так боюсь сделать несчастным человечка рядом. Не могу я обрекать Маринку на это. Хотя я не так долго был в кресле и всё функционирует, как надо, может и качество улучшилось, чем год назад. Тогда я практически ничего не чувствовал ниже пояса. Не знаю.

Может и правда стоит попробовать и не заморачиваться. Выдыхаю, пытаюсь остановить рой мыслей в голове.

— Ты чего такой грустный? — Маринка целует в щёку, заставляя забыть обо всём — устал?

Киваю, не хочу говорить свои мысли ей и так сегодня хватило всего.

— Я диван расправлю — отпускает меня и хочет отойти.

— Подожди — разворачиваюсь и притягиваю к себе, не хочу отпускать.

Обнимаю её, притягивая к себе.

— Ты правда готова быть со мною со всеми моими проблемами? Ведь дети это счастье — не ожидал, что голос сорвётся.

Мне хочется это услышать. У тебя есть ещё шанс...

— Ты моё счастье, а остальное приложиться — она тихонько гладит меня по щеке, от чего мурашки бегут по спине — мы справимся со всем, вместе. И я буду с тобой, что бы с тобой не произошло. Без тебя я не могу.

В груди щемит от её слов, проглатываю ком в горле.

— Без тебя меня тоже нет — только и могу сказать ей от нахлынувших эмоций.

Притягиваю к себе и целую свою родную девочку в губы, вкладывая все свои чувства к ней. Я настолько сильно люблю её, просто растворяюсь в этом чувстве, что захлёстывает меня с головой.

Марина.

Расстилаю диван, пока Руслан отправился в душ. Сегодняшний день настолько вымотал меня, что кажется уже ноги не держат. Как хорошо, что Артём дал мне пару дней выходных.

Присаживаюсь на расправленный диван и прикрываю глаза.

Слышу шум воды в ванной прекратился. Через минуту из ванны вышел Руслан с полотенцем на бёдрах.

— Мне не во что переодеться — говорит немного смущённо, а я непроизвольно залипаю на его торсе, руках, обнажённых плечах. Это так мощно и красиво, что сглатываю скопившуюся во рту слюну. Я хочу его очень. Он так сексуально выглядит в полотенце.

— А тебе идёт — говорю ему.

— Ну хорошо — улыбнулся и подошёл ближе.

— Как твой шов — вспоминаю я.

— Не знаю, старался не намочить повязку.

— Давай посмотрю — поднимаюсь, уступая ему место на диване.

— Не переживай так Марин — присаживается на диван и поправляет полотенце.

пока Руслан укладывается на живот достаю аптечку и шкафа, случайно зацепляю подарок папы, сердце подпрыгивает. Вскрикиваю.

Ловлю стеклянную бабочку в руки, перед самым полом. Поймала Господи! Спасибо.

— Марин! — Руслан поднимается с дивана и встревоженно смотрит на меня, затем на бабочку, зажатую в руке.

— Я чуть не разбила, испугалась просто.

Руслан словно не верит подходит ко мне и берёт за руку. Я раскрываю ладонь показывая ему стеклянную синюю бабочку, с белым сердцем по середине. Он ошарашенно смотрит на неё, а потом на меня, приоткрывает рот словно хочет сказать что-то, но не может.

— Что-то не так? — не пойму.

— Бабочка — он зажмуривается — это ты, Господи — он ошарашено смотрит на меня.

Ничего не понимаю.

— Это подарок папы на окончание института — объясняю ему.

— Можно — он тянет руку.

— Возьми — отдаю ему — это точная копия, просто в саду у меня жила такая и папа решил подарить похожую на память.

Руслан осторожно прикасается к её крыльям.

— Невероятно — говорит поражённо, обводя сердце.

— Да очень тонкая работа, уж не знаю где папа раздобыл её, но я в восторге от неё.

Он поднимает на меня взгляд, в его глазах стоят слёзы.

— Прости меня — он отдаёт мне бабочку.

Ну о чём он опять?

— Я такой дурак, Марин. прости меня.

— Ты о чём сейчас? — не пойму.

Кладу бабочку на полку и поворачиваюсь к нему.

— Прости, что вёл себя сегодня как упёртый баран и совсем не думал о тебе. Ведь это ты моя жизнь и тебя я должен оберегать от всех неприятностей. А я сегодня... Я только

создаю их для тебя! Прости.

— Ну всё же обошлось — беру его лицо в ладони, он взволнованно смотрит на меня.

— Мне до сих пор не о себе, Марин.

— Прощаю я тебя, ты сам себя прости и отпусти- целую его в нос, чтобы успокоился.

— Марин — говорит хрипло и обнимает меня.

— Всё хорошо — тихонько провожу ладошкой по его волосам — я рада, что ты осознал это всё и надеюсь не повторишь. Я не выдержу этого ещё раз.

— Маришка, прости — прикасается губами к виску — обещаю, солнышко- хрипло шепчет и обнимает крепче.

Целую его в шею, слышу по выдоху улыбается, его плечи расслабляются.

— Я так рад, что ты появилась в моей жизни, ты даже не представляешь, что ты значишь для меня Маришка — говорит на ухо, так искренне, что аж ноги подкашиваются от его слов.

Руслан.

Обнимаю Маринку и не могу отпустить. какой же я идиот, ничего не понял из того, что пытался донести до меня Ник во сне.

Ведь это Маринка моя согревающая и светлая бабочка, хрупкая до невозможности. Как я мог так поступить с ней сегодня. Ведь она всё для меня и именно её мне нужно беречь и оберегать от всего плохого. А я заставил её переживать. Господи, если бы только знал за ранее, что к чему. Возможно бы и передумал с операцией.

— Давай я всё же посмотрю шов — Маринка немного отстраняется и обеспокоенно вглядывается в глаза.

Видит меня насквозь.

— Не переживай — пытаюсь немного успокоить её.

Хотя шов болит и ходить становится больно, иногда так прострелит поясницу, что искры из глаз сыплются. Не хочется верить, что боль в ноге возвращается снова. Может это просто последствия после операции. Или я рано начал ходить без опоры.

— Иди сюда — Маринка тянет за руку и усаживает на диван.

— Ложись на живот — отпускает мою руку и поворачивается за аптечкой.

Поправляю полотенце и поворачиваясь на живот, утыкаюсь лицом в подушку. Вдыхаю цветочный аромат, которым пропитана подушка моей Маришки, приятно.

Ощущаю прикосновения её ладоней к плечам. она скользит по спине разминая, м кайф. Расслабляюсь и чуть не мурчу от ощущений, как же это приятно.

Неожиданно целует между лопаток, м. мурашки побежали по спине. Что же ты со мною делаешь? и как теперь лежать на животе, упираясь своим желанием в поверхность дивана! Полчаса успокаивался под душем, не помогло. стоило её пальчикам прикоснуться ко мне всё, мозг плавится, а тело живёт своей жизнью.

Ощущаю, как отклеивает пластырь, неприятные ощущения остужают пыл.

Прикасается ко шву, надавливает.

В какой-то момент резкая боль оглоушивает, аж вскрикиваю.

— Тише — она тихонько гладит по плечу — сейчас.

Пытаюсь выдохнуть и ощущаю влагу в районе шва.

— Что там? — спрашиваю.

— Воспалился, вышел гной. Тебе обрабатывали сегодня? — её голос дрожит.

— Нет, уколы только поставили- припоминаю.

— А что тебе ставят?

— Витамины вроде бы.

— Хорошо- она поливает чем-то шов.

Щиплет, зажмуриваюсь.

— Я промою сейчас, потерпи. Странно, почему, перевязки-то не делают? Тебя Максим ведёт или Пётр Семёнович?

— Пётр Семёнович — отвечаю, стиснув зубы, больно.

— Позвоню завтра Максиму, выскажу ему всё, пусть Петру Семёновичу передаст.

Воительница моя. Она чем-то протирает шов, но чувствую каждое движение.

Нажимает на какую-то болевую точку, что ли? Что так больно-то?

— Сильно больно?

— Угу — только и могу выдавить из себя.

— Да я прочистить хотела, немного подавила. Не переживай, пусть лучше выйдет всё.

Снова заливает чем-то, начинает драть просто. Не могу сдержать стон.

— Тише, всё, всё — слышу её и ощущаю холодок. Она дует на рану.

Закладывает что-то в шов.

— Не переживай я мазь положила, она должна вытянуть всё — заклеивает пластырем.

— Хорошо — только и могу ей ответить.

— Можешь поворачиваться, я в ванну руки вымою.

Когда поворачиваюсь она уже выскочила из комнаты.

Перебираюсь под одеяло и стягиваю полотенце. Да после таких процедур всё желание как рукой сняло.

Прикрываю глаза пытаюсь расслабиться. Сказывается, наверное, усталость. незаметно проваливаюсь в сон.

Открываю глаза, комнату освещает солнце. Пытаюсь понять где я, вспоминаю, что вчера остался у Маринки. Поворачиваюсь на бок. Шов не так сильно чувствуется.

Маринка так сладко спит, волосы разметались по подушке. Так приятно просыпаться рядом с ней. Я уже и забыл, как это бывает. Бабочка моя маленькая, как же я тебя люблю.

Интересно сколько времени? Похоже я проспал сегодня и опоздал в центр. А может быть не ехать туда? Хочу побыть сегодня с Маринкой. Мне не хватило вчера времени с ней наедине. Не могу удержаться и тянусь к ней под одеялом. Касаюсь плоского животика и скольжу вверх к груди. Кожа такая нежная. М, грудь помещается в ладонку, как я люблю. Немного сжимаю и прикрываю глаза от удовольствия. Пах моментально наливается жаром.

— М — Маринка так сладко стонет, что сносит крышу совсем.

Прижимаю её спиной к себе и целую оголённое плечико. М, моя сладкая. Она словно почувствовала меня прижалась попкой к моему разгорячённому паху, сведя с ума окончательно.

Марина.

Мне снится такой реалистичный и приятный сон. Руслан стонет от удовольствия и целует мою шею, оглаживает грудь и живот, будоража.

— Моя сладкая — хрипло шепчет на ухо, сбившемся дыханием обжигает кожу. Его голос так возбуждает.

Явственно ощущаю, как кто-то прикусывает мочку уха и открываю глаза. Господи...

Понимаю, что это совсем не сон. Руслан, хрипло дышит мне в ухо и оглаживает ягодицы, скользит по ним своим горячим и твёрдым возбуждением.

От удивления поворачиваю голову и встречаюсь с шальным взглядом голубых глаз.

— С добрым утром, солнышко — он хитро улыбается и целует в губы немного грубовато, сильно, страстно, унося из реальности.

Тихонько разворачивает к себе и притягивает ближе.

— М — тихо стонет в губы, оглаживает грудь.

Скользит губами по скуле очень нежно, опускается по шее, разгоняя мурашки по спине.

Он приподнимается надо мною на руках.

Вспоминаю про его спину.

— Тебе нельзя — начинаю его останавливать.

— Чшшш — прерывает все мои попытки поцелуем в губы таким сильным, что дыхание сбивается, заставляя забыть обо всём.

Вцепляюсь в его плечи, обнимаю, хочу быть ближе к нему.

Он немного отстраняется и улыбается.

— Ты такая красивая- говорит очень хрипло.

Склоняется и целует грудь, вбирает губами сосок чуть прикусывая и заставляя дрожать от волны, захлёстывающего возбуждения.

Отпускает сосок и проделывает тоже со вторым, не могу сдержать стон.

— Вот так, моя девочка — скользит губами по животу — хочу слышать тебя.

Касается пальцами чувствительного бугорка, м. Опускается и целует жадно в губы ловя каждый мой стон удовольствия. Что он делает пальцами трудно представить, только от каждого движения дышать становится тяжелее, а с губ срываются позорные стоны. Я никогда ещё так не «звучала». От его пальцев с ума сойти можно, почти впадаю в сладостную негу, как же хорошо, хочу ещё, да, давай! Руслан сильно прижимается ко мне, гулко дыша и убирает руку. Куда?!

— Подожди меня пожалуйста — говорит очень хрипло.

Приподнимается, направляет его и аккуратно входит, не резко, заставляя прочувствовать его всего, прижаться к нему стеночками, ощутить насколько большой и весь мой. Это крышесносно. Он начинает двигаться, заставляя стонать ещё сильнее. Господи...

— Да, вот так- хрипит он мне на ухо, а я вцепляюсь в его плечи, словно за единственную опору, удерживающую в реальности.

На его лбу выступили капельки пота, дышит рвано. Ему тяжело так двигаться, нельзя же такие перенапряжения...

Руслан склоняется и жадно целует губы, заставляя забыть обо всём и чувствовать только его. С его губ срывается стон, и он ускоряется. Через пару движений меня захлёстывает

оглушительный оргазм, выбивающий из реальности. Руслан вскрикивает и запрокидывает голову, делает пару толчков, и изливается. Замечаю, что его руки подрагивают от перенапряжения. Он обессиленно опускается на меня. Прикрываю глаза такое расслабление.

Обнимаю его, и тихонько глажу по спине. Как же хорошо. Даже глаза открывать не хочется.

— Такого обалденного пробуждения у меня ещё не было — говорю ему, и зарываюсь пальцами в его светлые волосы. Тихонько глажу по голове. Тихонько расслабляется, дыхание выравнивается.

— Привыкай это только начало — говорит хрипло и прижимается сильнее, обнимая. Мне так хорошо рядом с ним, люблю его до безумия.

Марина.

Возвращаюсь в реальность и понимаю, что Руслан опоздал в центр.

— Руслан — немного тормозу его — ты опоздал в центр.

— Угу, не хочу сегодня туда идти — бормочет и целует мой живот.

— Тебе же нарушение больничного поставят!

— Может пронесёт, они же частники, потом договорюсь как-нибудь. Тем более вчера я вообще не думал туда возвращаться, когда ехал в больницу — приподнимается и ложится рядом.

— Ты бы хоть позвонил бы им, предупредил.

— Позже позвоню, всё равно мне только уколы там ставят. Физио пока нельзя — говорит грустно — с него легче было.

Похоже кто-то мне многое не договаривает.

— Руслан, будь честен со мною, пожалуйста. Мне важно знать о любых проявлениях боли после операции, это же твоё здоровье.

— Да нормально всё — немного смущается.

— Руслан!

— Болеть сильнее стало после того как я переложил тебя с каталки, в ногу отдавать стало — выдыхает и ложится на спину.

— Что ты сделал? — поражаюсь этому «сказочному идиотизму».

— Ну после КТ тебя привезли я переложил тебя на кровать.

Господи.

— Зачем? Там девчонки на простыне перетягивают, ничего страшного.

— Медсестра была одна, да и мне так спокойнее было — не поднимает взгляд.

— Ты хоть понимаешь, что возможно сместил там всё себе от этого и нога болеть начала. Ты в одну секунду стёр всё чего мы добились операцией! — уже не выдерживаю.

Он испуганно смотрит на меня. Наверное, не надо было так резко, но как по-другому достучатся до него.

— Я не подумал, испугался за тебя очень. Хотел, чтобы ты быстрее очнулась и тебе было комфортно.

Я и забыла в каком состоянии он вчера был.

— Прости, просто ты о себе должен был думать. Тебе нельзя было меня поднимать. Ты столько всего вчера нарушил. Ходишь без опоры. И... А сейчас в смысле утром боль была придвижения?

Поджимает губы и кивает. Ну, что за дурачок мой.

— Руслан не надо геройствовать, ведь это спина.

— Ну я не хочу быть неспособным даже удовлетворить свою девушку! — говорит резко.

Обиделся.

— У тебя осложнения, воспаление, а ты пренебрегаешь всем! Можно было поменять положение и не так напрягать спину! Господи — пытаюсь успокоиться.

— Прости, что тебе достался я такой проблемный — он садится, немного морщась и поднимается с дивана медленно.

Проблемный?

Смотрю на его спину. Повязка промокла, но хорошо, что всё выходит.

Он медленно идёт на выход из комнаты.

Он обиделся. Господи, ну почему хочешь, чтобы было как лучше, а получается, как всегда.

Поднимаюсь с кровати и иду следом за ним.

— Руслан — зову его, когда он почти дошёл до ванны.

Он оборачивается, смотрит с обидой.

— Прости я просто переживаю за тебя и хочу, чтобы у тебя всё зажило.

— А я хочу быть нормальным человеком рядом со своей девушкой, а не пациентом или вечно больным! Я хочу быть нормальным! — кричит.

Как же он переживает из-за всего этого.

Подхожу ближе.

— Ты нормальный — тянусь и обнимаю его — ты самый лучший.

Не обнимает в ответ, наверное, ещё обижается.

— Просто прошу тебя побереги себя — целую его в щёку и немного отстраняюсь. Он не поднимает взгляд — ты мне очень дорог. И я хочу, чтобы тебе стало легче. Ты не пациент и не больной или какой-то не такой. Ты мой любимый мужчина, который сделал это утро не забываемым — он нерешительно поднимает на меня взгляд — и я хочу, чтобы ты выздоровел. Поэтому прошу тебя побереги себя.

— Тебе правда понравилось — улыбается.

— Ты только это услышал из всего? — поражаюсь.

— Конечно — притягивает к себе.

— Руслан- смотрю строже, хотел уйти от темы.

— Ладно, постараюсь, не переживай- легко целует в кончик носа.

— Хорошо — обнимаю его — не обижайся только на меня, пожалуйста. Я, наверное, вся в свою мать, опекаю до чёртиков, но это от того, что люблю и боюсь за тебя.

— А мне нравится — глухо отвечает и нежно целует шею.

— Хорошо — обнимаю его, надеюсь хоть достучалась до него немного — может на КТ съездим в больницу, посмотрим, что у тебя со спиной?

— Марин я сегодня хотел побыть с тобою. Пожалуйста давай отдохнём от больниц, мне вера хватило.

Наверное, он прав и если есть изменения, то один день ничего не изменит. Да я и сама хочу побыть с ним наедине подольше.

— Хорошо — соглашаюсь — но завтра ты не отвертишься.

— Слушаюсь, мой личный врач — притягивает к себе.

— Кстати, как врач говорю, повязку надо поменять.

Он меняется в лице.

— Промокла она, надо промыть — поясняю.

— Всё-таки воспаление, я думал всё вчера вышло — говорит расстроено.

— Это хорошо, что выходит, не переживай. Может долго это быть конечно, но я закладываю мазь, которая всё вытянет.

— Понятно — опустил взгляд.

— Ты что не веришь в меня? — подкалываю его.

— Верю и доверяю — поднял взгляд.

Доверяет... От его слов ноги подкашиваются.

— Спасибо- говорю и обнимаю его крепче.

Солнышко моё любимое, доверять начал неужели? Как же я его люблю.

Марина.

Заклеиваю Руслану повязку плёнкой и пластырем, а сверху скотчем, чтобы не намочила в душе.

— Всё готово — надеюсь тройной пластырь выдержит.

— Спасибо — отвечает тихо и поворачивается к ванной.

Поднимает ногу и морщится сильно. Больно ему.

Ну что за человек! Никогда о помощи не попросит!

— Стой, давай помогу — подхватываю его под спину- облокотись на меня и медленно поднимай ногу — объясняю ему.

Тяжело выдыхает, но слушается слава Богу. Немного опирается мне на плечи и перебирается в ванну.

Хочу расслабить его немного.

— Присядь, а лучше опустишься на колени на дно — говорю ему — держись за край ванны, я воду включу.

Смотрит на меня удивлённо, сомневается или не хочет, чтобы я его мыла?

Тянусь к душе и включаю тёплую воду.

Руслан опустился на колени и поражённо смотрит на меня.

— Так легче спине будет — поясняю и направляю воду ему на плечи.

Он блаженно улыбнулся.

Скольжу ладонью ему по плечам тихонько разминая, поглаживая, он склоняет голову и упирается лицом мне в живот. Становится так приятно от того, что он тянется ко мне, хочет прикосновений, словно кот выпрашивает ласки.

Убираю душ и мылю свою мочалку гелем для душа, взбивая пену. Начинаю скользить мочалкой по его шее, спускаюсь к плечам, растираю.

— М, так хорошо — говорит Руслан и целует меня в живот, ведёт носом по нему.

Немного склоняюсь чтобы намылить его спину и он обнимает меня, притягивая ближе к себе.

— Маришка- говорит немного хрипло.

Прохожу мочалкой по бокам, стараюсь не сильно мылить спину. Чувствую, что его мышцы расслабляются. Это хорошо им нужен покой.

Поднимаюсь, Руслан всё так же обнимает меня.

Тянусь за душем и смываю пену с его спины, скольжу руками, расслабляя его окончательно.

— М так хорошо, Марин — немного отстраняется, когда я выпрямляюсь.

Направляю воду ему на голову и он закрывает глаза блаженно улыбаясь. Убираю душ и выливаю шампунь в ладони. Наношу шампунь ему на волосы, легко массирую и взбивая пену ему на голове.

Руслан открывает глаза и так проникновенно искренне смотрит на меня.

— Закрой глаза, а то щипать будет — предупреждаю его.

— А я хочу видеть тебя — хитро улыбается мне.

Но потом всё же прикрывает глаза.

Смываю пену с его волос и тихонько массирую. Выключаю душ и промокаю его волосы

и спину полотенцем.

— Спасибо — говорит немного хрипло.

— За что? — поражаюсь.

— Такого для меня ещё никто не делал, Марин — он так счастливо улыбается.

Надеюсь ему понравилось.

— Я хотела сделать тебе приятное — признаюсь и убираю полотенце не могу выдержать такого пристального взгляда.

— Тебе удалось — хрипло говорит Руслан.

Слышу он поднимается на ноги.

— Иди сюда — он протягивает руку.

Беру его за руку, и он тянет меня в ванну. Как только забираюсь в ванну Руслан притягивает к себе и обнимает.

— Теперь твоя очередь — говорит немного хрипло и отстраняется — повернись — он тянется к гелю для душа.

Отворачиваюсь и упираюсь руками в кафель.

Что он задумал.

Ощущаю прикосновения горячих пальцев к плечам, он наносит гель для душа, массирует и разминает плечи, чуть сильнее, чем хотелось бы.

— Тише — прошу его и наслаждаюсь его близостью.

— Прости — его голос дрогнул, а давление на плечи стало меньше и приятнее — я не рассчитал — говорит глухо.

Прижимается к спине и целует в основание шеи будоража.

Обнимает мыльными руками и скользит по груди прижимаясь крепче.

Легко целует за ухом, и кусает мочку, м. Как же это будоражит.

Он опускается по животу ниже и моет меня между ног. Вздрагиваю.

— Чшш — обнимает сильнее и тянется к душе.

Обливает нас обоих водой. Смывает пену с моей спины, оглаживая и касаясь губами плеч.

Через мгновение разворачивает меня лицом к себе. Встречаюсь с шальным взглядом, напротив. Он улыбается и немного склоняется, касается губами моих и целует очень нежно.

Взвизгиваю от неожиданности, когда Руслан направляет душ мне между ног.

— Да — плотоядно улыбается — вот так — ощущаю его пальцы, скользящие по моим складочкам, подбирающиеся к самому чувствительному месту.

Что он делает.

По телу разливаются импульсы, тону в остроте ощущений, перед глазами искрит, тело отзывается на каждое его прикосновение.

Руслан прижимает к себе сильнее, удерживая в реальности, целует шею, хрипло дыша.

— Я очень тебя люблю — хрипло говорит на ухо и прижимается губами к виску.

От того как чувственно звучит его голос, срывает в оглушивающий оргазм, вскрикиваю, погружаясь в ошеломительную негу. Господи, как же хорошо.

Руслан сжимается весь, рвано дыша и прижимается сильнее. Ощущаю, как упирается в бедро разгорячённой головкой и громко стонет, а затем что-то тёплое и вязкое начинает стекать по бедру.

Открываю глаза, возвращаясь в реальность. Понимаю, что вцепилась в плечи Руслана. Он обнимает меня, хрипло дыша, опустив голову мне на плечо.

Тянусь к душе одной рукой и обливаю нас тёплой водой. Руслан вздрагивает от неожиданности и начинает улыбаться.

— Давай сюда — забирает у меня душ и обливает мои бёдра смывая свои следы.

Затем обливается сам и выключает душ.

— Да, так душ я ещё не принимала — признаюсь ему и выхожу из ванны.

Обматываюсь полотенцем.

— Я тоже — Руслан прикусывает губу и пытается сам вылезти из ванны.

— Подожди — останавливаю его попытки — облокотись на меня — беру его под локоть.

Он опирается на моё плечо и медленно вылезает из ванны.

Беру полотенце и укутываю его плечи, промокая. Он неотрывно смотрит на меня, словно я делаю что-то не обычное.

Беру маленькое полотенце и промокаю его волосы.

Руслан улыбается такой тёплой улыбкой и прикрывает глаза.

— Так хорошо — говорит тихо.

— Мне тоже, с тобой особенно — признаюсь ему и целую в щёку.

— Правда? — словно не верит.

— Очень — улыбаюсь и целую самые любимые губы — такого в моей жизни ещё не было — признаюсь ему.

— В моей тоже — говорит тихо — это так не привычно, но мне нравится — он так тепло улыбается.

Так приятно это слышать, что у ни с кем не было таких чувств, что сейчас кружат между нами.

В ванной становится душно, и я вспоминаю про его шов. Мы и так долго были в ванной.

— Идём, надо обработать шов — открываю дверь в ванну и выхожу.

— Ну вот, почему всё хорошее так быстро заканчивается? — ворчит, выходя следом.

— Не переживай сейчас быстро обработаю и пойдём завтракать — захожу в зал.

— Ладно — выдыхает и садится на диван.

— Ложись на живот — говорю ему и достаю аптечку.

Руслан поправляет полотенце и ложится на живот.

Отлепляю всё, что клеила перед душем. Слава Богу повязка не промокла от воды. Отлепляю пластырь и открываю рану. Гной сочится, но не так сильно, как вчера.

Убираю старые пропитанные марли и промываю. Руслан шипит и дёргается.

— Потерпи, немного пытаюсь успокоить. Вычищаю всё стерильной марлей и снова промываю. Руслан тихо стонет.

Замечаю, что красноты становится меньше, это хорошо. Закладываю мазь в шов, прокладываю бинт и заклеиваю пластырем.

— Всё, а ты боялся — подкалываю его легко тереблю по голове.

— Угу — глухо в подушку.

— Ладно я готовить завтрак, а ты одевайся — быстро целую его в щеку и выхожу из комнаты, прихватив халат.

Одеваюсь на кухне и снимаю полотенце. Такого утра в моей жизни никогда не было. Так приятно чувствовать себя такой нужной и необходимой очень близкому родному человеку, а особенно отдачу тепла и нежности от него. С Русланом моя жизнь перевернулась с ног на голову, но я очень рада таким переменам, словно крылья за спиной

выросли. И он сам начал меняться. Стал более открытым и удивительно, что они так быстро поладили с мамой.

Вспоминаю про завтрак и открываю холодильник. Мама вчера надавала столько еды, мне кажется мы за неделю это не съедим.

Достаю салаты из холодильника. Нарезаю хлеб, ветчину. Накрываю на стол.

Странно Руслана что-то долго нет.

Захожу в комнату и замечаю, что он уснул. Он так сладко спит, подвернув подушку под голову. Ему нужно восстанавливаться, возможно рана отнимает силы, всё-таки нарывает.

Тихонько укрываю одеялом, стараясь не разбудить.

Уже выхожу из комнаты как раздаётся звонок телефона. Мелодия не знакома и звучит со стороны кресла. Там джинсы Руслана. Наверное, в центре потеряли.

Руслан просыпается и хмурится. Беру его джинсы и подаю ему. Не удобно лазить в его карманах.

— Наверное с центра — говорю ему.

Но он достаёт телефон и становится мрачнее тучи.

— Мать — говорит глухо и отвечает на звонок.

Через секунду он меняется в лице.

И даже на расстоянии я слышу, как она громко и истошно кричит в трубку. «Ты должен мне помочь с похоронами! Должен! Ты его не спас, так дай денег! Это твой отец!» слышу обрывки шокирующих фраз.

Марина.

Руслан становится очень растерянным.

— Я, у меня сейчас нет... — не договаривает и замолкает.

Наверное, она его перебивает. Его руки начинают подрагивать. Не могу просто так наблюдать за этим. Это уже ни в какие ворота не лезет.

— Дай мне — вытягиваю трубку из его рук и подношу к уху.

— Имей совесть он вырастил и терпел тебя — распинается — помог с квартирой.

— Так, а теперь послушайте меня. Вы больше ничего не можете требовать со своего сына. Он поможет если решит сам это сделать, а требовать с него вы не имеете никакого права. Вы оставили его куда в худшем состоянии полтора года назад и ни разу не узнали, как он всё это пережил, как он встал на ноги и каково ему было справиться с этим. Вы не пожалели об этом и даже не извинились перед ним.

— Марин — хрипло говорит Руслан, желая остановить меня.

Она молчит в ответ.

— А теперь ответьте на один вопрос, если бы Руслан не ходил вы бы позвонили ему сейчас, вспомнили бы о нём?

Отвожу трубку от уха и ставлю на громкую связь, чтобы он тоже слышал её ответ.

— Зачем? С него толка бы не было никакого, забот больше, чем результата.

Я так и предполагала. Руслан опускает глаза и выдыхает тяжело.

— А, какой результат вы ждёте? — не могу удержаться от вопроса.

— Что он оплатит похороны, у нас совсем не осталось денег.

Поражает она меня.

— А у него они откуда возьмутся? Он не работает и за реабилитацию платит!

Это ему нужна помощь, а она последнее готова забрать.

— Не надо, Марин — он тянется к трубке.

— Вот пусть отложит свою реабилитацию, она может подождать, а мы нет!

— Подождать! — не могу удержаться — У вас квартира брата Руслана, продавайте её и оплачивайте свои проблемы! Не звоните больше сюда! — кричу и сбрасываю вызов.

Она совсем оборзела в край!

— Мариш — Руслан поднимается, морщась немного и подходит ближе — ну ты чего? — обеспокоенно заглядывает в глаза.

— Нормально всё — опускаю взгляд на телефон и понимаю, что сжала его очень сильно. Я так зла на неё.

— Не надо, Малыш- Руслан, забирает телефон и притягивает к себе, крепко обнимая.

Словно укутывает тёплым одеялом.

— Не переживай, пожалуйста — целует в висок — не надо.

— Мне так обидно за тебя — прижимаю его к себе, не отпущу его больше никуда от себя. Скольжу пальцами по плечам, шее, чувствую, как он расслабляется.

— Не хватало, чтобы ты из-за меня переживала. Это пустяки — говорит немного хрипло.

— Нет, это касается тебя. И ты же тоже переживаешь из-за этого.

Молчит, крепче обнимая.

— Пожалуйста, только не прерывай реабилитацию — прошу его, а то опять совесть проснётся.

— Я и не собираюсь — говорит тихо, чем очень меня удивляет. Неужели начались перемены? Как я рада его решению, Господи.

— Ты права у неё есть квартира Ника на крайний случай. И — он немного отстранился и заглянул в глаза — спасибо тебе за всё. Я очень тебя люблю.

— Руслан — тянусь к его лицу и целую немного приоткрытые губы.

Он так счастливо улыбается в ответ.

— Я рада, что ты так решил.

Он отпускает меня и немного отступает к креслу. Ему же нужно одеться, вспоминаю я.

— Я знаю, что нужно было бы ей помочь, но после её слов обо мне, вот здесь — он прижимает руку к груди — словно оборвалось что-то. Не могу я так больше. Не хорошо отвернуться сейчас от неё, но я не хочу больше общаться с ней. Если бы я знал или видел, что ей я нужен, может быть было бы по-другому, не знаю. А сейчас между нами пропасть и я не хочу её пересекать. У меня больше нет сил и желания пытаться общаться с ней.

Наконец-то хоть говорить начал о том, что на душе, родной мой.

Руслан начинает медленно одеваться.

— Не хорошо они поступили с тобой и это ещё мягко сказано. Ты ей ничем не обязан.

— Я знаю у меня сейчас и средств нет, чтобы ей отдать.

Подхожу к нему и прикасаюсь к его напряжённым плечам.

— Сейчас ты должен восстанавливаться и пожалуйста подумай о себе в первую очередь — чуть сжимаю кисти на его плечах и целую его между лопаток.

Наверное, улыбается судя по выдоху и немного расслабляется.

— Идём завтракать, я там всё приготовила уже.

— Идём — резко поворачивается ко мне и сильно морщится, зажмурившись.

— Тише — опаздываю с предупреждением и подхватываю его под руку.

Подталкиваю к дивану. Слушается слава Богу.

— Присядь, а лучше ляг, я разотру.

— Да нормально, отпустило уже — бодрится, по глазам вижу, что болит.

— Так, кто здесь врач — не могу удержаться.

Сопит и ложится на живот.

Растираю ему спину, разминая мышцы около шва. Вроде бы повязка не промокла, это хорошо.

— Всё, можешь поворачиваться — поднимаюсь над ним.

— Спасибо — глухо в подушку.

— Никаких резких движений, пожалуйста — прошу его — пока лежи я всё сюда принесу.

Придвигаю журнальный столик к дивану. Руслан удивлённо смотрит на меня.

— Это я тебе завтрак в постель приносить должен — говорит немного хрипло.

— Ну всё у нас впереди — убегаю из комнаты пока не накрутил себя ещё сильнее.

Конечно его боли беспокоят очень, надеюсь, что они из-за воспаления, а не из-за его геройства. Поднять меня додумался, дурачок мой.

Беру приготовленные блюда и отношу в зал. Руслан уже одел футболку и присел на диване.

— М салатик, я его вчера не успел попробовать — улыбается и придвигается ближе к

столу.

— Это ещё малая часть того, что вчера передала мама.

— Да у нас ещё торт — в его глазах заиграли искорки.

Сладкоежка мой, расслабился немного, улыбаться начал. Отпустило.

Как же ненавижу его мать за такое отношение. Неужели она не понимает, что он всё чувствует и ему больно от такого потребительского отношения. У неё не было проблем, и Руслан ей не был нужен всё это время. Как только появились проблемы она вспомнила о нём, сначала эта операция, потом обвинения её. До сих пор не могу понять, как можно на весы ставить жизнь сына и мужа. Ведь это твоя кровь и плоть, частичка тебя, тем более единственная теперь. И вместо помощи опять претензии.

Пытаюсь выдохнуть, надо успокоиться, а то опять нервничать начинаю. Забираю оставшиеся блюда и возвращаюсь в зал.

Замечаю, что Руслан уже положил нам в тарелки салат и сделал бутерброды с колбасой.

— Я немного похозяйничал — улыбается немного смущённо.

— Спасибо, очень приятно — присаживаюсь на диван и целую его в щёку.

Он улыбнулся и опустил взгляд.

— Приятного аппетита — скромно говорит и тянется за вилкой.

Я так давно не завтракала вдвоем с кем-то. Сегодняшнее утро определённо особенное и незабываемое.

Руслан.

Маринка рассказывает про свое детство, пока мы завтракаем. А я уплываю в своё. И самое яркое это конечно прогулки с дедом в конюшню. Я так люблю этих животных. Они грациозные и красивые, и у них добрые глаза. А ещё лепили снеговика. У деда всегда такая добрая улыбка была. Аж глаза защипало от воспоминаний и в груди что-то сжалось.

— Мама тогда меня так отругала, конечно чумазая такая вернулась домой, но мне понравилось — Маринка улыбается счастливо уплывая в воспоминания.

Спасибо что ты есть у меня. Она старается отвлечь меня от мыслей о матери, я это понимаю. Но нет-нет, да возвращаюсь к нашему утрешнему разговору. До сих пор не могу поверить в то, что услышал. Одно дело, когда додумываешь, догадываешься, а совсем другое, когда слышишь от некогда родного человека, то, что я для неё был лишь средством для достижения желаемого и ей плевать было бы если бы я не встал на ноги. Никакого толка и результата от меня бы не было. Она просто вычеркнула меня из своей жизни и всё.

Обидно и больно от этого стало очень. Если я чужой для неё, то и смысл помогать?

В глубине души я понимаю, что должен помочь и поступить по совести, но после услышанного не могу. словно блок какой-то встал между ней и мной и не могу я больше вывозить всё это.

А может это всё от того, что в моей жизни появилась Маришка и позволила почувствовать себя нужным и любимым. У меня появилась моя семья, моя Маришка. С ней всё совсем по-другому, так тепло, уютно, хорошо, что хочется всё время прикасаться и чувствовать её рядом, а может просто проверять, что это не сон, а реальность в которой мне наконец-то улыбнулось солнце и появилось моё счастье. Моя новая реальность одна на двоих и оттого, наверное, особо ценная для меня.

Смотрю на свою девочку, она мне улыбается, отчего в душе рождается такое тёплое и трепетное чувство, отгоняя все неприятные мысли и воспоминания, словно они были в прошлой жизни. Не могу удержаться и беру её пальчики в свои, хочу прикасаться к ней всё время.

— Что бы ты хотел сегодня поделать? — заглядывает в глаза.

— Всё что угодно, но тебе с сотрясением надо отлежаться — смотрю в её прекрасные глазки.

— Я себя хорошо чувствую — бодриться, но ей тоже нужен отдых после всего, что вчера произошло с ней, со мной.

— Угу — тихонько провожу пальцами около пластыря на виске. Она немного морщится.

— Болит? — хочу знать.

Если бы не я она не упала бы и не ударилась виском.

— Немного, всё хорошо, правда. Не переживай — старается убедить, но я всё вижу.

— Не могу — тянусь немного и целую нежную кожу рядом с пластырем.

— Что ты делаешь? — смущённо улыбается.

— Заживляю, разве ты не знаешь, что мои губы волшебные? — целую её в висок.

— Твои губы восхитительные и я их очень люблю.

Восхитительные? Мне ещё никто не говорил об этом... Это ты восхитительная.

необыкновенная, такая родная и близкая моя девочка...

— Я твои люблю больше — сгребая её к себе ближе целую самые нежные и ласковые губки, которые люблю больше всего на свете.

Марина.

После разговора с матерью Руслан сам не свой. Немного задумчивый и грустный. Как бы я не пыталась его отвлечь, он пытается натянуть улыбку, а глаза остаются грустными. Его тяготит то, что он не может помочь ей или совесть в очередной раз выиграла. Какой же он всё же совестливый человек и не может просто отвернуться от всего этого. Чувство вины огромное и давящее, к тому же стимулируемое матерью. Господи, когда же он уже заживёт полной жизнью, без всего этого. Огромный багаж боли за всё это время не так-то просто выбросить, особенно ему. Родной мой человечек, надеюсь я хоть как-то смогу тебе помочь.

Руслан лежит на диване и просматривает новости в телефоне. Заставила его лежать. Нужен отдых и восстановление после его приключений.

У меня есть некоторые сбережения и я могла бы помочь его матери. Но мне так не хочется тратить их на человека, который так относился к Руслану всё это время, из-за которого я чуть не потеряла его вчера.

Руслан не просит меня о помощи, но возможно ему станет легче, если он поможет матери с похоронами и не будет так сильно винить себя из-за всего.

Наверное, стоит поговорить с ним.

— Руслан — присаживаюсь рядом с ним на диван.

— М — он берёт меня за руку.

— Ты такой задумчивый сегодня.

— Ну да — опускает взгляд.

— Думаешь о её просьбе? — решаюсь спросить.

— Ты успела меня так хорошо узнать — грустно улыбается.

— Я предположила.

— М. Да, но мне нечего ей предложить.

— Послушай — не даю ему договорить — у меня есть не большая сумма и...

— Нет Марин — он резко поднимается и морщится.

— Тише — останавливаю его.

— Да, нормально, не переживай — рвано выдыхает.

— Почему, нет. Поможем ей вместе.

— Нет я так не могу. Ещё не хватало мне у тебя денег брать! Марин нет. Я так не могу.

Говорю же совестливый до мозга костей.

— Не хочешь брать так возьми займы, потом отдашь как сможешь?

— Марин — говорит хрипло и прикрывает лицо руками.

— И ты не будешь себя чувствовать обязанным матери — пытаюсь его убедить.

— Ну ты же копила на что-то.

— Хотела выучиться на права и купить машину, да времени всё не было.

— Ну вот. Нет — мотает головой.

— Руслан, это давняя мечта и может подождать. А твой отец не может и в этом я соглашусь с твоей матерью. Хотя сумма не большая, но что-то она сможет оплатить. Я не думаю, что она будет заказывать дорогие похороны.

— Я не знаю, но судя по тому как он жил последнее время, у него мало осталось тех, кто бы пришёл проститься.

— Тем более.

— Марин, я отдам всё, как только выйду на работу после реабилитации.

— Отдашь как сможешь — успокаиваю его.

— Спасибо — он притягивает к себе ближе и обнимает.

— Да не за что, ты что? — поражаюсь ему.

Он мотает головой.

— Спасибо, что ты есть у меня — говорит хрипло и прижимается губами к виску.

Так приятно слышать это от него.

— А ты у меня — только и могу ответить ему, обнимая крепче.

Раздается сигнал его телефона, оповещающая о сообщении. Он отстраняется и берёт телефон, немного хмурится.

— Что там? — не могу удержаться от любопытства.

— Да банк не одобрил кредит, хотел взять немного денег, чтобы...

Он хотел взять кредит, чтобы дать денег матери, а у меня даже не попросил... Становится обидно. Он до сих пор мне не доверяет до конца?

— Ну и хорошо, не надо — поднимаюсь с дивана и иду к телефону, чтобы перевести ему деньги.

— Марин, ты обиделась? — слышу, что он поднимается следом.

Хочется сказать нет, но мне неприятно, что он так со мною.

— Почему ты не поговорил со мною? — не могу сдержаться.

— Потому, что я хотел сам всё решить. Это мои проблемы! — поджимает губы.

— Но мы же вместе! Или каждый по отдельности существуем?! — решаюсь удостовериться.

— Вместе — смотрит так пронзительно и делает несколько шагов ко мне.

Он сомневается?

— Я не хотел, чтобы ты решала мои проблемы! — злобно сопит и сжимает кулаки.

Психует.

— Хорошо, вот только как ты представляешь наше вместе? — хочу узнать больше всего.

— Ты варишься в своих проблемах, а я в своих? Ты решаешь свои, а я просто рядом и ничего не знаю, ни во что не вникаю и помалкиваю? Да! Это по-твоему вместе, Руслан! — не могу сдержаться и кричу уже. — Вместе, это когда делимся друг с другом проблемами и совместно решаем их, и никто не варится в своём котле, понимаешь? По-моему — это семья. Но если для тебя это как-то по-другому — не могу сдержаться, эмоции захлёстывают, и просто отворачиваюсь, не хочу, чтобы видел мои слёзы и как мне обидно сейчас.

— Прости меня — он говорит очень хрипло, но я не хочу поворачиваться к нему.

Ощущаю прикосновение его рук к плечам и вздрагиваю от неожиданности. Он прижимается сзади, обнимает крест накрест.

— Прости, я и забыл, что такое семья — говорит хрипло на ухо. — А может и не знал вовсе. Прости, я не знаю, как строить отношения и как жить с кем-то. Я не удобный для этого человек. Последнее время мне не на кого было надеяться, кроме себя и поэтому я всё привык решать сам. Мне очень сложно привыкнуть жить по-другому. Но я научусь, обещаю. Только будь рядом со мною, пожалуйста — прижимается губами к плечу — я очень тебя люблю. Я не хочу ссориться — его голос срывается.

Меня затапливает нежностью к нему. Ведь он прав. Я, как всегда забываю, что для него это всё сложно и проблемы с доверием. Родной мой, когда же ты отпустишь прошлое и

начнёшь жить по-настоящему.

Разворачиваюсь и обнимаю его крепко-крепко.

— Не закрывайся, разговаривай, пожалуйста. Я тоже не хочу ссориться — говорю ему.

— Я очень постараюсь, прости — он крепче обнимает меня.

— Пообещай мне никаких секретов — немного отстраняюсь и заглядываю в глаза.

— Ну как так. А как же сюрпризы по праздникам? — хитро улыбается.

Всё хочет свести в шутку.

— Руслан — останавливаю его.

— Хорошо я понял. Я постараюсь очень, правда — улыбнулся и поцеловал в нос.

Не возможно долго сердится на него. Против его очаровательной улыбки устоять не возможно.

— Я рада — отпускаю его — давай я переведу тебе деньги.

Тянусь к телефону.

Он называет мне номер карты, и я перевожу ему всю сумму. Я не жалею, скоплю ещё, а Руслану они сейчас возможно помогут хоть как-то.

Руслан договаривается с матерью о встрече у неё дома. Разговор был довольно короткий, заметно, только, как подрагивали его пальцы при нём.

— Она пригласила к себе — говорит глухо и опускает взгляд.

— Хорошо — конечно не знаешь чего ожидать от этого визита.

— Марин ты поедешь со мною? — смотрит так умоляюще, что не возможно не согласится.

Ведь именно сейчас ему сейчас нужна поддержка и он должен ощутить, что значит семья в моём понимании.

— Конечно — соглашаюсь и обнимаю его, чтобы успокоился и почувствовал меня рядом.

— Спасибо — слышу глухое в ответ, но такое греющее душу.

Марина.

До квартиры матери Руслана добираемся довольно быстро. Она живёт в центре города, спальный район.

Руслан очень напряжён, он переживает очень. Подхватываю его под руку, когда он начинает подниматься по лестнице.

— Всё будет хорошо — пытаюсь убедить его и себя. Я не знаю какой будет реакция его матери на наше появление вдвоем.

Но каким бы оно не было я должна всё выдержать и поддержать Руслана. Ведь ему здесь труднее всего.

— Ничего здесь не поменялось — грустно улыбается оглядываясь вокруг.

Сколько времени он здесь не был?

Мы подходим к одной из входных дверей, и Руслан нажимает на звонок, тяжело выдыхая.

Сжимаю поддерживающе его ладонь.

Раздается звук открывающегося замка, и Руслан вздрагивает. Его мать открывает дверь.

Она одета в чёрное платье, на её голове повязан тёмный платок. Она выглядит очень уставшей и эмоционально вымотанной.

— Мам, как ты? — говорит хрипло Руслан.

Похоже он также поражён, как и я.

Её губы подрагивают, она всматривается в лицо Руслана. Но потом резко отворачивается.

— Явился — выдаёт очень грубо, словно очень злится на него.

За что?

Меня для неё не существует, наверное.

— Да, мы с Мариной- начинает Руслан.

— Ей здесь нечего делать — указывает на меня.

Другого отношения я и не ожидала.

— Мам, давай поговорим. Ты нас непустишь?

— Деньги принёс? — говорит резко.

— Да, я же обещал — Руслан полез в карман куртки.

Наверное, надо вмешаться.

— Вы даже не впустите его в дом? Он же ваш сын.

— А ты кто такая мне указывать что делать?

— Для вас я никто, согласна. Но он сейчас для вас единственный родной человек, который пришёл помочь. Зачем вы ему грубите? Ведь он не виноват в случившемся. Ни в одной ситуации. Ни с вашим сыном, ни с мужем. За помощью вы к нему обратились, и он не отказал. Зачем сейчас вот так грубить ему. Ведь он ваш сын. Я не претендую ни на что, я сторонний для вас человек, но не он. Поговорите с ним, пожалуйста- прошу её, понимаю, как это нужно Руслану.

Молчит, поджимает губы, обдумывая.

— Да делайте, что хотите — она отходит от двери.

Хочу пропустить Руслана вперёд, вдруг она дверь перед моим носом захлопнет. Но

Руслан подталкивает меня, чтобы заходила вперед.

Ладно переступаю порог и не знаю, чего ожидать дальше.

Квартира очень просторная, хорошо обставленная. Смотрю на Руслана. Он осматривается, впитывая увиденное с особой жадностью во взгляде. Он скучал по дому.

Он достаёт деньги из кармана.

— Вот мам, всё что мы с Мариной смогли.

Она осматривает меня с головы до ног, затем брезгливо берёт деньги.

— Если бы не необходимость ни за что бы не взяла деньги от неё — морщится словно кусок лимона съела.

Пересчитывает деньги, слюнявя палец почти на каждой купюре, с таким видом, словно это мы ей должны.

— Здесь очень мало! Не хватит и половины на всё! — заявляет безапелляционно.

Мало! Вот это запросы! Чувствую, как рука Руслана вздрагивает в моей.

— Мам зачем такие траты, давай по скромнее, если хочешь можем вместе выбрать — начинает Руслан.

— Скромнее! Да Гриша достоин самого лучшего! — взрывается она.

— Достойн не спорю, но, если нет возможности, значит нужно сделать всё скромнее.

Много народа будет?

— Не очень он со всеми поссорился за последние полгода.

— Тем более, можно постараться уложиться в эту сумму. Больше нет правда! — оправдывается перед ней.

— Ладно постараюсь уложиться, раз сынок не может больше раскошелиться на своего отца.

Опять упрёки.

Руслан опускает взгляд.

— Мам можно в комнату мы пройдем? Хотел...

— В какую ещё?

— Нашу в Ником — его голос просаживается.

— Нет её больше, там всё переделано. Но если хочешь проходи. Я договариваться пошла по ритуальным услугам.

Она отворачивается и идёт на кухню. Руслан стоит в растерянности.

— Идем — тянет меня за руку к самой дальней комнате.

Иду за ним следом. Руслан заходит в большую и светлую комнату. В ней нет мебели только стеллажи вдоль стен. Выглядит честно говоря жутковато, словно это музей или выставка. Безжизненная комната.

Руслан проходит и подходит к одному из стеллажей. Берёт фотографию. Я радуюсь от того какой он на ней счастливый и беззаботный. Но глаза словно не живые. От того как касается Руслан пальцами лица на фотографии прихожу в ужас. Это Никита. Никита на фотографиях везде! Не Руслан! Господи, это музей, посвящённый Никите!

— Это Ник — тихо говорит Руслан — мы после школы сбежали за гаражи к речке и ловили лягушек. Друг Ника сфоткал нас вместе.

— Но на фотографии только Никита — поражаюсь.

— Меня стёрли — говорит грустно и ставит фотографию на место.

Осматривается.

— Меня стёрли, как и из жизни, Марин — он поражённо смотрит на комнату — раньше

здесь было два дивана и два стола напротив друг друга, их разделали пара шкафов, так у нас были импровизированные свои комнаты.

Ему так тяжело даётся осознание этого и находиться здесь. Он с такой болью смотрит на стеллажи.

— Может пойдём? — хочу увести его отсюда.

— Подожди, у меня от него ничего не осталось — говорит хрипло и подходит к стеллажу, в котором выложены документы о курсах, аттестаты и какие-то камни.

— Он собирал камни? — поражаюсь какие некоторые необычные.

— Да он всегда как-то находил интересные. Вот этот мы нашли на берегу речки.

Он цветной и очень красивый.

— Хочешь взять его?

Он кивает и прячет его в карман.

— И ещё вот эту — он берёт одну из фотографий, где Никита на велосипеде, ему лет пятнадцать — я научил его ездить на велосипеде тогда.

— Думаешь мама не заметит пропажу?

— Тогда идём скорее — он хитро улыбнулся и взял меня за руку.

Мы вышли в коридор. Было слышно, как мать разговаривает по телефону. Заметив нас, она заканчивает разговор.

— Нам пора — говорит Руслан — если что-то будет нужно...

— Да ничего всё уже есть — грубо прерывает его.

— Во сколько и когда всё будет?

— А ты хочешь прийти? — она вскидывает бровь от удивления.

— Конечно — глухо отвечает ей Руслан.

— Завтра в два, адрес скину тебе — отвечает и поджимает губы.

— Хорошо — Руслан открывает дверь, пропуская меня вперёд.

Хоть бы спасибо сыну сказала!

— Мам, ты держись — его голос садится.

Он так переживает за неё. Ну, когда же она уже начнёт общаться с ним нормально.

Он ещё не вышел.

Оборачиваюсь и смотрю на неё.

— Иди уже, не могу видеть тебя — говорит довольно грубо.

Руслан моментально сникает и перешагивает порог.

— Никиту напоминаешь — говорит она уже тише.

— Прости меня — говорит Руслан очень хрипло.

Ему и самому очень тяжело даётся всё это.

Не могу здесь смолчать.

— Вы не Никиту должны видеть, а Руслана! Он живой и ваш родной сын, неужели нужно просрать полжизни, чтобы понять это! Ведь теперь только вы есть друг у друга. Ведь вы же мать! Это ваша плоть и кровь. Да как так можно! Делить детей! Мужа выше ребёнка ставить.

— Тебе не понять!

— И слава Богу. Я и не собираюсь! Я никогда не совершу Вашей ошибки! Но у Вас ещё есть время хоть что-то изменить.

— Не тебе меня учить.

— Не мне — соглашаюсь.

— Идём — Руслан берёт меня за руку и тянет к ступенькам.

Мы спускаемся в тишине. Только когда оказываемся на улице, могу нормально вздохнуть.

— Прости за её слова. Она не должна была так с тобою разговаривать. Но она такая, тем более сейчас она очень нервная, а я как обычно раздражал её своим лицом — он обнимает сзади и прижимается губами к шее.

— Как ты можешь это всё вынести? — поражаюсь ему.

— Потому, что в моей жизни появилась ты- обнимает крепче.

— Я так тебя люблю — поворачиваюсь к нему и обнимаю крепко-крепко.

В его тёплых объятьях забываю обо всех неприятностях сегодняшнего дня.

— Поехали домой? Я только к себе заеду, переоденусь.

Домой? Приятно, что моя квартира стала домом для него.

— Поехали — отвечаю не раздумывая.

Руслан.

Побывать дома у матери мне очень хотелось. Попытаться ощутить ту атмосферу, что царила раньше, когда был жив Ник. Но ничего не получилось. Нет больше той квартиры, нет больше той семьи. Всё разрушилось до основания. Не представляю, как теперь мать одна будет там жить.

И я совсем не ожидал увидеть вместо нашей комнаты музей Никиты. Возникло странное давящее чувство, которого я раньше находясь там не испытывал. Хотелось убежать.

Но я очень рад, что удалось забрать ту фотографию, на которой он ещё совсем мальчишка, не умеющий кататься на велике. Он ободрал тогда все коленки, три раза упал, на четвёртый поехал, он такой счастливый тогда был... А, я гордый, что сумел научить его кататься.

Как же мне не хватает, моего солнечного Ника.

Чувствую тёплые пальчики Маринки в своей ладони. Легко сжимает и кладёт голову мне на плечо. Мы едим домой, то есть к ней домой на такси. Она настояла, хотел пешком прогуляться, правда спина начала болеть.

Обнимаю её, прижимая к себе. Как хорошо, что она есть у меня. Сегодня с матерью так разговаривала, что аж сердце заходило от её слов. У меня язык бы не повернулся сказать матери всё это. Но Маришка, моя умница. Хотя мне так стыдно, что мать ни во что её не ставит. Ведь это Марина помогла ей, а она повела себя с ней очень некрасиво. Обидно за мою Маришку стало, но с матерью я бесправен. Я никто для неё, я уже догадался об этом. Жаль только, что она может с ума сойти в такой обстановке дома. Из второй комнаты музей отца сделает? Ужас конечно. Я понимаю, что для них потеря Ника была очень болезненна, но не до такой же степени... Не понимаю я этого. Перед Маришкой стыдно за мать.

— Приехали — голос таксиста возвращает в реальность.

Маринка отстраняется. Выбираюсь из такси резче, чем хотелось бы и спину простреливает, до пятен перед глазами. Зажмуриваюсь.

— Руслан — обеспокоенный голосок Маринки рядом. Подхватывает за руку — так всё поехали на КТ.

Что?

Она разворачивается к таксисту и просит отвезти нас в больницу.

— Не надо, зачем? — пытаюсь её отговорить.

— Руслан, пожалуйста — смотрит умоляюще — меня беспокоят твои боли — встревоженно вглядывается в глаза.

Да меня тоже они беспокоят. Раньше легче было.

— Хорошо — соглашаюсь.

Маринка помогает тихонько есть в такси, и мы едим в больницу.

Так сегодня хотел отдохнуть от этого.

В больнице Маринка суетится, на КТ очередь. Она переживает, просит принять без записи.

Хочу отговорить её, но она мотает головой, чтобы молчал. Затем в кабинет заходит Артём и удивлённо смотрит на Марину. Просит потом зайти к нему. Надеюсь у неё на

работе неприятностей не будет из-за меня.

Через пять минут меня ведут на КТ.

Спустя пятнадцать минут, наконец-то выбираюсь из этого жуткого аппарата.

Выхожу из кабинета. Маринка подходит ближе.

— Ну как ты? — немного растерянно.

— Хорошо, что там по результатам? — аж самому интересно.

— Пока не готово.

— А ты чего расстроенная? Проблемы у тебя из-за меня?

— Нет всё нормально. За тебя переживала.

— Марина Алексеевна — её окрикивает медсестра, что готовила меня к операции — вот результаты — она подаёт бумаги Марине.

— Спасибо — Маринка забирает бумаги и пробегает взглядом по строкам, становясь всё серьезнее и серьезнее.

— Что-то не так? — не могу уже, ответь хоть что-нибудь.

Руслан.

Смотрю на Маринку и жду её ответа, но она внимательно читает расшифровки. Я понимаю, что отвлекаю её, но становится очень страшно.

Наконец-то она поднимает на меня обеспокоенный взгляд. Неужели там всё так плохо?

— Тебе эти снимки надо показать в центре, чтобы поменяли лечение — её голос немного дрожит.

Что? Значит, всё-таки есть изменения?

— Марин, что там? — скажи мне, пожалуйста, правду.

— Есть смещение, как я предполагала — опускает взгляд.

Неужели всё по новой, Господи!

— Да, что ж такое-то! — не могу сдержаться.

Нужна вторая операция! Мне б от первой оклематься!

— Не переживай — она тихонько касется моего плеча и заглядывает в глаза — оно не очень большое и есть шанс попробовать убрать его массажем и ЛФК.

— Думаешь, поможет? — сомневаюсь я. Перед первой то чего только не пробовал, а сейчас...

— Должно, но нужно снять воспаление, сначала — сжимает мою ладонь — не бойся можно всё восстановить, но нужен массаж и покой. Поэтому завтра покажи снимки Петру Семёновичу, чтобы поменял схему лечения твоего. А я чем смогу помогу, с массажем. Мы справимся.

Возможно, ты права. Перед её взглядом невозможно устоять и хочется поверить.

— Поэтому, быстро, едим домой и даём спине отдыхать! — она улыбнулась и поцеловала в щёку.

Спасибо тебе за всё, моё солнышко.

— Хорошо — соглашаюсь с ней.

Маринка вызывает такси.

— Машина скоро будет, идём потихоньку — она подхватывает меня под руку — опирайся на меня.

— Нормально всё не переживай — стараюсь идти ровнее.

Когда мы выходим, машина уже нас ожидает. Маринка помогает мне сесть в машину, при этом ощущаю себя каким-то ущербным. Неужели всё, что я прошёл, оказалось бесполезным и боли не пройдут...

Маринка уверена, конечно, что это можно исправить, но мне очень страшно и не хочется быть рядом с ней такой развалиной.

Маринка садится рядом и берёт меня за руку.

— Не переживай — обнимает и прижимается носом к моей щеке.

Так приятно от её поддержки.

— Угу — только и могу ответить и притянуть ближе к себе.

Как ты хорошо меня знаешь, моя родная.

Марина.

Мы с Русланом приезжаем домой. Руслан очень напряжён, и я вижу, как он переживает из-за изменений в спине. Я очень надеюсь, что мы справимся консервативными методами. Повторять операцию не хочется.

Руслан проходит в комнату и присаживается на диван. Он очень напряжён.

— Переоденься, я пока посмотрю, что на ужин можно приготовить — говорю ему.

Он кивает и тянется к пакету с вещами. Я так рада, что сейчас он не один в таком состоянии.

Выхожу из комнаты, пытаюсь собрать мысли в кучу. Я и сама расстроилась от таких результатов КТ, но очень надеюсь, что ещё не поздно всё поправить.

Мою руки и ополаскиваю лицо прохладной водой, пытаюсь привести себя в порядок. Надо посмотреть сегодня несколько техник массажа, которые могут помочь в данном случае.

Инспектирую холодильник. Как хорошо, что мама вчера нам передала столько еды с собою.

Разогреваю горячее и накрываю на стол. Руслан что-то не торопится выходить.

Возвращаюсь в комнату и замечаю, что он прилёг и задремал. Да сегодняшний день его морально вымотал, но завтра ещё предстоит сложный день.

Беру плед и укрываю Руслана, стараясь не разбудить. Он что-то бурчит, но не просыпается.

Неожиданно звенит его телефон, оповещая о сообщении. Руслан вздрагивает и открывает глаза.

— Я опять уснул — говори растерянно.

— Тебе нужно больше отдыхать — присаживаюсь на диван и беру его за руку.

— Наверное — опускает взгляд и поджимает губы.

— Я там накрыла на стол, проголодался? — хочу отвлечь его немного.

— Да, идём — он откидывает плед и собирается подниматься.

— Не резко — останавливаю его попытки и прикасаюсь к плечам — тихонько.

Он выдыхает спокойнее и начинает подниматься медленно без резких движений.

— Легче? — хочу убедиться, что без боли.

— Да намного. Спасибо — поджимает губы и смущённо опускает взгляд.

— Хорошо — отпускаю его и хочу подняться.

— Ты, правда, думаешь, что всё получится? — полный надежды взгляд заставляет остановиться.

Он сомневается очень.

— Я сделаю, всё возможное, чтобы получилось — обещаю ему.

Пусть даже Пётр Семёнович ему ничего не назначит, у нас с ним разные взгляды на лечение Руслана. Я всё сделаю, чтобы не допустить вторую операцию, и он смог нормально ходить.

— Я знаю, просто не уверен и немного страшно откатиться назад — он сжимает плед в руке.

— Не бойся, мы этого не допустим, слышишь — беру его ладони в свои.

В его взгляде тревога и очень сильная.

— А если всё не получится, я бы не хотел тебя обременять. Ты достойна лучшего...

Что? Он с ума сошёл? Обременять?

— Молчи, прошу тебя — не даю ему договорить — что бы с тобою не было я не отпущу тебя, я буду рядом. И даже не смей думать об этом, пожалуйста. Я без тебя не смогу.

Он пристально смотрит на меня. Не могу выдержать его взгляд. Тянусь к нему и обнимаю его. Он рвано выдыхает и обнимает крепче.

— Я люблю тебя очень — говорю ему на ухо, — каким бы ты не был, мне всё равно, я буду рядом, ты очень дорог мне — не могу сдержать слёз и целую его в щёку.

Я так сильно люблю этого дурочка. Это надо было додуматься до такого!

— Прости меня — бормочет — прости — нежно целует скулу и прижимается губами к виску.

— Не думай так о себе, прошу — говорю ему.

— Я боюсь тебя разочаровать или не справится.

— Дурачок — не могу сдержаться — ничто никогда не изменит моего отношения к тебе, я очень тебя люблю.

— Спасибо, родная — он крепко обнимает меня.

Так приятно это слышать от него.

— Мы справимся со всем — говорю ему на ухо и целую в чуть колючую щеку.

Тихонько глажу его по спине, он немного успокаивается, расслабляется.

— Спасибо тебе — говорит тихо и отстраняется.

— Пообещай мне больше так не думать, иначе я обижусь на тебя очень сильно — ставлю ультиматум ему, иначе никак.

Он удивлённо смотрит на меня.

— Хорошо, обещаю. Прости, ещё раз — опускает взгляд.

— Мы вместе, чтобы не случилось — говорю ему и беру за руку.

— Вместе — говорит и скромно улыбается.

— Хорошо — говорю ему и поднимаюсь с дивана — идём ужинать.

— Идём — отвечает и начинает подниматься.

Придерживаю его за руку, когда он встаёт с дивана.

— Обопрись на меня — накидываю его руку на плечи.

— Я хотел посмотреть телефон, там что-то пришло, подашь его — он указывает на стол.

— Да конечно — отпускаю его и иду к столу.

Подаю телефон Руслану. Он смотрит сообщения и немного хмурится.

— Что там? — не могу сдержать любопытства.

— Мать адрес скинула, куда подъехать завтра.

Да завтра будет сложный для Руслана день.

— Хорошо, во сколько завтра поедем? Тебе ещё в центр надо снимки показать.

— Да. В два часа. Надеюсь, всё успею завтра. Ты на работу завтра выйдешь?

— Нет, Артём послезавтра меня ждёт.

— Хорошо, я из центра завтра к себе приеду, переоденусь, а там решим с тобою, где встретимся. Ты же пойдёшь со мною? Или, если не хочешь, я не настаиваю — немного теряется.

Не люблю я такие мероприятия, но ради Руслана потерплю. Ему куда сложнее, завтра будет.

— Конечно, пойду — соглашаюсь.

— Хорошо, спасибо — опускает взгляд.

Надо его отвлечь от грустных мыслей.

— Идём, а то там всё остыло, наверное.

— Ага — соглашается.

Он опирается мне на плечи и мы медленно идём до кухни.

— Сильно болит? — спрашиваю, когда он немного морщится.

— Не очень, когда медленно двигаешься почти нормально, если резче немного больно.

Но сегодня немного лучше, чем вчера было.

— Вчера ты больше ходил. Надо больше отдыхать.

— Наверное — Руслан присаживается за стол.

— Приятного аппетита — присаживаюсь напротив него.

До сих пор поражаюсь его сегодняшним мыслям. Обрекать он не хочет, ну что за дурачок такой.

После ужина делаю перевязку Руслану. Повязка почти не промокла, это хорошо, стало меньше выходить отделяемого, мазь помогает. После перевязки делаю ему расслабляющий массаж, после которого Руслан очень быстро уснул. А мне не спалось. Полночи изучала техники массажа для улучшения его состояния. Я надеюсь, что всё у нас получится.

Марина.

С утра будит звонок будильника. Сказывается бессонная ночь, глаза открывать совсем не хочется.

Руслан целует меня в щёку и открываю глаза. Он улыбается, уже одет?

— Я пошёл соня, позвоню тебе как освобожусь — касается щеки нежно проводит большим пальцем, улыбается.

— Ты позавтракал?

— Нет в центре поем — распрямляется немного морщась.

— Как ты себя чувствуешь? — опоминаюсь.

— Нормально не переживай.

— Ты снимки взял? — вспоминаю.

— Да не переживай.

— Хорошо — закрываю глаза, так хочется спать.

— Я буду скучать — говорит тихо.

Так приятно это слышать.

— Я тоже — отвечаю и провожаю его взглядом.

Он улыбнулся и вышел из комнаты. А я снова провалилась в сон.

Открываю глаза и чувствую себя наконец-то отдохнувшей. Смотрю на часы двенадцать дня. Вот это я поспать...

Проверяю телефон Руслан ещё не звонил. Выбираюсь из постели и начинаю приводить себя в порядок.

Готовлю завтрак. Надо бы у Руслана узнать, как там Пётр Семёнович отреагировал на его снимки.

Пишу ему сообщение.

Он отвечает, что тот не воспринял их в серьёз и не стал менять тактику, из-за воспаления не понятно, что там и как дальше будет.

Ну как не понятно, ведь видно, что есть смещение! Как иногда бесит бессилие. Если бы наша больница занималась реабилитацией давно бы устроила его туда. Ладно тактики массажа я изучила сегодня попробую начать новый метод.

Руслан пишет адрес, по которому ждёт меня в половину второго.

Надеюсь сегодня его мать не будет ему нервы мотать и обвинять во всём.

Ближе к часу собираюсь и по пути к Руслану заезжаю за цветами, возможно Руслан не подумает об этом.

На место встречи приезжаю раньше Руслана. Мы договорились встретиться у кафе, а там прогуляться пешком.

Проходит уже двадцать минут, а его всё нет. Уже начинаю переживать. Замечаю в конце улицы силуэт Руслана. Он что пошёл пешком? Он идёт и сильно морщится. Наверное, опять всё болит.

Тороплюсь ему на встречу.

— Привет! — подбегаю к нему и беру под руку.

— Привет, давно ждёшь?

— Не очень. Ты зачем пешком пошёл.

— Не было машин, пришлось на автобусе добираться — немного смущается.

— Спина болит? — вижу, что ему тяжело идти.

— Физио сегодня очень болезненное было. До сих пор не могу.

— Физио? С твоим воспалением? — я в шоке!

— Назначили.

— Нельзя же.

— Я, наверное, завтра откажусь от него — он останавливается и пытается отдышаться.

Замечаю скамейку неподалёку.

— Идём — тяну его к скамейке.

Он опускается тяжело. красный весь, с виска стекает капелька пота.

Касаюсь его лба, он горячий.

— У тебя температура?

— Нет просто жарко.

— На улице не май месяц, Руслан.

— Не знаю — он расстёгивает куртку, отдыхаясь.

Замечаю аптеку недалеко.

— Так сиди здесь я сейчас — разворачиваюсь.

— Мы опоздаем!

— Постараемся побыстрее. Ты отдыхаешь сейчас спокойно, понял! — сбегая в аптеку.

В аптеке покупаю воду, жаропонижающее и антигистаминное, на всякий случай. Мазь с охлаждающим эффектом. Это же какими идиотами надо быть назначить физио при воспалении. Слово отыгрываются на Руслане из-за меня.

Возвращаюсь к Руслану.

Он стал выглядеть немного лучше.

— Попей немного — отдаю ему бутылочку воды и присаживаюсь рядом.

— Мы опаздываем — говорит он и делает несколько жадных глотков.

Проверяю нова температуру, вроде не такой горячий.

— Подожди — достаю мазь.

— Ты что хочешь? — непонимающе глядит на меня.

— Она охлаждает и расслабляет, надо нанести как-то тебе на спину — объясняю и оглядываюсь.

Кафе попадает на глаза.

— Идём — тяну его за руку.

— Марин ты с ум сошла? — он поражается, но всё же поднимается, немного морщась и идёт за мною.

Заходим в кафе. Слава Богу уборные у них на входе. Заскакиваем с Русланом в одну.

— Сними куртку — говорю ему.

Он стягивает куртку и берёт её в руки.

Поднимаю его чёрную рубашку. Повязку не меняли, вот же!

— Сейчас будет холодать, потерпи маленько — выдавливаю мазь на пальцы и наношу вокруг повязки. Кожа и правда покрасневшая вокруг, воспалённая. Повязка сухая слава Богу.

— Ментол — говорит хрипло Руслан.

— Пахнет не сильно не переживай — спешу его успокоить.

— Да нет, бабушка мазала меня чем-то похожим в детстве.

— М, понятно — закрываю мазь и мою руки — подожди немного подсохнет я заправлю

всё.

Замечаю, что он закрыл глаза и расслабленно улыбается.

Ему стало лучше, я так рада, что он расслабился.

Замечаю, что мазь подсохла. Заправляю ему рубашку в брюки и помогаю одеть куртку.

— Ну как ты себя чувствуешь?

— Намного лучше спасибо. Отпустило. Идём мы уже опоздали на десять минут.

— Идём — подхватываю его под руку, и мы спешим на выход из кафе.

— Да так я ещё никогда не делал — смеётся Руслан.

Я рада, что он расслабился хоть немного.

— Иногда можно — улыбаюсь ему, и мы спешим к церкви, что в конце улицы.

Чем ближе подходим, тем более больше Руслан напрягается.

Накидываю платок на голову, и мы заходим в церковь. Слышно, что идёт какая-то служба.

Руслан спрашивает у женщины куда нам пройти. Ему указывают направление, и мы проходим в другой зал где не так много народа и идёт процессия. Мать Руслана нас заметила.

Нервно сжимаю цветы в руке. Не уютно себя чувствую. Руслан хочет к ней подойти, но получает в ответ полный злости взгляд и останавливается.

Разворачивается. Мы стоим сзади всех. Руслан оглядывает всех и смотрит в центр, где склонился батюшка над его отцом. Руслан поджал губы. Беру его за руку и сжимаю ладонь в знак поддержки.

Ему не просто сейчас.

Неужели матери трудно просто подпустить его ближе, ведь он сын.

Он как неприкаянный стоит позади всех. Возможно этим людям его отец просто знакомый, но они стоят ближе.

служба закончилась и всем разрешили подойти попрощаться. Руслан пошёл я следую за ним. Он подошёл, в его глазах стояли слезы. Он его простил за всё, что тот сделал с ним, потому что любил отца, каким бы он не был. У Руслана очень доброе сердце и я порой поражаюсь ему.

— Не мог не опоздать даже на похороны к отцу! — шипит сзади его мать.

— Мы торопились как могли — встречаю в разговор, понимаю, что Руслан сейчас не в силах противостоять её нападкам.

— Могли бы вообще не приходить! Нечего тебе тут делать, а особенно ей — она бросает на меня злобный взгляд.

Руслан тяжело выдыхает и поворачивается к матери.

— Я сам решаю где и с кем мне быть и не тебе решать это. Да мы опоздали, но я пришёл к отцу, а не к тебе в гости! — говорит уверенно.

Не ожидала такой его реакции, наверное, как и его мать, что растерянно моргает сейчас.

— Идём Марин — он сжал мою руку крепко — мне действительно здесь больше делать нечего, живи как хочешь — он повернулся к матери — свой долг я отдал.

Он взял цветы из моих рук и бросил в ноги отцу, где лежала уже куча цветов — покойся с миром.

Руслан пошёл вперёд, я еле успевала за ним. Когда выходим за забор церкви, Руслан остановился и шумно втянул воздух, прикрыв глаза.

Я даже боюсь что-либо сказать ему. Просто обнимаю его очень крепко. Ведь именно сейчас он поставил точку в отношениях с матерью безвозвратно.

— Ты молодец — шепчу ему и тихонько глажу по плечам.

Он крепче обнимает в ответ.

Через мгновение отпускает и грустно улыбается, в глазах стоят слёзы.

— Я очень тобою горжусь — поддерживаю его — едим домой?

— Я бы прогулялся.

— Легче спине стало?

— Ага, твоя мазь волшебная.

— Тогда идём потихоньку — беру его под руку, и мы идём в противоположную сторону.

Недалеко парк и озеро.

Чем дальше от церкви мы отходим, тем становится легче на душе, словно мы с Русланом оставили там всё плохое и начали двигаться дальше.

Мы с Русланом идём молча, но в этой тишине нет ничего удручающего, наоборот уютно и хорошо.

Гуляем по парку, вокруг заснеженные ели, кустарники. Всё такое ослепительно белое, что аж глаза слезятся.

Прижимаюсь крепче к руке Руслана. Он опускает голову и улыбается мне.

— Устал? Может присядем? — замечаю скамейку недалеко. Ему надо передохнуть.

— Не хочешь какао? — он указывает на ларёк с напитками неподалёку.

— Хочу — соглашаюсь. Согреться не мешало бы.

Мы подходим к ларьку, и Руслан заказывает нам напитки.

Забрав ароматные горячие стаканчики, мы размещаемся на ближайшей скамейке с которой открывается вид на озеро и горы вдали.

Пробую напиток, м, вкус как в детстве.

— Очень вкусно.

— Угу, мне тоже понравился — он скромно улыбается и делает глоток.

Прикрываю глаза наслаждаясь вкусом. Не знаю внутри словно отпускает что-то и расслабляется.

Хочу поговорить с Русланом о произошедшем, но понимаю, что он сам если захочет заговорит.

Беру его за руку и немного склоняюсь.

— Спасибо за вкусный согревающий душу напиток — быстро целую его в губы пока он растерялся немного.

М на языке ощущается вкус его напитка с миндалём.

— Пожалуйста — скромно опускает взгляд.

Тяжело выдыхает и поднимает взгляд, смотрит вдаль.

— Здесь очень красиво — пытаюсь немного его разговорить.

— Да мне тоже нравится, особенно летом.

— Мне редко удавалось сюда выбираться из-за работы, но всегда любила наше озеро.

— Мне тоже, но летом всегда пару раз бывал здесь, кроме прошлого конечно.

— Наверстаем — сжимаю его руку.

— Спасибо тебе — он притягивает к себе ближе и обнимает за плечи.

Прижимаюсь щекой к его плечу.

— Не замёрзла? — ведёт носом по щеке, щекоча горячим дыханием.

— Нет, с тобою мне всегда тепло и хорошо — бурчу ему в плечо.

— М, да? — наигранно удивляется.

— Да и даже очень — поднимаю голову и заглядываю в глаза.

— А мне с тобою — моментально становится серьёзным. Немного склоняется и целует очень нежно, глубоко, чувственно, аж мурашки разбегаются по плечам.

Руслан.

Странное какое-то чувство свободы расцветает внутри. Не знал, как всё пройдёт сегодня, я раньше не бывал на таких мероприятиях. Ника хоронили без меня.

Увидел отца. Он сам не похож на себя стал. Не могу совместить этот образ в сознании с тем, каким он был полтора года назад. Сейчас он высохший лист, от статного человека ничего не осталось. Как он мог довести себя до такого. Да горе, я понимаю, но можно ведь справиться. Мать ведь как-то держалась. И ведь она могла ему помочь пережить это вместе. Она не захотела, замкнулась в себе и не видела, что делалось с отцом всё это время? Что он спивался? Но ведь первым звончком было банкротство! Или не хотела видеть. отвернулась как от меня, только деньги нужны.

После её слов в церкви обо мне и Маринке, внутри словно стоп кран сорвало, не сдержался. Не место мне там, обидно очень от того, что, не смотря на всё что я пытался сделать, помочь, так и не стал для неё близким, сыном.

А после её слов понял, что вообще больше не хочу и близко находится с этой женщиной. Это не моя семья. Я не их сын как они мне однажды сказали, так какого хрена я всё это время из кожи вон лез и пытался им что-то доказать? Этих людей больше нет в моей жизни, точка.

Когда высказал всё матери, как-то легко стало на душе. Я с таким облегчением вышел из церкви, словно всю свою прошлую жизнь оставил там. Пытался всё осмыслить. Маринка обняла и сказала, что я молодец.

Спасибо тебе, за то, что ты есть в моей жизни, за то, что рядом. Без тебя бы я не выдержал всего этого. Именно ты показала мне, что можно жить по-другому и как это ценно, когда тебя любят не за что-то, а просто так. Когда можешь обнять дорогого и близкого человечка, поцеловать подарив любовь и все свои чувства и от них не отказываются, а принимают и меня принимают таким какой я есть.

Наша прогулка в парке, это словно единение наших душ. Она не спрашивала не о чём, понимала, что внутри твориться и не пыталась вытащить это из меня наружу. Хотя она и так всё понимала, как мне было не просто. Она поддержала, молча держала за руку, отвлекала как могла. И я очень благодарен ей за это.

После прогулки я немного устал и, наверное, действие мази закончилось, спина начала болеть.

Маринка как всегда прочитала всё по выражению моего лица и вызвала такси.

Марина.

Доезжаем до меня на такси. Руслан выглядит вымотанным очень, как морально, так и физически. Под конец прогулки по парку начал хромать очень сильно, хотя бодрился и натягивал улыбку.

До квартиры мы поднимались медленно с передышками.

Когда я коснулась его лба мне показалось, что у него опять температура.

В квартире помогаю ему раздеться и отправляю в ванну. Сама в это время грею ужин. Когда Руслан неожиданно появляется на кухне чуть взъерошенный вздрагиваю от неожиданности.

— Что-то случилось?

— Нет — тихо — я удалил и заблокировал её номер. Не хочу больше общаться с ней.

Наконец-то заговорил о сегодняшнем.

— Это твоё решение...

— Думаешь это неправильно? — поднимает на меня взгляд.

— Ты поступаешь так как чувствуешь?

— Да впервые мне самому этого хочется — говорит поражённо.

— Значит правильно, ведь ты всегда думаешь сердцем.

— Ты так думаешь — опускает взгляд.

— Я это знаю, родной. И даже не терзай себя, если от этого решения тебе легче.

— Да, меня сегодня словно отпустило всё то, что давило столько времени.

Наконец-то отпустило чувство вины?

— Это очень хорошо — присаживаюсь перед ним на корточки и беру его руки в свои — ты отпустил прошлое.

— Возможно, пока ещё не понял, но какое-то странное чувство свободы есть.

— Я так рада, что тебе стало легче, родной мой — касаюсь его мягких волос.

— По-моему что-то горит.

— Вот блин — соскакиваю и бегу к плите — картошка подгорела — говорю, когда начинаю мешать её в сковороде.

— Не страшно — усмехается.

Я так рада, что его отпустило.

Выключаю плиту и накрываю на стол. Руслан молчит только смотрит так внимательно.

Во время ужина мы почти не разговариваем, чувствуется усталость сегодняшнего дня.

После ужина укладываю Руслана на диван и начинаю перевязку.

Возмущаюсь, что ему опять не делали перевязку.

Руслан хмыкает в подушку.

Слава богу мазь немного сняла воспаление после физио. Протираю его кожу вокруг дезинфицирующим раствором. Промываю шов. Рана начала затягиваться это очень хорошо, значит воспаление проходит. Отделяемого очень мало, это хорошо. Закладываю мазь в шов и закрываю пластырем. Вокруг наношу охлаждающую мазь и начинаю массаж, новый метод. В какой-то момент увлекаюсь и Руслан дёргается и вскрикивает.

— Прости — успокаивающе поглаживаю и стараюсь расслабить напряжённые мышцы.

Я читала, что возможно проявление болевого синдрома при массаже и это хорошо,

значит будет толк в дальнейшем.

— Всё — убираю руки от его красивой спины.

— Спасибо — глухо в подушку.

Прикрываю его одеялом и целую в щёку. Он так тепло улыбается в ответ, но не открывает глаз.

— Ты волшебница у меня.

— Я просто тебя люблю — шепчу ему на ухо и целую ещё раз, а затем сбегаю в ванну.

Забираюсь в душ желая смыть все впечатление о сегодняшнем дне. Хотя прошёл он намного легче, чем я себе представляла. И я очень рада, что Руслан поставил точку на отношениях с матерью, ведь она только бы тянула из него все соки. Такое потребительское отношение к нему-это просто ужас.

Когда выхожу из ванны в квартире тишина. Прохожу в комнату. Руслан как обычно уснул после массажа, это и к лучшему значит мне удаётся расслабить его полностью. У нас с ним всё получится, по-другому просто не может быть.

Тихонько забираюсь под одеяло, ставлю будильник, ведь завтра на работу. Мини отпуск закончился, но я рада, что провела его с Русланом. Он поворачивается на бок и притягивает к себе ближе. Укладывает на плечо, обнимая крепко.

Через минуту, слышу уютное сопение в макушку. Я так счастлива, что в моей жизни появился он, мой Руслан.

Месяц спустя.

Марина.

На работе аврал просто. Домой возвращаюсь поздно, очень мало времени видимся с Русланом, так как живём в разных квартирах. Я практически без сил после работы, стараюсь поставить его на ноги. Слава Богу шов зажил и воспаление прошло. Теперь только его упорство ЛФК, физио и массаж в помощь. Но похоже я не очень справляюсь с массажем последнее время. Ему становится больно, и он не даёт доделать до конца. А вчера мы вообще поругались по телефону, и он сказал, чтобы я не приезжала к нему. Не знаю всё это так вымотало меня или это просто усталость моральная и физическая. Последнее время почему-то возникло ощущение, что я одна борюсь за его здоровье. Он потерял интерес к восстановлению, и я не пойму из-за чего. Вчера вообще сказал, чтобы я уставшая даже не приезжала к нему. Может он так заботится обо мне конечно, но мне обидно. Словно это только мне надо. Или я начала выгорать в наших отношениях? Не знаю. На работе как робот выполняю отработанные годами действия. Даже Артём заметил, что со мною что-то не так. Добираюсь до дома и ложусь на диван без сил. От Руслана ни одной весточки. Обиделся. А может ему не хватает моего внимания, как и мне его. Мы так редко общаемся последнее время и всё из-за моей работы. Прикрываю глаза пытаюсь расслабиться, наверное, сказывается усталость, незаметно проваливаюсь в сон.

Руслан.

Боли вернулись, никакого прогресса уже месяц прошёл. Я вижу, как Маришка старается и выкладывается, но это не даёт результата. Я не хочу, чтобы она видела меня таким. А что дальше, инвалидность? Я не смогу обеспечивать свою девочку. Она работает как лошадь и тянет всё на себе. Я так не могу. Последняя неделя словно испытывала на прочность нас. Она с работы приезжала еле живая, а тут я ещё со своими проблемами. Мне жалко её, тем более нет результатов. И Пётр Семёнович говорит, что откат назад пошёл и пора заканчивать реабилитацию, она не даёт результатов. В понедельник мне закроют больничный и надо готовить документы на инвалидность. Всё кончено. Я заикнулся про физио, что мне хуже с него. Он сказал, что его можно уже не делать, бесполезно. Вот и всё кончилась моя квота на лечение.

Я много думал последнее время о нас с Мариной. Предложить ей жить вместе язык не поворачивается, ведь я сейчас не работаю, и когда ещё деньги будут не известно. Сесть ей на шею я не могу. Я и так ей должен денег за похороны отца. Но и видится так урывками я не могу. Мне не хватает её, я скучаю. Очень скучаю без неё. Но возможно она достойна лучшей жизни. Но ведь я же с ума сойду без неё.

Вчера попытался немного отстраниться и дать ей возможность отдохнуть дома. Она обиделась, сказала, что я отдаляюсь последнее время. Это правда. Заставляю себя быть на расстоянии, чтобы она привыкла и начала новую жизнь без меня. А я... Я не смогу дальше быть с ней в таком состоянии, не хочу мучить её и обрекать на жизнь с инвалидом. Вполне возможно кресло станет моей реальностью. А, как же не хочется... Всё зря...

Кое-как дохожу до центра. У центра вижу Лину, она такая счастливая улыбается. Наверное, Димку ждёт. У него явные успехи, видел его недавно с ходунками. Наконец-то он встал из кресла.

— Привет — Лина подходит ближе.

Во взгляде жалость. Да, наверное, жалкое зрелище...

— Привет — отвечаю ей.

— Ты как?

— Да, как видишь, осложнения пошли — чёрт спину свело.

— Ну вот.

— Вам помочь подняться? — расфуфыренная блондинка обращает на меня внимание.

Не хочу ни чьей помощи. Единственный человек, который мне нужен обижен на меня, да, наверное, это и к лучшему для неё.

— Сама не растянишь на лесенках — выдавливаю из себя — сам дойду.

— Как хотите — слышу в спину и поднимаюсь по лесенкам с передышками.

На входе встречаю Димку. Счастливый, без ходунков, улыбается.

— Поздравляю — протягиваю ему руку.

— Спасибо — пожимает в ответ — ты как?

Никак.

— Норм — не хочу вдаваться в подробности и захожу в центр.

Не хочу расспросов и всего прочего я устал, очень, от всего этого.

На ЛФК занимаюсь как робот. Все мысли только о Марине. Как же я буду жить без неё

если я уже дико скучаю.

С обеда сбегаю из центра всё равно после выходных всё закончится. Возвращаюсь в свою пустую квартиру. Теперь будет только так, наверное. Но тишина, настолько давящая... Мне так не хватает тебя родная моя девочка. Но я не хочу быть таким с тобою.

Марина.

Просыпаюсь поздним вечером. Смотрю на часы девять. Присаживаюсь на диване и проверяю телефон. От Руслана ничего. Что с тобою случилось? Ведь он не мог ни с того ни с сего взять и отдалится.

Иду в ванну и привожу себя в порядок.

Нам надо поговорить с ним, он не может отмалчиваться.

Решаюсь и заказываю такси на уже ставший родным адрес.

По дороге отчего-то волнуюсь. Ведь он сказал не приезжать к нему. Но завтра выходной и почему бы нет. Почему я не могу приехать к человеку которого люблю?

Выхожу из такси. В его окне горит свет. Дома слава Богу. Поднимаюсь к его квартире. У меня есть ключи, но я не рискую открывать сама и звоню в звонок.

Через пару минут дверь открывается, и я наконец-то встречаюсь с любимым взглядом. Он осунулся и словно похудел за эти два дня.

— Марин — он растерялся и очень удивился.

— Привет. Я соскучилась — говорю ему.

— Привет — немного хрипло.

— Впустишь меня? — уже начинаю сомневаться в правильности своей затеи.

— У меня не прибрано — бурчит и опускает взгляд.

Что?

— То есть? — не пойму.

— Уже поздно — немного отстраняется.

— Руслан, что происходит? Давай поговорим?

Он поджимает губы. Сомневается?

Через мгновение отстраняется и пропускает меня во внутрь квартиры.

Прохожу, он закрывает дверь и поворачивается ко мне медленно, потупив взгляд. Ему хуже стало.

Родной мой не могу я так подхожу и обнимаю его и плевать, что он стоит истуканом.

Он рвано выдыхает и обнимает в ответ крепко прижимая.

— Я так скучала — прижимаюсь к его чуть колючей щеке — не исчезай больше, пожалуйста.

— Не могу — говорит хрипло и немного отстраняется, заглядывая в глаза.

— Почему? — не пойму.

— Нам надо разойтись — говорит резко.

— Что?

— Марин я так дальше не могу — отпускает и отходит от меня.

— Нет, не надо так.

— Марин мы не справились, всё! — кричит и опускает взгляд.

— С чем мы не справились, Руслан?

Не пойму ничего.

— Со всем — опускает взгляд — всё.

Пытаюсь нормально выдохнуть и понять его.

— Так — подхожу к нему и беру за руки, ощущаю дрожь под пальцами — расскажи всё

нормально, пожалуйста, что стряслось. Руслан.

— Я, у меня нет прогресса и не будет. Будет только хуже и я не хочу, чтобы ты была со мною.

Господи, так вот оно что.

Какой же он дурачок.

— Не хочешь, хорошо. И как ты себе это представляешь?

Он нервно сглатывает и поднимает на меня непонимающий взгляд.

— Ты сейчас уходишь и забываешь о моём существовании.

Отлично!

— М, даже так. План составил молодец. Только меня об этом не известил.

— Марин- его голос срывается.

— А теперь повернём ситуацию в обратную сторону. Если бы со мною случилось всё то же, что с тобою. И я бы решила из-за этого отстраниться от тебя. Ты бы просто ушёл и забыл обо мне? — аж самой интересно, что ответит.

— Нет ты что! — его глаза полны ужаса.

Как я и думала.

— Дурак — не могу удержаться и обнимаю его — никогда даже не смей мне предлагать подобного, слышишь — говорю ему на ухо.

— Прости — обнимает крепче — прости я не вижу другого выхода.

— Выход есть всегда — говорю ему, и заглядываю в глаза.

— Не знаю — немного растеряно.

— Давай поменяем центр? — предлагаю то о чём давно уже задумывалась

— Думаешь будет толк, если всё вернулось по новой.

— И ты из-за этого решил уйти? — поражаюсь до сих пор.

— Я не хочу, чтобы ты тянула всё на себе.

— А меня спросить забыл. Ведь если я сейчас здесь, значит мне нужен ты и это мой выбор. Я хочу быть с тобой, что бы с тобою не было. Я без тебя не смогу, ну почему ты такой дурачок, всё решаешь за нас обоих?

— Я хотел лучшего для тебя.

— А мне не нужно это лучшее, если в нём нет тебя.

— Марин — его голос срывается, а в глазах стоят слёзы — я не могу так.

— Как?

— У меня нет работы и возможно я не вернусь на неё, ты готова положить свою жизнь ради меня! Возможно я вернусь в кресло и стану инвалидом! Я не хочу, чтобы ты всё это видела и тащила меня на себе!

— Я и не тащу тебя на себе! Ты вполне самостоятелен!

— Это пока.

— Руслан! — моё терпение закончилось- да сколько можно. Если бы да как бы. Ты сейчас на своих двоих, а что там будет после никто не знает. И прекрати думать чушь! И, что бы не было я не уйду!

— Чушь. Я вижу, как ты устаешь, а ещё и приходится со мною возиться, а дальше будет хуже.

Он совсем потерял надежду. Неужели Пётр Семёнович ему внушил, что всё потеряно?

— Давай поменяем центр, пожалуйста.

— В этом нет никакого смысла — опускает взгляд.

— А ты попробуй, я не согласна с тем как тебя лечит Пётр Семёнович. Он нарушал все правила. Давай поменяем и попробуем, если нет, тогда будем решать, что делать вместе.

— Марин — раздосадовано.

— Руслан, ты сам хочешь, чтобы я ушла и вот так мы всё оставили?

Он молчит, потупив взгляд.

Я уже не знаю, как его убеждать, если он сам не хочет ничего. Наверное, не стоит навязываться.

— Хорошо — опускаю руки.

Раз уж он так решил...

Только как я буду без него, я не знаю.

Пытаюсь успокоиться и иду к двери. Он не двигается, словно замер.

Открываю замок и тяну дверь на себя. Он даже ничего мне не скажет?

Выхожу из его квартиры какой-то опустошённой, из его жизни как он и хотел. Отчего же так больно-то. Спускаюсь по лестнице и практически ничего не вижу перед собою. Выхожу на улицу. Пытаюсь отдышаться. Надо вызвать такси уже поздно. В голове кавардак, ищу телефон в кармане и наталкиваюсь на ключи Руслана. Надо было отдать ему. Раз уж решил порвать. Блин придётся возвращаться. Заставляю себя вернуться, поднимаюсь к нему на негнущихся ногах. Не даю слезам пролиться, всё потом, дома в подушку, не сейчас. Нацепляю маску хладнокровия, пытаюсь не думать ни о чём.

Открываю дверь его ключом и захожу. Руслан сидит на полу в коридоре, закрыв лицо ладонями.

— Я забыла отдать тебе ключи — не ожидала, что голос будет так дрожать.

Кладу ключи на полку в коридоре и поднимаю на Руслана последний взгляд перед уходом. Его плечи дрожат. Он, что плачет?

Не могу я так больше, да что ж такое-то! На глаза слёзы наворачиваются.

Подхожу к нему ближе и присаживаюсь на корточки.

— Что ты творишь? — спрашиваю, в надежде, что он одумается.

Касаюсь его запястья и оттягиваю его руку от лица. Он поднимает на меня взгляд, по его щекам бегут слёзы, он рвано выдыхает.

— Маришка- говорит хрипло и берёт меня за руку — прости меня — его пальцы дрожат.

Присаживаюсь на колени.

— Прости меня, Мариш — его губы дрожат, он рвано выдыхает. По моим щекам тоже бегут слёзы.

Он тянет меня за руку к себе и обнимает очень крепко.

— Прости — его голос срывается — я такой дурак, прости.

— Ещё какой — тихо глажу его по волосам.

Как же хорошо, что я вернулась.

— Я не могу без тебя — говорит хрипло на ухо — не уходи, пожалуйста. Я сдохну без тебя.

Немного отстраняюсь от него, чтобы посмотреть в глаза.

— Я останусь при одном условии — теперь моя очередь ставить ультиматум.

— Какое? — рвано выдыхает.

— Ты больше никогда и ни при каких условиях не говоришь мне того, что сказал сегодня, а самое главное даже не думаешь об этом. Если я ещё раз услышу что-то подобное я

уйду — грожу ему потому, что по-другому никак.

Он растерянно смотрит на меня.

— Это очень обидно, Руслан. Слышать от любимого человека все эти вещи.

— Прости меня. Мне и самому больно от этого. Но так неприятно ощущать себя неполноценным рядом с тобою.

— Я никогда не думала так о тебе. И пожалуйста давай поменяем центр, попробуем другое лечение.

— Ты думаешь это что-то изменит? — грустно усмехается.

— Тебе Пётр Семёнович что-то сказал?

Кивает.

— Что именно?

— Что моя реабилитация бесполезна и в понедельник будет закончена.

Как так-то?

— А дальше что?

— Дальше МСЭК и оформление инвалидности. Поэтому я и хотел...

— Тише — не даю ему договорить.

Вот почему вся эта нервозность и потерянности. Родной мой, ну почему не сказал ничего. Дурачок любимый.

— Пока заканчивай реабилитацию, а я подумаю, что можно сделать.

Надо поговорить со своими в больнице, может Артём подскажет какой центр или просто съездить в санаторий, хоть там подлечить его немного. Это же надо так с ним. Пётр Семёнович свои косяки в лечении закрывает за счёт его. Надо центр искать.

— Тут ничего не поделаешь. Денег у меня нет на платный центр, квоту я уже израсходовал, всё. Я инвалид, Марин!

Да уж постарался Петр Семёнович налил воды в уши. Надо немного отвлечь его от всего.

— Давай съездим в санаторий? — предлагаю.

— Что? Зачем? — не понимает.

— Мне путёвка положена по работе и скидка для членов семьи. Поехали полечим тебя, а потом посмотрим, что и как.

— Мне надо оформить всё на работе, уволится.

Он собрался уже инвалидность оформлять.

— Не торопись, возьми пока отпуск.

— Попробую — бурчит — не знаю — выдыхает.

— Вот как раз займёшься этим в понедельник, а я по путёвке узнаю.

— Марин, это всё опять за твой счёт — опускает взгляд.

Пока так, что поделаешь.

— У меня кроме тебя и мамы нет никого. На кого мне тратить средства, как не на близких людей, к тому же если это тебе может помочь.

— Тебе Артём отпуск даст?

— Даст, я и так три недели без выходных.

— Ну ладно, можно попробовать.

Неужели согласился?

— Попробуем — убеждаю его.

— Спасибо тебе — наконец-то улыбнулся.

Не могу его видеть таким разбитым. Тянусь и обнимаю его.

— Почему мне ничего не сказал, а? — говорю ему на ухо — когда узнал?

— Вчера — глухо.

Вот почему он так нервничал по телефону, а я не заметила от усталости.

Надо было вчера к нему приехать и успокоить.

— Прости, что не поняла и не приехала.

— Не надо было я был не в форме.

— Надо было, ещё вчера бы поговорили — немного отстраняюсь и заглядываю в глаза

— никогда больше не скрывай ничего от меня, пожалуйста.

— Я постараюсь Мариш- он нежно касается скулы- если бы ты не вернулась, я бы с ума сошёл. Мне так плохо было без тебя. И... Я очень скучал всю эту неделю по тебе.

— Я тоже- признаюсь ему — может будем жить вместе? — решаюсь спросить — ведь разрываться между домами невозможно.

— Невозможно — улыбнулся- но у меня скоро закончится аренда и продлить её я уже не смогу.

— Может к тому времени что-то поменяется? — хочется надеяться на лучшее — а пока можешь пожить у меня.

— Марин — он недовольно морщится — всё опять за твой счёт.

— Тебе не придётся платить аренду, есть свои плюсы — хочу его подбодрить, а то совсем расклеился.

— Мне неудобно. Это я должен обеспечивать тебя и привести жить к себе! А получается...

— Как получается, так и получается. Это наша с тобою жизнь и только мы решаем, как её прожить. Вместе или порознь.

— Вместе — говорит тихо и улыбается — я так сильно люблю тебя, Марин, что просто не выживу порознь.

— Я тоже — целую его в губы — так ты переедешь ко мне?

— Угу. У меня не так много вещей, надеюсь не смещу тебя.

— Нет, я буду только рада этому.

— Я тоже — залезает под куртку и притягивает к себе, обнимая очень крепко — я так соскучился, Маринка — опускает голову мне на плечо.

— Дурачок, любимый, разве можно так — целую его в висок.

— Нельзя, но другого не видел — тяжело выдыхает — не хотел быть обузой тебе.

— Ты мой любимый человечек и никак обузой быть не можешь — укачиваю его.

Замечаю, как по его щеке скатывается слеза. Я настолько его тронула?

— Так жаль, что всё оказалось зря — говорит хрипло — я так надеялся, что восстановлюсь.

Наконец-то заговорил о больном, насущном.

— А это ещё надо проверить. Не верю я твоему Петру Семёновичу. Ведь были успехи.

— Были, но после физио было хуже.

— Ты говорил ему?

— Вчера сказал, он отменил, сказал, что всё равно всё бесполезно.

— Не правда. Не верь ему — прижимаюсь губами к виску.

— Спасибо, солнышко, что веришь в меня, даже когда я сам не верю уже ни во что.

— Как ты себя чувствуешь? — решаюсь уточнить.

— Уже прекрасно — грустно улыбается и прикрывает глаза.

— Врушка — быстро целую его в губы.

— Угу — обнимает крепче и улыбается расслабленно.

Наконец-то его отпустило.

Марина.

— Пойдём на диван — говорю Руслану — тебе вредно так сидеть — немного отстраняюсь.

— Да, конечно — приподнимает голову с моего плеча и отпускает.

Поднимаюсь на ноги и протягиваю ему руки, помогая подняться.

— Спасибо — говорит скромно и помогает мне снять куртку.

— Идём — подхватываю его под руку, чтобы хоть немного опирался и не так сильно нагружал спину.

Медленно немного морщась шагает к дивану.

— Ложись, я посмотрю, что с твоей спиной.

— Не надо, Марин — отмахивается.

— Руслан! — смотрю строго.

Сопит, стягивает футболку и ложится на живот.

Нахожу на тумбочке свою мазь, что оставляла ему на днях.

Она расслабляет и охлаждает.

Наношу на руки и начинаю разминать его затёкшие мышцы. Сегодня надо его расслабить, поэтому просто разминаю без проработки. В бассейн бы его отправить, очень полезно будет для мышц, шов зажил к тому же.

— Тебе бассейн не рекомендовали?

— Нет — глухо в подушку.

— Может сходим завтра? Поплаваем?

— Ты уже передумала переезжать?

— А ты хотел завтра?

Неужели собрался.

— Ну да, можно деньги с аренды вернуть за полмесяца, наверное. Хоть что-то.

— Хорошо, я рада. Новоселье будем отмечать?

— А ты хочешь? — поворачивает голову и улыбается.

— Конечно, давай закажем вкусняшек каких-нибудь.

— Давай- улыбнулся и прикрыл глаза.

— Я очень рада, что ты согласился — проминаю его плечи. Благодаря ЛФК мышцы стали более заметны, одно загляденье.

— На вкусняшки? — приподнимает брови.

— Нет, на переезд, я давно хотела тебе предложить.

— Да?

— Угу. Ещё пару недель назад.

— Понятно, это я тугодум, долго созреваю — бурчит.

— Я рада, что созрел, я очень скучала без тебя всё это время- наклоняюсь и целую его в щёку.

Распрямляюсь и сбегаяю в ванну мыть руки.

Когда возвращаюсь в комнату, Руслан натянул футболку и присел на диване. Обычно засыпал после всего.

— Ты голодная? У меня там плов есть хочешь?

— Не отказалась бы.

Я сегодня не ужинала.

Он поддаётся вперёд и хочет встать.

— Отдохни, можно я за тобою поухаживаю?

Его брови взлетают вверх.

— Ну ладно- смущается немного.

— Приляг я принесу всё сюда.

— Хорошо — он опускается на подушку.

Пусть отдохнёт.

Выхожу на кухню. У Руслана всегда так чисто, поражаюсь ему. Ведь шевелится больно, а делает всё по дому. Обуза. Дурачок, додумался же! Как я рада, что он переедет ко мне.

Разогреваю плов, пахнет обалденно. Он повар от бога, наверное.

Раскладываю по тарелкам и несю в зал.

Руслан не заснул. Увидев меня начал подниматься.

— Медленно! — напоминаю ему и расставляю тарелки на журнальном столе. подкатываю его к дивану.

— Спасибо — он тянется к ложке.

Присаживаюсь рядом с ним и пробую его плов.

М, тает на языке, как же вкусно.

— М — не могу сдержаться.

— Не нравится? — растерянно.

— Очень вкусно, у меня пропал дар речи.

— Да, ладно — смущённо улыбается.

— Правда я порой думаю, почему ты поваром не стал, готовишь очень вкусно.

— Ты просто голодная — усмехается.

— Нет, правда вкусно.

— Ну с умениями твоей мамы не сравнить.

— У мамы большой опыт.

— Ну да — опускает взгляд.

После ужина всё убираю, не давая Руслану вставать и что-то делать. Ворчит, но слушается, слава Богу.

За ужином заметила, что его движения стали более раскованными, надеюсь массаж снял боль и расслабил.

Убрав, все на кухне возвращаюсь в комнату. Руслан уже залез под одеяло. Гашу свет и раздеваюсь.

Тихонько пролажу к стенке рядом с Русланом. Он поворачивается лицом ко мне и обнимает. Притягивает к себе.

— Я так рад, что ты вернулась — говорит немного хрипло и прижимается губами к макушке.

— Я тоже, это всё твои ключи.

— Нет, это ты. Ты почувствовала, наверное, как мне было очень плохо в тот момент — обнимает крепче.

— Не тебе одному. Я больше не хочу таких моментов — прошу его.

— Не будет, прости меня ещё раз — обнимает крепче.

— Прощаю дурачок любимый — целую его в плечо.
Так приятно снова ощутить его рядом и греться в его объятьях.

Руслан.

Открываю глаза от солнца, бьющего в глаза. Маринка рядом тихо посапывает. Я так рад, что она вчера вернулась ко мне. Мне кажется, что я умер в ту же секунду, как за Маринкой закрылась дверь вчера. Было так больно её терять.

Она вернулась, и моя жизнь снова приобрела смысл. Я так сильно её люблю.

Наверное, улыбаюсь сейчас как дурак, но я так счастлив, что она рядом.

— М — мурлычет во сне и словно почувствовав, что смотрю на неё открывает глаза.

— Привет- говорит хрипло.

Она такая милая, сонная.

Не могу удержаться и целую её быстро в губы.

— Привет- говорю ей и обнимаю мою тёплую девочку.

Она прижимается ко мне и оплетает шею руками.

— Мне так просыпаться очень нравится — говорит на ухо.

— Мне тоже, очень — целую её в щёчку.

— Как ты себя чувствуешь? — с тревогой заглядывает в глаза.

— С тобой мне всегда хорошо.

— Ну я серьёзно-хмурит бровки.

После её массажа так хорошо стало, а когда не шевелишься, то вообще всё прекрасно, ничего не болит.

— Хорошо Мариш, ты вчера меня так размяла.

— Я рада, что есть толк. Вот видишь.

— Не знаю — сомневаюсь, что вообще что-то выгорит.

— Так, пессимизм оставили. Нам ещё вещи собирать — присаживается на диване и потягивается.

— Оставили. С тобой не страшно и в огонь и в воду — поднимаюсь и целую её в оголённое плечико.

— Да к стати на счёт воды. Может всё же выберемся в бассейн?

— Посмотрим, нам ещё переехать надо.

— У тебя много вещей? Что-то из мебели? — она оглядывает комнату.

— Нет мебель хозяев. У меня только шмотки.

— Хорошо, тогда быстро управимся, поднимайся — она быстро целует меня и слазит с дивана.

Я так рад, что ты есть в моей жизни Маришка.

Марина.

Руслан немного нервничает, переживает, что не хватит пакетов, что у него есть. Помогаю ему сложить вещи в имеющиеся пакеты.

Он позвонил хозяину квартиры и сообщил, что съезжает. Тот не был против и согласился вернуть часть денег со сдачи. Это редкость в наше время. Ключи он попросил оставить у соседки.

Мне не вериться, что мы будем жить вместе. Так хорошо от этого на душе. Я так скучала по Руслану всю эту неделю. После разговора с хозяином квартиры Руслан заметно повеселел.

Стараюсь, чтобы он меньше стоял на ногах и напоминаю ему всё время, чтобы он собирал вещи сидя. Он ворчит, но слушается. Выхожу на кухню за очередной партией пакетов. Возвращаюсь в комнату. Руслан достаёт с антресолей коробки и морщится в какой-то момент. Ну, что за человек! Только открываю рот, чтобы всё ему сказать, но останавливаю себя. Ведь он хочет быть самостоятельным. Вчера вообще чуть не отказался от нас из-за этого. Зачем тыкать ему лишний раз. Лучше помогу.

Перехватываю коробки, они довольно тяжёлые и мы вместе ставим их на кровать.

Руслан виновато смотрит на меня, наверное, ожидает нравоучений.

Не могу выдержать его такой взгляд, подхожу и обнимаю его. Он ошарашено смотрит на меня.

— Береги себя, пожалуйста — говорю ему и отпускаю.

— А я хочу тебя побережь — притягивает к себе за руку и улыбается.

— Да? — наигранно удивляюсь.

— Угу — притягивает сильнее и обнимает крепко — ведь кроме тебя у меня нет никого.

Он его слов в груди сжимается всё.

— Ты очень дорог мне, и я просто переживаю за тебя, поэтому, наверное, затюкиваю тебя, но я хотела чтобы тебе стало легче.

— Я знаю, с тобою мне всегда хорошо.

— Опять обманываешь?

— Нет, правда легче стало. И болит меньше — он искренне улыбается.

— Хорошо, я рада- отпускаю его.

— Много пакетов получается — говорит немного растеряно.

— Да прилично. Надо поискать грузчиков — иду за телефоном.

Замечаю, что Руслан немного сник. Опять из-за денег переживает? А может попросит мальчишек из больницы помочь?

Звоню Артёму и пытаюсь узнать кто из санитаров сегодня отдыхает. На моё везение Сашка и Олег отдыхают сегодня. Надеюсь не сильно отвлеку их от дел.

Договариваюсь с мальчишками на два часа дня, они оба на машинах, так что всё увезём.

Пока договаривалась, Руслан сложил пару пакетов и сейчас перебирал коробки с грустным видом.

— У меня хорошие новости, нам помогут парни из больницы переехать, так что не переживай — подхожу к нему ближе.

— Хорошо — говорит как-то безрадостно.

Замечаю, что в коробке лежат какие-то тетради, книги, карты. Руслан с осторожностью

их достаёт и перекладывает в пакет.

— Ты увлекался путешествиями? — спрашиваю.

— Я? — немного растеряно- нет это Ник, мечтал и мы собирались с ним прокатиться попутешествовать с палатками, даже маршрут разрисовали — он достаёт карту — только не суждено было ему поехать. Это всё накануне травмы произошло.

Это вещи Никиты?

— Мне так жаль — присаживаюсь рядом с ним на диван и беру его за руку.

— Мне тоже — его голос садится. Он сворачивает карту и растерянно смотрит на пакет с мусором — теперь это никому не нужно.

Он не может это всё выбросить. Для него это дорого.

— Подожди — останавливаю его — оставь, может мы с тобою пропутешествуем по этому маршруту?

— Нет — говорит резко, в глазах играет страх — не надо, я не хочу больше никого терять — он мнёт карту и бросает в пакет с мусором.

Возможно ему легче станет от этого.

— Ну ладно построим свой — тихонько глажу его по плечу.

— Марин — он растерянно смотрит на меня.

— Ладно, ладно, начнём с санатория — не пытаюсь его убеждать в чём-либо и поднимаюсь с дивана.

— Марин, прости — он берёт меня за руку — из меня путешественник сейчас.

— А я и не говорила про сейчас, я про будущее.

— Будущее — говорит грустно — я понятия не имею, что будет со мною дальше — его голос срывается.

Поворачиваюсь к нему, не могу видеть его таким. Склоняюсь и обнимаю его, прижимая к себе. Вздрагивает и рвано выдыхает.

— Но помечтать же мы можем — прижимаюсь губами к его виску.

— Можем — отвечает немного бодрее и обнимает в ответ.

— Ну вот — тихонько глажу по его мягким волосам.

Он поднимает лицо и улыбается мне.

— Я так счастлив, что ты есть в моей жизни, Марин.

— А ты в моей — склоняюсь и целую его в губы. Он так счастливо улыбается в ответ.

Он притягивает к себе на колени и крепко обнимает.

— Спасибо тебе за всё — говорит немного хрипло на ухо.

— Не надо не благодари — с ума сошёл. Немного отстраняюсь.

Он мотает головой и улыбается.

— А я всё равно буду, потому, что ты всё для меня — он целует в щёку очень нежно, аж мурашки бегут по спине.

— Руслан — только и могу сказать от нахлынувших эмоций и обнимаю крепче — я так тебя люблю.

— А я тебя — ведёт носом вдоль шеи и нежно целует ключицу.

М...

— Такими темпами мы не успеем собраться к двум.

— Не успеем — говорит немного хрипло и отстраняется — ладно- отпускает меня — продолжим.

— Ага — поднимаюсь и беру пакет — здесь почти всё я на кухню пойду.

— Угу — кивает.

Выхожу из комнаты. Ему нужно самому разобраться эти вещи и самому решить, что в прошлом, а что забрать с собою в будущее.

Пока собирала продукты не заметила, как на кухню зашёл Руслан.

— Я там всё разобрал — присаживается на табурет.

Вид у него немного уставший.

— Хорошо, здесь я почти всё — отвечаю ему — посуда не твоя?

— Нет.

— Ну тогда всё — закрываю пустой холодильник и завязываю очередной пакет с продуктами.

— Хорошо — говорит тихо, но внутри словно шторм бушует.

— Тебе не привычно переезжать?

— Нет — улыбнулся — как говорят переезд хуже пожара.

— Не всегда, иногда жизнь меняется к лучшему.

— Надеюсь это наш случай — скромно улыбается.

— Конечно наш — беру его за руку — по-другому просто не может быть.

— Я знаю — улыбнулся в ответ.

Я рада, что повеселел немного.

Неожиданно раздаётся звонок в дверь.

— Это, наверное, Сашка с Олегом, пойду открою.

Он кивает и поднимается с табурета немного морщась.

— Как ты?

— Всё хорошо не переживай, идём- указывает взглядом мне на выход.

Руслан.

Никогда не думал, что люди могут помочь просто так. Парни, что позвала Маринка оказались очень простыми и открытыми людьми. К тому же очень весёлыми. Маринка шутила с ними на профессиональные темы, но при общении с ними, устали скулы от смеха. Они прикольные ребята, ещё совсем молодые и весёлые. С такой лёгкостью я ещё не общался с людьми.

Когда все вещи были вынесены, я обошёл квартиру. Вроде, бы ничего не забыли. Все вещи ребята вынесли, часть на мусорку, часть к Маринке.

Да начинается новый этап в моей жизни. Никогда не думал, что поеду жить к девушке...

Но так сложились обстоятельства и нам обоим будет легче от этого. Сегодня я без зазрения совести выкинул все вещи, которые напоминали мне о прошлой жизни, о родителях. Часть вещей Ника оставил, чтобы были и напоминали о нём, но не все.

Новую жизнь надо начинать с чистого листа, не оглядываясь назад.

На удивление на душе стало легче и светлее, чувство свободы переполнило.

Остался последний рывок переступить порог квартиры и войти в новую жизнь с моей родной Маришкой.

Выхожу из квартиры и закрываю замок.

Пару комплектов ключей отдаю соседке и спускаюсь вниз.

На улице обдаёт лицо свежий воздух, бодрящий.

Маринка улыбается мне и открывает дверь такси.

— Поехали, мальчишки уже уехали с вещами.

— Поехали — пролажу в салон.

Маринка присаживается рядом и захлопывает дверь.

Мы медленно едим.

Беру за руку свою девочку и притягиваю к себе ближе.

Она счастливо улыбается и опускает голову мне на плечо.

— Я так рада, что ты согласился — говорит тихо.

— Я бы не смог по-другому — притягиваю холодные пальчики к губам и целую каждый.

Спасибо, что ты вернулась вчера, что остаёшься в моей жизни и являешься маяком, держишь меня на плаву за руку, не позволяя утонуть в пучине бед и ненастий. Я так сильно тебя люблю, ты даже не представляешь, как ты дорога мне. Ближе и роднее тебя нет никого на свете. Спасибо, что ты есть у меня, моя маленькая хрупкая бабочка. Моя Маринка.

Обнимаю её крепче, боясь поверить в происходящее и не спугнуть, постучавшееся в мою жизнь счастье.

Целую её в щёчку, утопая в этом ощущении.

— Я люблю тебя, родной мой — шепчет тихо и утыкается носом мне в шею.

Её слова очень трогают, что-то в груди, заставляя сердце подпрыгивать.

— А я тебя и очень сильно — признаюсь ей и обнимаю крепче своё счастье.

Глава 64.4

Марина.

Олег с Сашкой очень помогли и так быстро управились со всем. Оставшиеся полдня мы с Русланом разбирали пакеты. Устали очень, забыв, про то, что хотели отметить переезд.

Когда был разобран последний пакет Руслан без сил опускается на диван.

— Устал — проползаю рядом с ним и ложусь на подушку, м кайф.

— Ага.

— А как же отметить — напоминаю ему.

— Через полчаса привезут пиццу — бормочет с закрытыми глазами.

— Что? Когда ты успел? — поражаюсь ему.

— Пока ты с мальчишками ворковала.

— Не ворковала я!

— Ага — усмехается — Сашенька вот сюда поставь, ой Олеженька...

— Я всегда с ними так общаюсь.

— Вот, вот — бормочет обиженно, но глаз не открывает.

— Ты, что ревнуешь? — усмехаюсь.

— Я? — приоткрывает один глаз и хитро улыбается — нет.

— Ну, раз так, что обижаешься?

— Я не обижаюсь, просто, наверное, отвык от нормального общения — говорит тихо — а так пацаны хорошие.

— У нас вся больница хорошая, мы как семья.

— Я заметил. Ты на счёт отпуска Артёму не говорила? Отпустит?

— Сначала по путёвке надо узнать. Думаю, отпустит.

— М — прикрывает глаза — хорошо было бы.

— Как ты себя чувствуешь? Может массаж? — вспоминаю, что сегодня совсем его не лечила.

— Хорошо, отдыхай — немного хрипло.

— Ладно пятнадцать минут поспим, потом разомну тебя — убеждаю его и себя.

— Угу — отвечает глухо.

Нешадно клонит в сон и сопротивляться сил нет.

Руслан.

Маришка засыпает рядом, сладко посапывая. Открываю глаза и смотрю на мою родную девочку. Она такая милая, красивая, смешно морщит носик во сне. Я так сильно люблю её. Не представляю даже как бы я жил дальше, если бы она не вернулась вчера ко мне. Она словно солнышко греет душу и освещает мою жизнь. Дарит надежду, что ещё не всё потеряно и ей отчего-то хочется верить. Хочется быть нормальным рядом с ней, очень.

Но что будет дальше даже предположить сложно. Может всё же есть смысл попробовать поменять центр, но где вообще взять средства? Квота если и будет, только на следующий год и то могут не дать, так как предыдущая не дала результатов. Обидно очень, что всё так получилось. Ведь я надеялся на лучший исход.

Пытаюсь отвлечься от этих мыслей, что гложут уже который день, прикрываю глаза, пытаюсь нормально выдохнуть. Но предательская влага, всё же соскальзывает по виску.

— Эй, ты чего- слышу Маришку.

Да как же не вовремя-то, так стыдно за свою слабость.

Она обнимает и целует в щёку.

— Ты расстроился, что переехал ко мне? Тебе не комфортно здесь?

Что?

Не могу сдержаться и улыбаюсь в ответ. Как она могла только додуматься до этого?

— Нет конечно — обнимаю её крепче и целую в макушку.

— Тогда поводов для грусти я не вижу, мы же хотели отметить? И где наша пицца — приподнимается надо мною.

— Проголодалась? — подкалываю её.

— Чертовски — улыбается и чуть склоняется ближе. Целует сама так проникновенно, что забываю обо всём, чувствую только её нежные прикосновения губ.

— Маришка — притягиваю её ближе к себе, она опускается мне на грудь и улыбается.

— Не переживай, у нас всё получится — тихонько гладит по груди.

Надеюсь.

— Я постараюсь — обещаю ей.

Действительно, что это я совсем раскис. Она, такая хрупка и нежная тацит всё на своих плечах. А я сдался, ещё не попробовав толком ничего. Она верит в меня, и я не хочу её подводить.

— Прости меня — заглядываю в любимые глаза — немного расслабился — оправдываюсь — больше не буду.

— Расслабляться как раз надо, а вот переживать не стоит.

Не стоит, согласен. Рядом с тобою всё всегда приобретает яркие краски, родная моя. Спасибо тебе.

Она целует в губы, быстро.

— Я очень тебя люблю — захотелось признаться ей, моей необыкновенной девочке.

Неожиданно раздаётся звонок в дверь.

— Вот и пицца — Маринка улыбнулась и поднялась с дивана — я открою, а ты медленно поднимайся.

— Хорошо.

Спасибо за заботу. Она скрывается за дверью. Я как коряга поднимаюсь на диване, медленно. Правда спина болеть меньше стала и двигаться стало легче.

Маришкины пальчики творят чудеса.

Маринка заходит с двумя коробками пиццы и расставляет их на столике.

— Я не знал какие ты любишь, поэтому заказал на свой вкус.

— Ничего страшного — она придвигает столик и присаживается рядом — я и не сомневаюсь в твоём вкусе — улыбнулась и открыла коробку. Аромат моментально заполнил комнату, аж в животе заурчало.

Я открыл вторую коробку и стащил долгожданный кусочек. М аж глаза прикрылись от удовольствия, как же вкусно.

— Да ты сильно проголодался — смеётся Маришка и пробует вторую пиццу.

— Очень.

— Да сегодня немного суматошный день получился- опускает взгляд.

— Сегодня самый замечательный день — беру её за руку.

— Да я очень рада, что ты переехал ко мне.

— Я тоже — признаюсь — мне очень не хватало тебя последнее время.

— Я очень скучала — она прижимается плечом к моему.

Ты даже не представляешь, как мне было плохо без тебя.

— За начало новой жизни — Маринка приподнимает кусочек пиццы, словно это бокал.

— За начало нашей новой жизни — отвечаю ей и импровизированно чокаемся кусочками пиццы.

Смеёмся.

На душе так хорошо и легко становится.

Ощущаю себя таким счастливым рядом с ней. Она мой солнечный человечек. И плевать, что будет дальше. Здесь и сейчас я очень счастлив.

Марина.

После ужина уговариваю Руслана на массаж. Он сетует, что я устала и пора спать. Он прав конечно, но для него это нужно и важно для его здоровья. Я очень хочу ему помочь.

Меня поразил момент его сегодняшней слабости. Я понимаю, что ему очень горько принимать слова Петра Семёновича. Надо настраивать его на лучшее и вселять веру в свои силы. Ведь раньше он находил их или им руководила боль, обида и злость на родителей. А сейчас он отпустил ситуацию. Но сейчас ему нужна вера и хоть какие-то малые результаты, чтобы облегчить состояние.

И слава Богу я вовремя проснулась и выдернула его из этого состояния.

Разминаю его спину. Мышцы стали не такими закоксованными и расслабление наступает гораздо быстрее. Это хорошо. Он практически не дёргается, когда прорабатываю поясницу. Значит боль отступает. Это очень хорошо. У нас всё получится, хороший мой, только верь.

После массажа сбегая в ванну. Когда возвращаюсь Руслан уже крепко спит, значит нужный эффект достигнут.

Укрываю его спину одеялом и выключаю свет.

Тихонько пробираюсь к стенке и ложусь рядом с ним, стараясь не разбудить.

Завтра обязательно вытащу его в бассейн, это будет очень полезно для спины.

Видимо сказывается усталость от сегодняшнего суматошного дня и проваливаюсь в сон.

Утром просыпаюсь от неких звуков. Открываю глаза уже светло на улице. Осматриваюсь. Руслана в постели нет. Звук снова повторяется, и я понимаю, что они доносятся с кухни.

Поднимаюсь, набрасываю халат и спешу на кухню, уж очень любопытно.

Руслан расставляет посуду на столе.

— Привет соня — он так счастливо улыбается, что на душе становится тепло.

Он осваивается у меня и чувствует себя как дома. Это очень приятно.

— Привет, родной — целую его в щёку.

Он немного смущается и закусывает губу.

— Я тут похозяйничал, ничего? — нерешительно смотрит и ставит на стол тарелку с жаренной картошкой.

— Ты же дома, пользуйся все чем хочешь и делай что хочешь, Руслан — поражаюсь ему.

— Ну ладно — ставит тарелку себе — присаживайся — указывает на табурет.

— Я сейчас — сбегая в ванну.

Привожу себя в порядок. Так приятно наблюдать в ванной пару к своей зубной щётке, которая столько лет стояла в одиночестве.

Я практически не жила ни с кем вот так. Не считая Антона и то, мы встречались, а не жили бок о бок.

И это немного волнительно, но так приятно. Приятно заботиться о нём и получать поддержку в ответ и любовь.

Меня переполняют чувства к Руслану.

Окрылённая, выхожу из ванны и захожу на кухню.

Руслан присел на табурет и недоумённо смотрит на меня. Наверное, улыбаюсь сейчас

как дурочка, но мне хочется улыбаться, ведь люблю его больше всех на свете.

Подхожу к нему обнимаю его.

— Марин — немного растерянно звучит его голос.

Не ожидал?

Нежно обнимает в ответ.

Целую его в щёку. Он улыбается.

— Захотелось тебя обнять — объясняю своё поведение.

— Правда — удивляется.

— Да, такое приятное утро.

— Угу — притягивает к себе, заставляя сесть к себе на колени. Осторожно опускаюсь, обнимаю его за шею.

— Такое необычно уютное — говорит мне на ухо.

Обнимает, словно тёплым одеялом укутывает, мне так хорошо с ним.

— Мне так хорошо с тобою — признаюсь ему.

— Правда? — удивляется.

— Угу — утыкаюсь носом ему в шею, он обнимает крепче.

— Скоро все мои старания остынут и будет не вкусно — говорит мне на ухо.

— А? — немного отстраняюсь.

— Наш завтрак скоро покроется инеем.

— Разогреем, не переживай.

— А я хочу, чтобы ты свежее попробовала — тянется за вилкой и подцепляет пару картошин. Подносит вилку к губам.

— Попробуй — просит.

Невозможно устоять перед ароматом его жареной картошки и подчиняюсь.

— М- чуть язык не прикусила от удовольствия.

Он тоже пробует и улыбается мне.

Надо тоже его побаловать.

— Ты не так ешь — забираю у него вилку и подцепляю картошку.

— Вот так — подношу вилку к его губам.

Он удивлённо распахивает губы и пробует.

— А теперь, м м м — стону — с удовольствием!

Он начинает смеяться, чуть не давится.

— Прости, но ты так аппетитно ешь — подцепляю картошку себе.

— Эй теперь моя очередь — забирает у меня из рук вилку.

Ну вот поела картошечки!

— С удовольствием! — приподнимает одну бровь и подносит вилку с картошкой к моим губам.

Ему понравилось.

— М — мурчу от тающего вкуса во рту и прикрываю глаза.

Не успеваю проглотить, как ощущаю прикосновение его губ к моим. Очень нежное и тёплое прикосновение. Распахиваю глаза.

— Не удержался — скромно улыбается и закусывает губу.

Целую его в ответ.

— Мы так не сможем нормально поесть — говорю ему.

— Не сможем — мотает головой.

— Ладно — пытаюсь подняться, но он удерживает у себя на коленях.

— А я хочу так — удивляет меня признанием.

— Мне тоже так больше нравится — тянусь за своей вилкой.

Мы продолжаем кормить друг друга до последней крошки-картошки.

Руслан выглядит счастливым и это очень радует. Надеюсь его вчерашняя хандра не вернётся. Он меняется, больше открывается. Это очень приятно. Надеюсь он когда-нибудь начнёт мне доверять полностью и проблем с доверием в его жизни больше не будет.

После завтрака делаю ему массаж, прорабатывая все мышцы. В какой-то момент он морщится. Всё же больно поясницу, но возможно не так сильно, как раньше. Раньше он дёргался и вскрикивал.

— Так, ну всё — говорю ему, когда заканчиваю массаж.

— Спасибо — бормочет разморено.

— Не спи скоро в бассейн собираться будем — говорю ему.

— Куда? — поворачивает голову и удивлённо смотрит на меня.

— В бассейн — говорю и сбегая от расспросов в ванну смывать мазь.

Марина.

Собираемся в бассейн. Руслан немного нервничает, переживает, что всё опять за мой счёт. Пытаюсь убедить его, что это всё для его здоровья и возможно это поможет ему. Не верит, конечно, но собирается.

Пока было время посмотрела в интернете несколько упражнений в воде, которые могли быть ему полезны.

Через час мы наконец-то в бассейне.

Выхожу из раздевалки и прохожу к воде. Руслана не вижу. Наверное, ещё в раздевалке. Встаю у стеночки, ожидая его.

Через пару минут он выходит из раздевалки и медленно, чуть хромя. От чего? Всё же было хорошо.

Срываюсь к нему на встречу.

— Что случилось? — подхватываю его под руку.

— Поскользнулся на воде — говорит тихо и немного морщится.

— Упал? — только не это!

— Нет дёрнулся сильно, свело немного.

Мы доходим до воды.

— Подожди — останавливаю его.

Он недоумённо смотрит на меня.

— Облокотись на поручни, чуть наклоняясь- объясняю.

Надо немного растянуть мышцы.

Он берётся за поручни и чуть склоняется немного морщась.

— Хорошо — скольжу пальцами по его пояснице, пытаюсь немного растереть сведённые мышцы.

— Ну не здесь же Марин! — возмущается Руслан.

Стесняется.

— Мы кому-то мешаем?

— Нет — тихо.

— Поэтому не заморачивайся — прорабатываю болезненный участок, Руслан немного морщится.

— Надо немного растянуть мышцы — объясняю ему.

Когда мышцы под пальцами расслабляются отпускаю его.

— Вот теперь можно в воду — говорю ему.

Он медленно распрямляется и оборачивается.

— Спасибо- скромно говорит.

— Легче стало? — мне надо убедиться.

— Да отпустило, ты творишь чудеса — улыбнулся открыто и тепло.

— Идём в воду — подталкиваю его.

Он опускается первым в воду, я следом.

Вода чуть прохладная.

— Пойдём где поглубже — предлагаю ему.

— Поплыли — говорит неожиданно и ныряет под воду.

Оторваться не могу от завораживающего зрелища, как грациозно он плывёт, плавные отточенные движения. Я просто залипаю.

— Ты чего отстаёшь? — кричит мне Руслан, когда выныривает и хватается за бортик.

А я понимаю, что так и стаю по пояс в воде.

Ныряю и доплываю до него.

— Ты где научился плавать? — не могу удержаться от вопроса.

— В школе, а что? — удивляется.

— Ты двигаешься как профессиональный пловец.

— Ну я часто занимался плаванием, даже в секцию ходил, потом времени не было, так всё и забросил.

— Зря, стал бы спортсменом — подкалываю его.

— Может быть, не пошёл в тот злополучный центр и с Ником всё было бы в порядке — грустно опускает взгляд.

Я всё время забываю, что он до сих пор чувствует себя виноватым.

— Возможно, а возможно нет, ведь от судьбы не уйдёшь, как говорят.

— Ну да, тогда бы мы с тобою не встретились — грустно улыбается.

— Вот именно.

Неожиданно он притягивает к себе ближе, поднимает мои ноги себе на бёдра.

От неожиданности вцепляюсь ему в плечи. Он улыбается.

Прижимает ближе к себе.

— Я всё равно бы тебя нашёл — говорит на ухо.

От его слов мурашки рассыпаются по спине.

— А я бы тебя ждала — признаюсь ему.

Он нежно целует в висок.

— Тебе не тяжело? — опминаюсь.

— Нет ты пушинка — отвечает и немного отстраняется.

— Хорошо, но я планировала позаниматься — вспоминаю зачем мы вообще здесь.

— Ладно — отпускает меня — сначала догони — он срывается с места, вот же блин.

Ныряю следом и пытаюсь догнать, но куда там один его гребок стоит моих двух.

Почти выдохлась пока доплыла до конца дистанции. Руслан меня ждал со счастливой улыбкой. Такой его настрой мне нравится.

— Выиграл! Молодец — зацепляюсь за бортик и пытаюсь отдышаться.

— Ага — он такой довольный.

— Ты не хочешь заниматься я так поняла.

— Можно сегодня мы просто поплаваем — умоляюще смотрит на меня.

— Тебе легче в воде?

— Да, так расслабляет и лёгкость во всём теле. Возникает ощущение, что я всё могу — грустно опускает взгляд.

— Ты всё сможешь, стоит только приложить усилие.

— Не знаю.

— А ты и не узнаешь, пока не попробуешь.

Не знаю, как уже убедить его, ныряю под воду и отплываю немного. Не хочет не стану настаивать. Он сам должен в первую очередь понимать и стремиться к этому. Если не хочет пусть так.

Выныриваю из воды и ощущаю, как меня крепко обнимают сзади.

— Решила сбежать — Руслан говорит на ухо и прижимает к себе.

— Дала время подумать — отвечаю ему.

— Ладно — отпускает меня- только не смейся, если у меня ничего не получится — нерешительно смотрит на меня.

Он стеснялся заниматься со мною и боится показаться слабым?

— С первого раза возможно и у меня не получится, поэтому не смейся — успокаиваю его.

— Ты будешь делать со мною? — поражённо смотрит на меня.

— Конечно, должна же я понимать, на что толкаю своего любимого человечка — подхожу ближе и быстро прижимаюсь к чуть приоткрытым губам.

— Маришка — он тепло улыбается в ответ и обнимает крепко.

— Никогда не думай о себе так. Ты сильный и у тебя всё получится, пусть и не с первого раза, но получится. Главное, чтобы ты сам хотел этого — пытаюсь донести до него.

— Хорошо, давай попробуем.

— Давай — целую его в кончик носа, и он счастливо улыбается в ответ отпуская меня.

Вспоминаю упражнения, что просматривала накануне, и мы начинаем делать.

Они не очень сложные на растяжку, но требующие усилий. Руслан выполняет все упражнения и даже не морщится, а наоборот у него появляется какой-то азарт, и мы веселимся в воде. Иногда плещемся как дети, отвлекаясь от занятия. Но я рада, что пусть и в воде, но движения Руслана стали более раскованные. Значит боль отступает и ему становится лучше.

Когда заканчиваем комплекс упражнений, мы вымотанные, но счастливые. Так забавно я ещё не плавала в бассейне. Остаётся ещё пятнадцать минут от посещения, и Руслан решает поплавать, а я выбираюсь из воды и иду в раздевалку.

Надеюсь такие занятия помогут ему.

Когда сушу волосы после душа под большим феном, рядом присаживается Руслан.

— Ну как тебе наш поход? — решаюсь спросить.

— Здорово, спасибо я давно так не расслаблялся.

— Мне тоже понравилось — отвечаю ему — как твоя спина?

— Не переживай всё хорошо. Легче ходить стало.

— Это здорово!

— Угу я и сам удивился, если честно — опускает взгляд.

— Значит наши занятия станут регулярными.

— Это дорого, Марин — обеспокоенно смотрит в глаза.

— Для меня нет ничего дороже твоего здоровья и, если это хоть как-то поможет тебе, мы будем это делать.

— Я и так тебе должен, ещё и это.

— Руслан, если ты выздоровеешь это будет лучшей отдачей для меня — беру его за руку.

— Марин — его голос хрипит.

— Всё тему закрыли до твоего выздоровления, хорошо?

Он обиженно поджимает губы, а у меня уже сил нет бороться с ним.

— Прости, но мне это не нравится очень.

— У нас есть другой выход?

— Нет — глухо.

— Тогда пока живём так. Я знаю, что ты при первой же возможности постарайся

вложить свою часть в наш бюджет. Только, чтобы эта возможность у тебя была прими пока мою помощь и не грузись из-за этого. Ведь стресс плохо сказывается на восстановлении. Поэтому пока просто не говорим на эту тему, хорошо?

— Ладно — тяжело выдыхает.

Хорошо, что хоть согласился. Хотя вижу, что жрёт себя изнутри за это каждый раз. Ну ничего потом может успокоится. Впереди ещё санаторий или центр. В понедельник поговорю с Артёмом обо всём.

День спустя

На работе поговорила с Артёмом. Он порекомендовал очень хороший центр по реабилитации в котором работает его родственник. Но центр дороговатый, мне придётся брать кредит. Артём пообещал поговорить с родственником о скидке или рассрочке, так как сумма большая. Мне даже называть её Руслану страшно, потому, что он не согласится. Но я всё равно записала его на завтра на консультацию, после которой будет окончательно определена стоимость его лечения там, хотя она на много не поменяется, возможно будет чуть меньше, так как на сайте по прайсу указан потолок цен. Осталось самое сложное, уговорить его на это.

По поводу санатория можно оформить, но мне хочется устроить его в центр, там всё же он будет под присмотром врачей.

На всякий случай оформляю документы для путёвки на себя и Руслана, так как его данные остались у нас в больнице. Узнаю очерёдность. Через неделю мы можем поехать с ним. Предварительно соглашаюсь на всякий случай. За пару дней можно отказаться будет, если что.

Беру три дня без оплаты, надо решить вопрос с тем, что делать дальше с Русланом.

Через пару часов Руслан получает выписку из центра, и мы договорились встретиться в парке. Он очень удивился, что я отпросилась и хочу его встретить. По голосу был подавленным. Я не хочу оставлять его одного в таком состоянии.

Возникает бредовая мысль обратиться к его матери по поводу денег, ведь у неё есть квартира Никиты и она могла бы продать её и помочь сыну...

Хотя, о чём это я?

Но отчаянность побеждает во мне и так как у меня есть пара часов направляюсь к его матери. Даже не знаю, чего ожидать, но попробовать, наверное, стоит.

Подхожу к её квартире и нажимаю на звонок. Спустя казалось вечность она открывает. В нос бьёт запах перегара. Она сама выглядит растрёпано, неопрятно и помято.

— Здравствуйте — выдавливаю из себя.

— Чего надо? — зло смотрит на меня.

— Руслану нужна помощь — начинаю.

— Кому? Это кто такой? Его для меня больше нет! Поэтому убирайся отсюда, пока не вышвырнула — она пьяно отшатывается и нагибается за дверью.

Становится так обидно за него, ведь он мне кажется всё равно по-человечески к ней относится до сих пор, хотя мы с ним больше не говорили о ней со дня похорон.

— Что вы творите! — не могу просто молчать.

Она выглядывает из-за двери и держит в руках какую-то грязную тряпку.

Выгонять меня собралась?

— Пошла отсюда! — она замахивается тряпкой.

Да хреновая была затея.

— Я, то уйду, а вы к чему стремились того и добились! Одна при живом родном сыне, которого знать не хотите, от которого отказались, из жизни вычеркнули! И как живётся-то? Смотрю отлично!

— Заткнись! — становится ещё злее.

Похоже задела я её сильно.

— Это вы не достойны такого сына как Руслан! Вы и мизинца его не стоите! — кричу в сердцах и отбегаю от двери иначе бы прилетело вонючей тряпкой.

— Пошла отсюда — она машет тряпкой-шваль.

— Да пошла ты недомать! — не могу уже выдержать всего этого и пусть прилетит тряпкой в спину, но я сказала ей это всё же.

Сбегаю с лесенок и выскакиваю из подъезда. Вот это поговорила! Первый раз в жизни посылаю человека старше себя, но она меня довела. Даже успокоится не получается. А ещё же к Руслану идти. Дура! Знала же что идея провальная.

Неожиданно звенит телефон. Неужели Руслан раньше закончил?

Достаю телефон — это мама слава Богу.

— Привет мам.

— Привет родная, что с голосом?

— Да так неприятности небольшие — не хочу, чтобы она переживала ещё из-за меня.

— Ну судя по тону очень большие. Может придёшь, я соскучилась очень.

Мам, так хочется обнять её. А почему бы и нет. У меня ещё есть время перед встречей с Русланом.

— Хорошо сейчас буду, такси только вызову.

— Ты не на работе — встревоженно.

— Нет выходной у меня — оправдываюсь.

— Хорошо, тогда жду.

— Мам только не готовь ничего, мне с Русланом через час встречаться надо.

— Хорошо, жду.

— До встречи.

Вызываю такси и еду к маме. Я не видела её полторы недели назад, наверное. Мне столько всего надо ей рассказать, боюсь в час не уложусь.

Марина.

Рассказываю всё маме как на духу. У меня нет от неё секретов. Она очень обрадовалась, что Руслан переехал ко мне и мы теперь живём вместе.

За разговором и не заметила, как пролетело время. Подпрыгиваю от телефонного звонка. Руслан.

— Мам меня Руслан уже потерял — говорю ей и отвечаю на телефон.

— Привет.

— Привет Мариш- голос поникший — ты где? Я уже пять минут тут торчу и тебя не вижу.

— Я у мамы, уже выхожу, подожди чуть-чуть.

— Так сказала бы я бы к вам приехал.

Да не догадалась, но мне надо с ним поговорить наедине.

— Ладно я уже выхожу, подожди меня.

— Хорошо, жду — бурчит и кладёт трубку.

Обуваюсь быстренько. Мама куда-то запропастилась. Вызываю такси.

— Мам мне пора — накидываю ветровку.

Мама выходит из комнаты и держит в руках свёрток.

— Вот, Марин возьми, вам с пригодится — протягивает мне свёрток.

Забираю, разворачиваю, а там деньги и прилично.

— Мам, ты что? Зачем? — пытаюсь отдать ей обратно.

— Нет, бери, Руслану поможешь. А мне пока ни к чему.

— Ты копила на что-то? — любопытно очень.

— Да на что мне ещё копить, как не на чёрный день — отмахивается — на встречу с Лёшей копила. Но теперь придётся ему подождать — улыбается.

— Мам, не торопись туда, мне ты здесь очень нужна — на глаза слёзы наворачиваются.

Обнимаю её крепко.

— Ладно беги к нему, ведь вся извелась уже — мама отстраняется немного.

— Хорошо, приходи к нам, я три дня отдыхаю.

— Посмотрим, созвонимся.

— Хорошо — целую её в морщинистую щёчку — я тебя очень люблю — говорю ей и отстраняюсь.

— А я тебя солнышко, беги давай.

— Спасибо, мам, за помощь. Ему очень она нужна, особенно сейчас.

Какая же она у меня замечательная.

— Да ладно они у меня просто лежали, а тут человеку помогут. Давай беги, а то переживает же, потерял.

— Ага — убираю деньги в сумку. Их хватит на часть лечения, это просто здорово!

Машина назначена.

— Ну всё я побежала.

— Привет ему передавай от меня — мама провожает меня. Так хорошо, что она у меня есть. Очень люблю моего солнечного человечка.

В течение пяти минут доезжаю до парка на такси. Пробегаю по аллее и замечаю на

одной из лавочек Руслана. Он пока не видит меня и смотрит что-то в телефоне, выглядит очень подавленным.

— Привет — подхожу к нему.

Хочу обнять, но его серьёзный взгляд пригвозждает к месту.

— Зачем ты ходила к моей матери? — говорит хрипло, вышибая почву из-под ног.

Неужели она ему звонила и жаловалась на меня?

— Какая помощь мне нужна? Зачем? М...

Да предстоит не простой разговор.

— Так давай я сначала всё тебе расскажу, а ты уже сам поймёшь, как так получилось — говорю ему.

— Уж будь добра объясни, а то я что-то ничего не понимаю, Марин!

Замечаю, как подрагивают его руки. Переживает.

Не могу я так разговаривать, он словно чужой, закрытый.

Подхожу к нему, чуть склоняюсь и обнимаю его за шею.

— Я всё тебе расскажу, не переживай так пожалуйста — целую его в щёку — я хотела, как лучше, а оказалось.

— Почему за моей спиной? — пронзительно вглядывается в глаза.

— Хотела, чтобы ты подумал, что это её инициатива — оправдываю свою глупость.

— Что? И ты думаешь я поверил бы? Зачем ты играешь на моих чувствах!

Что?

— Я не играю! Я хотела, чтобы она поучаствовала в твоей жизни! Помогла! Я надеялась, что она одумалась за это время!

— Ты её просто не знаешь — говорит грустно.

— Прости, я должна была поговорить с тобой сначала, но я знала, что ты не согласишься, поэтому решила сама, прости.

— На что не соглашусь? — вглядывается в глаза.

— Поговорить с ней.

— А. — выдыхает с облегчением — Ну да и тебя бы не пустил к ней, если бы знал.

— Прости — присаживаюсь рядом с ним на скамейку.

Из меня словно все силы выкачали, прикрываю глаза.

— Дурочка моя — обнимает со спины, притягивая к себе — она тебя обидела? — спрашивает вкрадчиво.

— Не страшно, конечно не хотелось получить грязной тряпкой по лицу.

— Что? — он встревоженно смотрит на меня.

— Я увернулась, не переживай.

— Господи. Мариш, ну зачем ты к ней пошла, а? — обнимает крепче и укладывает к себе на плечо.

Прижимается губами к виску очень нежно.

— Прости, если бы я только знал, остановил бы тебя от такой глупости.

— Это ещё не всё — начинаю.

— Я догадался — выдыхает — рассказывай.

— Я записала тебя на завтра в центр реабилитации Кленова на консультацию. Там работает родственник Артёма и он очень хвалил этот центр.

— Мне тоже прежний советовали — бурчит.

— Давай хотя бы на консультацию сходим.

— А дальше? Там ценник наверняка большой.

Очень.

— Ну можно поговорить о рассрочке, скидке, придумать что-то. Кредит взять, тем более...

— Нет, Марин. Уж что-что, а кредит ты брать не будешь! — говорит резко и отстраняется.

Так и знала!

— Ты поэтому пошла к матери? — спрашивает вкрадчиво.

Киваю.

— У неё ж денег нет забыла? — усмехается.

— Есть пустая квартира.

— Она её не продаст, тем более ради меня.

— Мама дала деньги, там на половину или треть точно хватит — признаюсь.

— Что? Ты взяла деньги у мамы? Зачем? — взволнованно вглядывается в глаза.

— Она сама дала, хотела помочь тебе и обратно не взяла — объясняю.

— Ой, Маришка — прижимает к себе крепче — какие же вы с мамой сердечные, я вам поражаюсь просто — мотает головой.

— Потому, что ты наша семья и семье мы помогаем как можем. Ты разве это ещё не понял?

— Понял, солнышко, давно уже — прижимается губами к виску.

— Только не отказывайся, пожалуйста — прошу его.

— Я не знаю, может в профсоюз обратиться на работе, может хоть часть лечения компенсируют, не знаю — говорит немного растеряно.

Ну хоть не отказывается.

— Давай попробуем, а там видно будет.

— Хорошо, Мариш, только не делай больше ничего за моей спиной. Это неприятно и больно.

— Хорошо- соглашаюсь — прости меня.

— Девочка моя — обнимает крепче — что бы я делал без тебя? — целует в щёку очень нежно.

— У меня есть хорошие новости ещё?

— Да? Шквал новостей не заканчивается? — улыбается.

— Я три дня взяла выходных и буду с тобою — признаюсь.

— Это здорово — он улыбнулся так счастливо.

— Угу. А ещё я оформила путёвки нам с тобою в санаторий через неделю, я подумала если ты не согласишься на центр, то хотя бы на санаторий согласишься. Можно отказаться за пару дней до выезда.

— Хорошо, посмотрим, что нам скажут завтра и у меня на работе. Будем отталкиваться от данности.

— Спасибо, что не отказываешься.

— Марин, это тебе спасибо, что ты со мною, ещё и нянчишься как с маленьким. Другая бы давно послала бы.

— Я не другая — поражаюсь ему — я очень тебя люблю- тянусь к нему и целую в губы быстро.

— Я знаю, ты у меня одна такая, родная — улыбается и целует в ответ очень нежно.

Люблю его очень сильно.

Руслан.

После того как забрал свои документы от Петра Семёновича и направление на МСЭК думал ничего больше не способно меня поразить и добить сегодня.

Решил прогуляться пешком до парка и проветрить голову. На улице очень солнечно и тепло. Ходить намного легче стало после бассейна. Я и не думал, что это мне как-то поможет. А ещё моя Маришка, её руки творят чудеса, она так расслабляет меня.

Только теперь понимаю, каким дураком был, что хотел отказаться от всего этого счастья. Ведь она вся моя жизнь. Она родная моя душа. Я так сильно люблю её, что порой кажется, и жизни у меня не было до неё. До её появления в моей жизни, в моём существовании. С ней словно открываешь для себя новый мир, такой яркий, красочный, он внутри неё, и он прекрасен. Она моё солнце, моя вселенная, моя родная душа.

Когда дошёл до парка решил набрать Маришку, чтобы не разойтись, не потеряться.

Она, оказывается, у мамы была, и только выбегает. Хоть бы предупредила! Я бы хотел приехать к ним. Давно я не видел её маму и соскучился. Не хватает того ощущения семьи, что возникло на ужине с её мамой. Она очень добрая и приятная женщина.

Ну, ладно решила так, значит надо. Может, им посекретничать надо было, а тут я. Наверное, и не надо было мне к ним приезжать.

Присаживаюсь на ближайшую лавочку. Что-то я переусердствовал, спина немного ныть начала.

Неожиданно в кармане зазвонил телефон. Наверное, Маринка потеряла меня.

От имени входящего абонента по спине прошёл холодок. Вспомнила, спустя столько времени. Что ей нужно? Брать трубку отчего-то совсем не хочется. Может случилось что?

— Слушаю — не ожидал, что голос меня выдаст.

— Что так занят, что трубку взять не можешь, когда я звоню. Или забыл совсем со своей профурсеткой о матери? — как-то очень странно и развязно звучит её голос.

— Что-то случилось? — решаю спросить.

— Хм. У меня всё отлично! А вот у тебя похоже проблемы! Ты и месяца не можешь самостоятельно прожить! Помощь тебе моя понадобилась! Во, что опять ты вляпался! Ни копейки тебе не дам и чтоб твоя дрянь, больше на порог не совалась!

От переизбытка информации мозг взорвётся, наверное.

— Ты о чём? — не пойму ничего.

— О чём? Твоя врачиха сегодня заявила ко мне и просила тебе помочь! Это ты мне помогать должен, я твоя мать!

Маринка? Зачем она ходила к матери? Да ещё и с такой просьбой? Ничего не пойму.

— Никто никому ничего не должен! — да сколько можно с меня вытягивать все жилы! — А про Марину не смей так говорить! — так бесит её такое отношение к моей девочке — Ты её не знаешь! Да ты и меня не знаешь и знать не хочешь. Ради чего тогда звонишь?

— Чтобы она...

Не могу больше всё это слушать.

— Забудь этот номер! — обрываю её, скидываю звонок и заново номер в блок.

Господи ведь вроде бы родной человек, но почему всё так. Почему иногда чужой

человек роднее и ближе, чем кровный.

Зачем Маринка ходила к ней? Просила о помощи. Что вообще стряслось? Не поэтому ли она поехала к своей матери? Ну почему просто не поговорить со мною? Не могу понять этого. Почему-то так обидно становится, почему я последним должен обо всём узнавать.

Замечаю Маринку, подбегает такая, взволнованная, раскрасневшаяся.

— Привет — говорит немного отдыхиваясь.

— Зачем ты ходила к моей матери? — задаю мучающий меня вопрос.

Она теряется немного. Не ожидала, что я всё узнаю?

— Какая помощь мне нужна? Зачем? М... — не могу сдержаться, меня бомбит уже от всего.

— Так давай я сначала всё тебе расскажу, а ты уже сам поймёшь, как так получилось.

Уж постарайся.

Маринка рассказывает мне всё, а я с каждым её словом всё больше поражаюсь её смелости и решительности.

Она моя опора в этой жизни. И даже если, кажется, что всё кончено и нет никакой надежды, Маришка возьмёт за руку и скажет, пойдём, давай попробуем ещё. Ещё не время сдаваться. Мне очень хочется ей верить и очень страшно разочаровать и не оправдать её ожиданий.

Она нашла центр в котором мне, возможно помогут, но он частный и средств у меня на него нет. Моя отчаянная девочка решила возвать к совести матери. Наивная. Ей всё равно на меня. Тем более после того как я не смог помочь отцу, я для неё враг номер один. Не нужно было Маришке идти к ней. Я даже не представляю, что ей пришлось пережить сегодня. Мать, похоже, опустилась совсем, и как показалось по голосу, была не совсем трезва. Выгонять Маришку из квартиры, ещё и грязной тряпкой. Господи, как неприятно это всё. Больно понимать, что это происходит с некогда близким тебе человеком, и ты ничего сделать не можешь. Потому, что ты ничего не значишь для него. Вроде бы я уже пережил всё это давно, но отчего-то в груди сжимается что-то при мысли, что это моя мать. Обидно и больно, чем я заслужил такое отношение, ведь я тоже её сын и всю жизнь им был. Но похоже об этом думал только я. Не заслужила моя девочка такого свинства со стороны матери. Прости меня, если бы я только знал, что ты задумала, не пустил бы к матери никогда.

Я поражаюсь Маришке, она настолько верит в меня, что у меня всё получится. Её вера в какой-то мере передаётся мне, ведь она врач и знает многое. Я хочу ей верить.

Завтра мы с ней идём в новый центр на консультацию. Нам должны озвучить сумму за моё лечение.

Когда узнал, что мама Марины дала деньги на моё лечение, я был в шоке. Как так? Как человек, который видел меня всего пару раз, дал большую сумму, не задумываясь даже и не спрашивая. Я до сих пор в шоке от её мамы. Она очень добрый и отзывчивый человек. И я искренне проникся к ней. Мне очень неудобно брать у неё деньги. Мне ещё никто в жизни так не помогал, как Маришка и её мама. Я очень благодарен им обеим за заботу.

Однажды с работы мне обещали помочь, если что-то нужно будет. Можно попробовать обратиться к ним. Я всё равно не дам Маринки полностью всё оплатить. Она уже кредит брать собралась. Не позволю ей это сделать. Мне так неприятно от того, что всё сейчас на Маришке. Одно радуется у нас с ней впереди три дня вместе, и я очень рад этому.

Обнимаю крепко свою девочку, я так счастлив, что у меня есть ты.

Марина.

Обнимаю Руслана. Он такой подавленный сейчас, ему сложно. Но, слава Богу, он не отказывается от лечения категорично и согласился на завтрашнюю консультацию.

Надо немного развеять его.

Прижимаюсь губами к его виску, хочу, чтобы почувствовал поддержку и понял, что я буду рядом, что бы с ним не случилось. Ведь он самое дорогое и ценное, что есть в моей жизни. Родной мой человечек.

— Может, пойдём домой? — говорю ему на ухо.

— Угу — отпускает меня и отстраняется.

— Хочешь прогуляться?

— Нет, я сюда пешком шёл — болезненно жмурится.

— Переусердствовал?

— Хотел немного развеяться, после бассейна легче стало. Не рассчитал немного — опускает взгляд.

— Хорошо, я вызову такси — заказываю машину.

— Марин, прости ещё раз за мать. Она не должна была так поступать.

Ему так стыдно за мать.

— Я предполагала подобное, ты не должен извиняться за неё — беру его за руку.

— У меня до сих пор в голове не укладывается это всё — в его взгляде плещется боль.

— Я сама не должна была идти к ней. Это была моя инициатива. А инициатива как говорят наказуема. Не переживай — беру его за руку.

— Не так всё должно быть, не так — мотает головой — мне порой кажется, что вся моя жизнь должна была пройти не так.

Наконец-то заговорил о болезном.

— Руслан — обнимаю его со спины, притягиваю к себе — как бы она не прошла, всё нам даётся для чего-то.

— Я знаю — улыбнулся — после всего, я встретил тебя.

Его слова пробрали до слёз. Прижимаюсь к его плечу.

— Эй, ты чего? — обнимает со спины и прижимается губами к виску.

— Ничего — засмутил.

Неожиданно зазвенел телефон и Руслан отстранился.

— Такси приехало — смотрю сообщения.

— Идём — Руслан поднимается и протягивает мне ладонь.

— Идём — отвечаю и поднимаюсь со скамейки.

Пока идём до машины, замечаю, что Руслан стал двигаться более раскованно. Он же сказал, что после бассейна ему легче и физио он не делал сегодня.

— Ты лучше ходишь — говорю ему в машине.

— Стараюсь — улыбнулся — сегодня как-то легче стало.

— Хорошо — сжимаю его ладонь.

До дома добираемся довольно быстро.

Пока Руслан переодевается, возникает идея как его расслабить. Проскакиваю в ванную комнату и набираю ванну с пеной.

— Ты чего тут? — Руслан заглядывает в ванну и озадаченно смотрит на ванну с пеной.

— А это релакс — отвечаю.

— М, будешь ванну принимать?

— Неа, это для тебя — затягиваю его за руку в ванную комнату.

— Что? — недоумённо смотрит на меня.

— Раздевайся — берусь за край его футболки и стягиваю её.

— А ты? — притягивает к себе за пояс платья.

— А я гуру, мне нельзя — смеюсь и пытаюсь увернуться от его шаловливых рук.

— Ну так не интересно.

— Ты ещё не пробовал!

— Я хочу с тобою.

— Я буду рядом, обещаю — целую его в щёку.

— Ну, ладно — обречённо выдыхает и отпускает меня.

Раздевается и забирается в ванну. Как только оказывается в воде, блаженно закрывает глаза.

— Как хорошо — бормочет.

— А ты не хотел — присаживаюсь на край и начинаю разминать ему плечи.

Он открывает глаза и улыбается.

— Мне так хорошо, Марин — говорит хрипло.

— Я рада.

Он протягивает руку и развязывает пояс на платье.

— Что ты делаешь? — не успеваю увернуться, как полы платья распахиваются.

— Так гораздо интереснее — хитро улыбается.

Сдаюсь.

— Ладно — поднимаюсь с края ванны и открываю пробку в ванной.

— Ты что? — Руслан удивлённо смотрит на меня.

— Воды много, перельётся через край — объясняю и скидываю платье.

— М...

Снимаю бельё и закрываю пробку в ванной, вроде не должно перелиться.

Перелажу через край ванны и присаживаюсь. Руслан притягивает к себе, позволяя лечь на него. Как же хорошо в горячей воде.

— Так гораздо лучше — мурлычет мне на ухо Руслан.

— Лучше — соглашаюсь.

Это просто блаженство, так приятна его близость. Он целует в скулу и обнимает, скользит по телу, разгоняя мурашки.

— Тебе не тяжело?

— Нет, мне очень хорошо — кусает мочку уха.

М, не могу сдержать стон и прикрываю глаза. Руслан нежно касается губами шеи и чуть сжимает грудь.

Чуть не вскрикиваю, когда он касается мочалкой моего живота

— Щекотно? — ведёт вверх и нежно моет грудь.

— Очень приятно — отвечаю, просто неожиданно.

— Ну, должен же я хоть что-то приятное для тебя сегодня сделать.

— М, мне очень хорошо, спасибо.

— Не за что, родная — нежно целует в щёку даря тепло.

Душевное тепло, дороже которого нет ничего на свете. Сегодняшние неприятности просто смываются и забываются. Остаётся только он, его прикосновения, его забота и любовь.

После такой расслабляющей ванны, хотелось просто в постель и спать. Но заставила его и себя провести Руслану очередной сеанс массажа. На удивление во время массажа болевого синдрома не наблюдалась и в конце Руслан ожидаемо заснул. Я тоже пробралась под любимый бочок и отдалась во власть морфея.

Руслан.

Нервничаю. Нервничаю? Не то слово.

Мы с Маринкой заходим в центр реабилитации, который её посоветовал Артём. Да с первых шагов понимаешь, что здесь всё очень дорого. Достаточно оглянуться вокруг. Хороший ремонт, дорогое оборудование.

— Не переживай — Маринка сжимает мои пальцы в ладони и как всегда считывает все мои эмоции.

— Мы к доктору Разумовскому — говорит Марина девушке за стойкой.

— Вы Каримов, да?

— Да, да — Маринка отвечает вместо меня, наверное, нервничает больше, чем я.

— Вас уже ждут, пятый кабинет направо — девушка улыбнулась в ответ.

— Хорошо, спасибо- ответила Маринка.

Мы направляемся к кабинету. Отчего-то мандраж такой сильный. Такого не было перед визитом к Петру Семёновичу. А тут... Может от того, что мне могут отказать и не от финансовой составляющей, а просто страшно услышать, что всё и надежды на лечение никакой нет.

Маринка неожиданно останавливается перед дверью и поворачивается ко мне.

— Руслан, чтобы он не сказал, мы продолжим бороться, слышишь. Не опускай руки, ладно? — заглядывает в глаза.

Спасибо, что ты веришь в меня.

— Хорошо — только и могу ей пообещать.

— Идём — тянет меня за руку и мы заходим в кабинет.

Марина.

Проходим с Русланом в кабинет к профессору Разумовскому Михаилу Ивановичу.

— Здравствуйте — Руслан робко здоровается и проходи дальше.

— Добрый день, располагайтесь — приятный мужчина лет пятидесяти указывает нам на стулья вокруг его стола.

Присаживаемся с Русланом. Руслан достаёт документы.

— Вы Каримов да? — спрашивает Михаил Иванович.

— Да, вот моя карта, снимки, выписка из центра — Руслан протягивает ему документы.

— Хорошо, посмотрим — он берёт его документы и просматривает историю болезни.

Изучает его последние снимки очень внимательно. Руслан очень напряжён. Сидит, потупив взгляд. Тянусь к нему под столом и сжимаю поддерживающе ладонь. Чтобы не случилось, я буду рядом с тобою родной мой. Руслан поднял на меня взгляд и еле заметно улыбнулся.

— Ну, что ж нужно провести кое-какие тесты и понять, что же происходит на самом деле. Потому, что то, что написано в выписке мне не совсем понятно, тем более по снимкам всё поправимо и такого регресса быть не должно. Как сейчас себя чувствуете? Движения с болью?

— Да, но последние дни немного легче стало — отвечает Руслан немного растеряно.

— Угу. Давайте я Вас осмотрю, пройдите на кушетку.

Руслан поднимается и проходит у кушетке.

— Ложитесь на живот — говорит профессор и проходит за ширму.

Судя по звукам, он моет руки.

Руслан располагается на кушетке. Его плечи напряжены очень.

Михаил Иванович выходит из-за ширмы и начинает осматривать спину Руслана. Поднимает футболку и судя по всему продавливая позвонки. Он спрашивает Руслана о болезненности ощущений. В какой-то момент Руслан вскрикивает.

— Так, вот здесь значит, угу — бормочет профессор — а вот здесь — спускается ниже.

Руслан мотает головой.

— Хорошо, поднимайтесь.

Профессор опять заходит за ширму и моет руки. Руслан присаживается на стул. У него такой растерянный взгляд. Не переживай родной мой.

— Так, ну всё равно нужно пройти кое-какие обследования, чтобы понимать картину в целом — Михаил Иванович присаживается за стол и берёт бумагу.

Руслан становится немного поникшим.

— Скажите, прямо, есть ли возможность лечения или нет, потому что мне сказали, что всё бесполезно — начинает Руслан.

Михаил Иванович поднимает на него взгляд.

— И у вас частный центр, у меня не так много средств, учитывая, что я больше полутора лет нахожусь на больничном. Скажите правду, может и обследоваться смысла нет — его голос срывается.

— Знаете, смысл есть, мне нужно выработать тактику вашего лечения. И смысл лечения есть, особенно сейчас, пока есть возможность исправить ваше смещение и вернуть

способность нормально ходить. По поводу обследований не переживайте, первичное оно для Вас бесплатное. В зависимости от схемы лечения стоимость составит не более двухсот тысяч, но это максимум, я ещё раз вам повторяю. После обследования всё будет ясно.

Руслан ошарашен его словами. Я согласна с Михаилом Ивановичем нельзя сейчас терять время. Тем более суммы, которая дала мама должно хватить. Хотя я смотрела их прайс, там выходило гораздо больше. Наверное, Артём постарался выбить скидку нам.

— То есть, есть ещё надежда, что не всё потеряно? — робко спрашивает Руслан.

— Надежда есть всегда — врач улыбнулся — вот пройдите на ресепшен, вас проводят на обследование, а далее уже будем устанавливать схему лечения — он протягивает направление.

— Спасибо — Руслан немного растерялся, наверное, не может поверить, что всё осуществимо.

Руслан забирает направление и поднимается со стула.

— Жду вас с результатами — говорит Михаил Иванович.

— Хорошо — Руслан идёт на выход из кабинета.

— Спасибо — говорю Михаилу Ивановичу и выбегаю следом за Русланом из кабинета.

Догоняю его уже в коридоре.

— Вот видишь, есть решение — поддерживающе беру его за руку.

— Не вериться как-то — говорит немного растеряно.

— Надо попробовать, тем более денег, что дала мама должно хватить — пытаюсь его подбодрить.

— Я с вами за всю жизнь не рассчитаюсь, Марин — поражённо смотрит на меня.

Опять он переживает из-за денег.

— Не надо ни с кем рассчитываться Руслан — беру его за руку.

— Знаю, просто это всё так...

Останавливаюсь и поворачиваюсь к нему.

— Всё, чшш — не даю ему договорить — тебе сказали, что есть возможность и нельзя терять время. Я согласна с этим. Поэтому мы будем пробовать, Руслан.

— А если это просто выкачка денег и никаких результатов не будет, Марин?

Как же сильно он боится ошибиться.

— Руслан давай попробуем, если не будет результатов ты почувствуешь при первом лечении и там будем решать что делать — пытаюсь убедить его.

— Ладно — тяжело выдыхает.

— Идём — тяну его к стойке.

— Вот мне надо пройти обследование — Руслан отдаёт направление девушке.

— Хорошо, заполните бумаги — девушка даёт ему распечатанные формы.

Пока Руслан заполняет бумаги, изучаю прайс центра ещё раз. Действительно выходит гораздо дороже, чем сказал нам Михаил Иванович.

— Ну, всё, идёмте — девушка выходит из-за стойки. Руслан поднимает на меня немного растерянный взгляд.

Поддерживающе улыбаюсь ему, он кивает в ответ и уходит вслед за девушкой.

Отхожу к креслам вдоль стены и располагаюсь, в ожидании Руслана.

Неожиданно звонит телефон. Беру трубку это мама.

— Привет Мариш, ну как у вас дела? — волнуется очень.

— Привет мам, Руслан пока на обследовании, но сказали, что шанс есть.

— Ох, как хорошо.

— Да я тоже обрадовалась. Он, правда из-за денег переживает очень.

— Не хватает, да? — очень встревоженно.

Знаю, последнее отдаст лишь бы помочь.

— Как раз должно хватить тех денег, что ты отдала. Спасибо мам. Он очень благодарен тебе.

— Да ладно, лишь бы ему во благо было.

— Так вот он и переживает, что должен кругом.

— Ничего он не должен, пусть даже не думает об этом — возмущается.

— Не может, он очень совестливый, мам.

— Ладно, потом поговорю с ним, чтобы этой дурью не маялся.

У меня аж смешок вырвался, как представила, что мама нравоучениями Руслана пытается. Люблю их обоих до невозможности.

— Хорошо, обязательно, мам.

— Может, зайдёте сегодня после всего?

— Не знаю пока, мам. Обещать не могу.

— Ладно, позвони хоть, как там у вас разрешится всё.

— Обязательно, ты только не переживай.

— Как не переживать то, вы же самые близкие.

У меня аж слёзы на глаза навернулись.

— Мам, я тебя люблю — только и могу сказать от нахлынувших эмоций.

— Я тебя тоже доченька. Сама тоже не переживай сильно. Извелась, наверное, вся.

— Ну, есть маленько — признаюсь — но слова профессора внушили надежду.

— Я очень рада. Береги себя ведь ты это всё, что есть у него и у меня.

— Постараюсь, спасибо.

— Ладно, давай пока, звони.

— Хорошо, целую.

Кладу трубку и не могу спокойно выдохнуть. Слова мамы поразили в самое сердце. На самом деле кроме меня у Руслана нет никого. И мне сдаваться никак нельзя, мне нужно помочь ему справиться со всем. И я сделаю всё возможное для этого.

Замечаю силуэт Руслана в конце коридора. Тихонечко идёт мне на встречу. Отчего-то грустный или уставший понять не могу. Его что там пытали что ли?

Поднимаюсь ему на встречу.

— Ты как? — спрашиваю, когда подхожу ближе.

— Нормально — немного морщится.

— Больно? — подхватываю его под руку.

— Да проверяли мой болевой порок, наверное.

— Что?

— Упражнения заставили делать, одно очень болезненное было.

— Просто смотрели какие ткани повреждены и насколько- объясняю ему — присядь-тяну к креслу.

— Нет, идём в кабинет, хочу вердикт услышать.

— Так — останавливаю его — присядь и выдохни, пожалуйста.

Сопит, но опускается в кресло.

— Теперь выдохни и успокойся.

Поджимает губы.

Не верит ничему.

— Ты уже прошёл обследование и как-то повлиять на результат ты не можешь.

— Нет — соглашается уже спокойнее, хорошо.

— Поэтому не переживай так. Что есть, то есть и благо есть шанс всё изменить.

— Я знаю. Пойдём уже, а то у меня терпение уже лопается — улыбнулся наконец-то.

— Идём — беру его за руку и помогаю подняться — мама звонила, переживает за тебя

— хочу отвлечь его немного.

— Да — удивляется очень.

— Конечно, ты же её любимый зять — подкалываю его.

— Ага, зять ни дать ни взять — бурчит.

— Не говори так, она очень переживает за тебя — возмущаюсь его выводам.

— Да я знаю, Марин — останавливается и заглядывает в глаза — я очень благодарен твоей маме за это. Для меня она стала очень близким человеком, и я хотел бы чаще общаться с ней.

— Можем сегодня к ней зайти — предлагаю.

— Посмотрим, давай вердикт сначала выслушаем — говорит и открывает дверь в кабинет профессора.

— Идём — беру его за руку, и мы заходим в кабинет Михаила Ивановича.

Руслан.

Заходим с Маришкой к врачу с результатами. Ей Богу как на плаху идёшь. И что скажут? Маринка права я уже ни на что повлиять не могу теперь два варианта либо «да» либо «нет».

— Можно? — выходит как-то глухо.

— О, вы уже всё прошли? Проходите — поражённо говорит Михаил Иванович.

— Да — протягиваю ему результаты и медленно присаживаюсь на стул. После этих упражнений с поясницу, словно кол вогнали.

Михаил Иванович внимательно просматривает новые снимки, а затем все результаты обследований.

Время словно остановилось. Ну, скажи же уже что-нибудь! Маринка как всегда всё считала с моего лица, взяла за руку и поддерживающе сжала мои пальцы. Я так рад, что сейчас ты рядом со мною. Сам бы я даже не пошёл бы сюда и не стал бы пробовать снова. Перевожу взгляд на Маринку, потому что на врача смотреть не выносимо мучительно. Она так проникновенно смотрит в глаза, что невольно вижу в них своё отражение, растворяюсь в её тёплом и согревающим теплом взгляде. Страх и мандраж ожидания отходят на второй план. Чтобы мне не сказали, я готов ко всему ведь ты рядом со мною, моя родная.

— Ну, что ж- голос Михаила Ивановича заставляет вздрогнуть — могу сказать, что всё поправимо. Но трудов от Вас потребуется не мало. Смещение слава Богу не стало сильнее, но оно вызывает сильные компрессию на окружающие ткани откуда и болевой синдром при пальпации и движении. Поэтому его нужно убирать по средствам ЛФК, массажа, бассейна и может быть физио, но надо наблюдать.

— От физио мне было хуже — вспоминаю.

— Вот значит, обойдёмся без него. Но учтите, что упражнения будут болезненными, но эффективными. Думаю, результаты ощутите уже через месяц.

Месяц?

— Так быстро?

— Это первые результаты и повторные снимки — он берёт бумажку и начинает что-то писать.

Двести тысяч за месяц и только возможные крохотные результаты, которых может не быть...

— А стоимость, вы говорили двести тысяч это за месяц?

— Руслан — Маринка хмурится, словно я спросил что-то не то, но я должен это знать.

— Нет — усмехнулся Михаил Иванович — это за весь период, и это по максимуму, у вас будет гораздо меньше, так как части процедур вам не нужно. Не переживайте так. К тому же оплата у нас по месяцам и фактически пройденным процедурам. Сразу такую сумму с вас никто не требует. В зависимости от долготы лечения. Но я надеюсь, обойдёмся тремя-четырьмя месяцами, в зависимости от вашего рвения, терпения и сил.

Ушам своим не верю. Неужели у меня может получиться, и я смогу снова двигаться без проблем.

— Хорошо — только и могу ответить от нахлынувших эмоций.

— Так сейчас я напишу вам программу. Девочки ознакомят вас с режимом посещения нашего центра, заключат договор и выдадут расписание процедур и лечения. Ели хотите,

можете находиться у нас круглосуточно или же приходить к началу процедур, как хотите. Но каждое ваше посещение отмечается в карте, и раз в неделю я буду вас осматривать и при необходимости корректировать лечение.

— Хорошо- повторяю как попугай и до сих пор не могу поверить, что меня берут и обещают такие радужные перспективы.

Михаил Иванович пишет программу. Маринка улыбается мне так тепло, что внутри рождается что-то тёплое, согревающее, надежда что-ли, что всё возможно получится. Этого чувства я давненько не испытывал.

— Так ну всё, отдадите девочкам, они всё оформят — он протягивает лист назначения — больничный нужен будет?

— Да — отвечаю.

— Хорошо — он делает пометку на листе бумаги — данные сообщите девочкам.

— Спасибо — забираю свою программу.

— Жду вас завтра — Михаил Иванович улыбнулся в ответ.

— Хорошо — отвечаю и поднимаюсь со стула, забывая о боли в спине и лечу на выход.

Ощущение радости и получения чего-то особенного ликует в душе. Господи, неужели в моей жизни начало что-то получатся.

— До свидания — говорит Маринка и следом за мною идёт на выход.

— До свидания — опминаюсь и выхожу за дверь.

Как только выходим в коридор, не могу удержаться и притягиваю к себе Маринку.

— Спасибо тебе за всё — крепко обнимаю своё солнышко.

Она взвизгивает от удивления, но так тепло и нежно целует в щёку.

— Я очень тебя люблю — тихо шепчет на ухо, согревая душу — У тебя всё получится.

Обязательно, родной мой — обнимает крепче.

— Я знаю, потому что ты со мною — немного отстраняюсь и целую её быстро в кончик носа.

Она смущённо улыбнулась в ответ, а я впервые за долгое время понял, что у меня всё получится, словно крылья за спиной выросли. Спасибо тебе родная, что подарила мне эти крылья, что позволила поверить, что любишь и остаёшься со мною, позволяя ощутить себя по-настоящему счастливым.

Марина.

Руслан оформляет документы за стойкой центра. Он выглядит таким взволнованным, но в то же время воодушевлённым. Заметно как подрагивают его руки при заполнении бумаг. Я стою рядом с ним.

До сих пор не верится, что всё так получилось и по деньгам и по лечению, а самое главное, что его смещение не стало сильнее. Я очень надеюсь, что прогнозы Михаила Ивановича осуществляться и у Руслана всё получиться.

Когда мы вышли из кабинета Руслан был немного ошалелым. В его взгляде зажглась надежда и уверенность. Он стал выглядеть более счастливым что ли. Как мало надо для счастья человеку? Всего лишь дали надежду на благоприятный исход, но как она изменила его состояние на глазах. Он воодушевился и начал улыбаться, глаза засияли счастьем и надеждой. Господи, да почему я раньше его сюда не затащила-то?! Ведь руки совсем сложил, расстаться хотел, инвалидом себя называл, обузой, а надо то было всего лишь поменять тактику лечения.

— Ну, всё ждём вас завтра к восьми — голос девушки вырывает из своих мыслей.

— Хорошо, спасибо — скомкано отвечает ей Руслан.

Он складывает документы в пакет.

— Идём? — говорит мне и улыбается.

— Пойдём — беру его под руку, и мы идём на выход из центра.

Он очень взволнован.

Мы выходим из центра. Погода сегодня замечательная очень тепло и солнечно.

— Я так рада, что так вышло — говорю ему и прижимаюсь щекой к его плечу.

— Мне до сих пор не вериться — его голос подрагивает.

— В хорошее всегда верится сложнее.

— Угу — тянет меня в сторону парка.

— Куда мы идём? — решаю спросить.

— Я хотел бы погулять немного, надо голову проветрить — улыбнулся.

— А твоя спина?

— Уже нормально не переживай — обнимает за спиной и притягивает ближе к себе — уже всё прошло — легко целует в висок, от чего мурашки побежали по плечам.

Мы проходим в парк. Вокруг так зелено, цветёт сирень. Яблони усыпаны белыми цветами, словно снегом, очень красиво. Очень люблю весну, словно сама жизнь просыпается в природе. Кусты в парке пострижены причудливыми формами, клумбы с первым распустившимися цветами.

— Давай сюда? — Руслан тянет меня к лавочке у пруда.

Наверное, всё-таки тяжело идти, но признаваться в этом мне не хочет.

Мы присаживаемся на лавочку, и Руслан обнимает, притягивая к себе ближе.

Обнимаю его в ответ со спины, и опускаю голову ему на плечо, вдыхая родной запах.

Ощущаю прикосновение его губ к макушке. Он выдыхает тяжело, но молчит. Ему надо переварить всю сегодняшнюю информацию. Я не тороплю его разговорами, мы молчим, но есть в этой тишине какое-то единение. Тишина не удручает, а наоборот расслабляет и успокаивает. Наслаждаюсь его близостью. Он так переживал сегодня и получил наконец-то

шанс свой долгожданный на выздоровление. Ему сложно поверить, ведь ему так тщательно вдалбливали, что уже всё и выход только один. Я так рада за него.

— Я очень тебя люблю — не устану повторять ему и беру за руку.

— А я тебя родная — обнимает крепче.

Неожиданно телефон оповещает сообщением. Руслан отстраняется, позволяя достать телефон. Смотрю смс от мамы.

— Это мама спрашивает как у тебя дела — читаю вслух.

— М. Поехали к маме? — поражает меня предложением Руслан.

Поднимаю взгляд от экрана телефона. Руслан так проникновенно вглядывается в глаза. Он же говорил, что хочет общаться с моей мамой. Его ведь мать не стала для него близкой, может моя хоть немного компенсирует ему внимание и любовь собственной. Так приятно, что он называет мою — мамой. Как я раньше не додумалась, что он душою тянется к моей маме за вниманием. Ну, и бестолочь, же твоя девушка Руслан!

— Конечно, поехали — соглашаюсь — может, сюрприз ей сделаем, и приедем без предупреждения, а то готовиться и суетиться начнёт.

— Давай — он так тепло улыбнулся.

Не удержалась и поцеловала его в губы быстро. Он ответил и притянул к себе, поцеловал, глубоко, чувственно, сильно, заставляя выпасть из реальности.

— Спасибо, что ты есть у меня — говорит Руслан, когда немного отстраняется.

— Я очень счастлива, что встретила тебя Руслан — касаюсь его чуть отросших светлых кудрей.

— А я тебя — он прикрывает глаза и легонько касается моего носа своим, так трепетно и нежно, что просто оглушивает. Я так сильно его люблю.

Руслан.

От всего происходящего просто голова кругом идёт. До конца не верится, что у меня всё получится и уже первые результаты будут через месяц. Господи спасибо. Невероятные чувства переполняют грудь. И ведь если бы не моя девочка, ничего этого бы не было. Она мой маяк в ночи, моя поддержка и опора, без которой я бы просто сбился с пути, погряз во тьме, боли. Моя хрупкая бабочка, что однажды присела на руку и вывела из тьмы. Люблю её больше жизни.

Мы с Маринкой едем к её маме в гости без предупреждения, надеюсь это не сильно её огорчит. Но я очень благодарен ей за помощь. Для меня ещё никто такого не делал, за исключением Маришки. Я порой поражаюсь Маришке и её маме. Отчего-то трогает за живое то, что ей не безразлично как у меня дела, я не безразличен со своими проблемами. Другая бы давно отговаривала бы свою дочь от такого проблемного человека, как я. Была бы против наших отношений, а она наоборот помогает и поддерживает. И мне с ней легко общаться, она очень открытый и отзывчивый человек с большим сердцем. Очень жаль, что я не застал отца Маринки живым. Я думаю, что он был замечательным человеком. безусловно любящим свою дочь, чего мне никогда не испытать...

Хотя я не жалею, возможно именно такое отношение родителей ко мне сделали меня таким, какой я сейчас есть. Что не ломает нас, делает нас сильнее, закаляет. Но, хотелось бы другого, очень...

— Что-то не так? — родной встревоженный голос вырывает из своих мыслей.

Наверное, как обычно Маринка считала всё по моему лицу.

— Всё хорошо — сжимаю нежные пальчики в ладони, стараясь убрать неприятные эмоции — помнишь ты как-то говорила про любимые мамины пирожные? Может зайдём? С пустыми руками как-то неудобно приходиться.

Хочу хоть что-то приятное сделать для её мамы.

— Ты помнишь? — произносит поражённо.

— Конечно — я всё запоминаю, что касается близких для меня людей.

— Хорошо зайдём, ей приятно будет — говорит Маринка и опускает голову мне на плечо. Мне так хорошо от её близости.

Марина.

Руслан немного волнуется, когда мы добираемся до квартиры мамы. Меня поразил его порыв купить маме пирожное. Оказывается, он помнит, что в прошлый раз мы собирались это сделать. Нажимаю на кнопку звонка, когда мы доходим до квартиры.

— Не переживай — беру его под руку.

Он волнуется, но так тепло улыбается в ответ.

Через мгновение мама открывает дверь.

— Ох, ничего себе — мама очень удивляется.

— Привет — говорю ей.

— Здравствуйте — говорит Руслан робко и опускает взгляд.

— Проходите, давайте — мама пропускает нас в квартиру — что ж без предупреждения — то — сетует.

— Сюрприз хотели сделать — говорю маме.

— Понятно, проходите — мама указывает на зал — сюрприз удался.

— Это Вам — Руслан протягивает пирожное.

— Ой, спасибо, мои любимые — мама расцветает в улыбке — спасибо мой хороший.

— Я рад — Руслан очень смущается и опускает глаза.

— Проходите, сейчас чай будем пить — мама обнимает его за плечи и слегка подталкивает в зал — а предупредили бы приготовила бы что-нибудь. Или вы голодные?

Руслан немного теряется. Стесняется сказать, что голоден?

— Мам, не переживай. Мы поэтому и не предупредили — прохожу за ними в зал — чтобы ты не хлопотала.

— Ладно, сейчас чай попьём, расскажете всё — мама отпускает Руслана — присаживайся — указывает на диван.

Руслан стесняется очень, скромно опускается на диван.

— Марин поможешь с чаем? — мама многозначительно намекает на кухню.

— Да, конечно — разворачиваюсь и иду мыть руки.

Слышу она что-то то говорит Руслану, наверное, нравоучения свои, она же собиралась.

Когда захожу на кухню мама уже бутерброды делает.

— Мы же просто чай хотели — говорю ей и присаживаюсь на табурет.

— Чай — улыбается — моришь голодом парня, вон какой худой у тебя. Его откармливать и откармливать ещё.

О это она любит.

— Ты из него шарик сделать решила? — усмехаюсь.

— Нет, просто уж больно худой.

— Нормальный он, не переживай. Ты его не сильно прессуй нравоучениями своими — намекаю ей.

— Да я ничего такого не сказала — обиделась.

— Да я шучу, мам — поднимаюсь и обнимаю её за плечи — он ранимый очень, не надо — поясняю.

— Ладно. Просто он такой благодарный, словно я ему луну с неба достала. Поражаюсь.

Для него это очень важно.

— Он такой. Не дави на него, он сегодня шанс на будущее получил, благодаря тебе.

— Не мне, а тебе, я так поспособствовала — улыбнулась.

— Мам?

— Ладно, всё носи в зал — протягивает мне тарелку бутербродов, намекая, что разговор закончен.

Целую её быстро в щёку и сгребаю тарелку с бутербродами.

Захожу в зал Руслан поражённо смотрит на меня.

— Что? Это приложение к чаю. Мама тебя откормить решила — ставлю тарелку на журнальный столик.

— Меня? — очень удивляется.

— Угу — наклоняюсь к нему — она считает, что я тебя морю голодом и ты очень худой. Это нужно срочно менять — шепчу ему на ухо.

— Да ладно? — улыбается в ответ.

— Секретничаете — мама заносит в зал тарелочки с сыром и рыбой.

Руслан удивлённо смотрит на неё.

— Я же говорила — береблю его по волосам.

— Марин принесёшь чашки — говорит мама.

— Да конечно — отпускаю Руслана и иду на кухню.

Наливаю чай в чашки и ставлю всё на разнос.

Заношу в зал. Мама как раз пирожные раскладывает по блюдечкам.

Расставляю чашки на столе.

— Ну всё присаживайся — мама ставит мне блюдечко с пирожным.

Отношу разнос на кухню и возвращаюсь в зал. Присаживаюсь рядом с Русланом.

— Ну, что. судя по вашим счастливым лицам, у вас хорошие новости.

— Да — говорим одновременно с Русланом и начинаем смеяться.

Я замолкаю, позволяя Руслану самому рассказать обо всём. Он начинает стесняться. Скомкано говорит о том, что ему не отказали в лечении и он очень благодарен маме за деньги.

Только я знаю, что скрывается за этим «не отказали», что он пережил за это время, каким потерянным был, опустил руки. Отказался от счастья, отказался от нас, посчитал себя обузой. Даже не представляю, что было бы с ним, если бы я не вернулась тогда с этими ключами. Всей правды бы о нём не узнала, о его состоянии на самом деле, о том, что внутри, под сердцем, в душе творилось тогда. Хотя я, наверное, всё равно не смогла уйти от него и вернулась может на следующий день или позже. Ведь жить не могу без моего родного человечка, который сейчас рядом.

По мере неуёмных расспросов моей мамы, Руслан начинает рассказывать всё более открыто. В конце концов расслабляется и опускает плечи. Улыбается глядя на меня так тепло и открыто. Похоже речь шла обо мне, а я в своих мыслях так увлеклась, что и суть разговора не уловила.

— Это всё Маришка, спасибо Вам за неё, такую — он сжимает мои пальцы в своей тёплой ладони.

От его слов защипало глаза.

— Ой да ну вас — мама помакает глаза краешком салфетки — совсем не щадите старую женщину.

— Это ты у меня необыкновенный — склоняюсь и целую его в чуть колючую щёку.

Он расцветает в улыбке. Поднимаюсь и подхожу к маме. Обнимаю её за плечи.

— Это тебе спасибо, что ты есть у нас с Русланом. Кроме тебя мы ж не нужны никому.

— Ой да ладно — мама отмахивается.

— Правда спасибо за помощь, я, как только — начинает Руслан.

— Руслан я тебе всё уже сказала по поводу денег. Ничего не нужно отдавать.

Он поджимает губы. Не согласится никогда с этим.

— Я так не могу- бурчит.

— Ладно скопишь Маринку на море свозишь на эти деньги. Она ведь так на море и не была ни разу — улыбается мама.

— Я тоже не был — Руслан становится очень грустным.

— Вот и съездите. Всё тему закрыли и давайте на пирожное, налетайте — говорит мама.

Присаживаюсь рядом с Русланом.

— Тебе чай подлить? — мама спрашивает у Руслана.

— Да пожалуйста — Руслан подаёт ей чашку.

Мама выходит из комнаты.

— Не переживай так — беру его за руку.

— Всё равно как-то не по себе.

— Она не возьмёт деньги — убеждаю его.

— Я уже понял — притягивает к себе на плечо, обнимает- вы обе такие упрямые.

— Тебе это не нравится? — тихо спрашиваю.

— Нет, это вам идёт — прижимается губами к макушке — просто не привычно.

— Привыкай — обнимаю его со спины.

— Постараюсь — тихонько касается щеки, нежно оглаживает. Заправляет выбившуюся прядь волос за ухо и смотрит так тепло. Он выглядит счастливым.

Прикрываю глаза, наслаждаясь моментом рядом с ним. Я так сильно люблю его.

— Ну, вот. Потом налюбуетесь. Дай поесть человеку — слышу возмущённый голос мамы и отстраняюсь немного.

— Спасибо — Руслан забирает чашку чая и смущённо улыбается.

Надеюсь он хоть немного почувствует себя сегодня в семье, вспомнит какого это. Хотя знал ли он об этом с такими-то родителями? Навертли... Наверное только с Ником и ощущал себя в семье.

Но судя по тому как открыто он улыбается маме, ему комфортно здесь, и я этому несказанно рада. Он выглядит счастливым.

Руслан.

Маришка выскакивает из комнаты за добавкой чая. Она старается беречь свою маму. Она права в том, что она одна у нас и кроме неё мы не нужны никому в этом мире. Если бы не её мама я бы даже не знал, что делать дальше. Я очень благодарен ей за протянутую руку помощи.

— Руслан не переживай ты так из-за денег.

Давлюсь чаем. Неужели всё на лице написано?

— Осторожнее — сочувствующе смотрит на меня, пока выкашливаю свои лёгкие.

— Извините — только и могу выдавить из себя.

— Ничего — так тепло улыбается в ответ — я очень рада, что всё это идёт тебе во благо.

И я хоть как-то могу отблагодарить тебя.

Что? Меня?

— За что? — не понимаю ничего.

— За то, что делаешь мою дочку счастливой. Это очень приятно видеть её такой.

Я? Это она окрыляет меня.

— Я очень её люблю — признаюсь ей.

— Я вижу, и она тебя очень сильно. Вы как две половинки единого целого. Только прошу не огорчай её. Она очень ранимая, не смотря на её характер, она очень хрупкая там, внутри. И её очень легко обидеть дурным словом или поступком. Она возможно никогда не покажет тебе этого, просто знай это.

— Я знаю.

Моя хрупкая бабочка. Каким же я был идиотом, что хотел отказаться от нас. Оставить её. Это мне было невыносимо отпускать её, а какого было ей всё это слушать от меня. А, если бы она не вернулась...

— Эй, ты чего? — Маришка присаживается рядом и обеспокоенно вглядывается в глаза.

— Всё хорошо — сгребая её в охапку и обнимаю — не переживай.

— Надеюсь — бурчит.

Прижимаюсь губами к виску, чтобы расслабилась немного. Её мама права, я должен беречь её.

Я так рад, что мы сегодня зашли к Анастасии Игоревне. Такого душевного единения у меня давно не было, возникло ощущение словно к бабушке приехал. Так тепло меня встречали только там и были рады мне. Это не передаваемые ощущения тепла и умиротворения что ли.

Не ожидал, что мама наложит Маришке целый пакет продуктов, когда мы решили возвращаться домой. Она так переживает, что Маринка меня плохо кормит. Меня поразила её забота обо мне. Это очень приятно, когда к тебе так относятся. Когда ты не безразличен человеку, хоть и не родному, но который успел стать близким. Меня поразила её реакция на то, что я хочу в дальнейшем всё же отдать ей деньги, потраченные на лечение.

Все мои попытки заговорить об этом пресекались на корню, а потом она сказала, что, если я ещё раз заговорю об этом она обидится очень сильно. Меньше всего мне хотелось её обижать, поэтому я закрыл эту тему.

Очень порадовали её слова о том, что я делаю Маришку счастливой. Надеюсь это так, ведь рядом с ней я сам, наверное, свечусь как новогодняя ёлка, но мне так хорошо от этого. Я так сильно люблю моего ангела и очень благодарен ей, что позволяет мне всё это чувствовать рядом с собою.

Моя девочка задремала у меня на плече. Любуюсь ею и не могу глаз оторвать. Она такая нежная, милая, смешно морщит носик. Не могу удержаться и едва касаюсь её губ, чтобы не разбудить. Люблю тебя больше жизни.

Марина.

Месяц спустя.

Жду Руслана в центре с первыми результатами. Этот месяц пролетел незаметно. Поначалу у Руслана были сильные боли, которые кое-как я снимала массажем, но со второй недели начались улучшения. Он, видимо чувствуя первые результаты стал более усердно заниматься в центре и по долгу. Иногда еле живой приползал домой, но счастливый. На третьей недели боли отступили, и он начал больше ходить и шевелиться вообще.

Сегодня он очень волновался, когда пошёл на обследования, но я очень надеюсь, что есть результаты.

Сама переживаю очень за него. Наконец-то в конце коридора появляется Руслан. Идёт уверенно, не сравнить с тем каким пришёл он месяц назад.

Поднимаюсь ему на встречу.

— Ну как? — не могу удержаться от вопроса, когда почти подбегаю к нему навстречу.

— Смещение на половину ушло, представляешь — счастливо улыбается.

— Господи, это здорово — обнимаю его, не могу сдержать радости.

Вот это результаты.

— Ага — прижимает к себе крепче.

— А ты не верил — немного отстраняюсь.

— Мне до сих пор не вериться, что всё получается.

— Всё у тебя получится обязательно.

— Спасибо тебе — быстро целует в кончик носа.

— Пойдём оплатим всё — тяну его к стойке.

— Пойдём.

Оплачиваю всё. Руслан не перестаёт улыбаться.

Мы выходим из центра, он светиться от счастья.

— Такое ощущение, что ты мне не всё сказал — выдаю свои предположения.

— Угу — кивает и поджимает губы, словно сомневается стоит ли.

— Рассказывай — встаю перед ним.

— Ладно — выдыхает — у меня всё в порядке — улыбается так счастливо.

— Не пойму.

Он такой загадочный.

— Ну в смысле мы можем меть детей. У меня всё восстановилось, я сдал анализ.

Господи, а я и совсем забыла об этом!

— Это так здорово — обнимаю его.

Он прерывисто выдыхает.

— Я тоже очень рад, Марин.

Немного отстраняется и заглядывает в глаза.

— Я очень хочу дочку, похожую на тебя Маришка.

Его слова так сильно трогают что-то в груди, аж на глаза слёзы наворачиваются.

— А я хочу мальчишку, такого же кудрявого и светленького с твоими обалденными глазами — тихонько касаюсь его щеки.

— Маришка — говорит хрипло- в глазах застыли слёзы.

— Я хочу такого ангелочка — обнимаю его очень крепко.

— Значит будет двое — говорит тихо.

— Значит двое — повторяю.

Я всегда хотела много детей.

— Может займётся этим в ближайшее время? М? — отстраняется и заглядывает в глаза.

— Обязательно — улыбаюсь ему.

— Тогда идём — берёт меня под руку — а то у меня терпение уже скоро кончится — хитро улыбается — издеваешься надо мною уже неделю.

Ну да есть такое.

— Я берегла твою спину — говорю ему — к тому же ты много занимаешься в центре, у тебя сил не остаётся.

— На это всегда найдётся, не переживай — обнимает меня, притягивая ближе к себе.

Я так счастлива, что у нас всё получается. Я очень рада за него, он столько времени шёл к этому. Впереди ещё много работы, но, когда видишь первые результаты, воодушевляешься на большее.

Ну, что дорогие мои читатели, впереди только эпилог остался. История подходит к концу, очень рада, что вы были с героями всё это время, переживали, радовались, огорчались вместе с ними. Закончим на следующей неделе. Спасибо, что читаете.

Эпилог часть 1

Месяц спустя.

Руслан.

Сажу у кабинета Михаила Ивановича, у него пациент на приёме. Я прошёл все обследования после второго месяца лечения. Результаты прямо ощущаются. Боль наконец-то прошла совсем и больше не сковывает движения. Силы вернулись и желание жить.

Маришка сегодня не со мною, срочная работа. Ну ничего, мне кажется я сегодня выдержу уже любой вердикт.

Не позволил ей полностью оплатить моё лечение в этот раз. Обратился на работу в профсоюз. На удивление мне компенсировали 50 % с прошлого месяца и в этом тоже какую-то часть оплатят. Очень ждут меня на работе. Это так приятно ощущать себя нужным людям. Самому тоже уже надоело дома сидеть, пятую точку просиживать, да и Маришке помощь нужна. Она не лошадка везти всё на себе. Порой чувствую себя ужасно из-за этого. Надеюсь, что скоро встану в строй и Маришка выдохнет. Пару недель вообще без выходных работала. Приползала домой еле живая, иногда на ужин даже сил не оставалось. Пару раз насильно кормил её, ей нужны силы. Сегодня последний день отработает, а завтра у неё выходной. Наконец-то увижу её не спящую и не сонную. У меня сюрприз для неё. Заказал прогулку на лодке по озеру, погода хорошая, лето. Тем более грести мне полезно для укрепления спины и ей приятно будет выбраться на природу.

Дверь неожиданно открывается и из кабинета выходит посетитель. Ну что ж вперёд.

Захожу в кабинет.

— Можно? — интересуюсь.

— О Руслан, заходи, мне как раз всё прислали, сейчас посмотрим, что у нас тут.

Присаживаюсь напротив, он просматривает всё на компьютере.

— Вижу ходишь уже нормально. Как боли?

— Отпустило — признаюсь.

— Оно и видно — улыбнулся — у тебя всё восстановилось. Можем тебя выписывать.

Не могу поверить в услышанное...

— То есть?

— Смещения больше нет, но мышечный каркас нужно укреплять постоянно. Упражнения, что были на ЛФКУ необходимо повторять хотя бы раз в неделю, а в лучшем случае проходить двухнедельный курс раз в четыре месяца. Поздравляю Вас вы здоровы.

— Спасибо — только и могу ответить, от нахлынувших эмоций.

— Это Вы молодец, работали на износ, вот и результаты. Я честно удивлён, думал за три месяца уйдёт всё.

— Спасибо — повторяю, как попугай и не могу поверить в услышанное.

Михаил Иванович что-то пишет на листочке.

— Вот отдадите девочкам, вам выдадут больничный.

— Спасибо- забираю листочек и на радостях почти выбегаю из кабинета.

— Будьте здоровы — говорит Михаил Иванович.

— Спасибо, до свидания — говорю уже в дверях и выхожу из кабинета. Радость распирает грудь. Я так счастлив, что всё позади. И ведь если бы не Маришка ничего этого не было бы.

Подхожу к стойке и отдаю листочек. Меня просят оплатить оставшуюся сумму и выдают больничный закрытый.

Даже не вериться, что моя реабилитация закончена.

Выхожу из центра и лечу домой. Хочу обрадовать Маринку и набираю её номер. Поражаюсь, что не с первого раза попадаю в нужный контакт, так колбасит, что пальцы трясутся.

Ответом мне служат длинные гудки. Ничего не обычного последнее время. Но становится немного обидно, что она не отвечает.

Возвращаюсь домой и ломаю голову над праздничным ужином. Сегодня нам есть что отметить.

Решаюсь позвонить маме Марины и попытаться её с рецептами, может подскажет что?

Анастасия Игоревна берет на втором гудке.

— Алло.

— Здравствуйте это Руслан — начинаю.

— Ой привет, не ожидала. Что-то случилось — обеспокоенно.

— Меня выписали, сказали, что я здоров — делюсь своей радостью.

— Как здорово, Руслан. Я так рада за тебя.

— Спасибо — мне очень приятно.

— Да что ты! — возмущается — я то тут причём это всё твои старания.

— Без вас и Маришки ничего бы не получилось, поэтому спасибо, что поддержал и верили, несмотря ни на что.

— А как по другому-то? Ты ж наш родной с Маринкой — её слова проникают в самое сердце — поэтому вы любой момент, если что-то нужно обращайся. Помогу чем смогу.

От чего-то глаза щипать начинает. Родной. Они за это время тоже стали для меня родными. Моя семья, дороже которой нет ничего и очень боюсь потерять хоть кого-то из них. Они самые близкие у меня и дорогие.

— Спасибо — только и могу ответить от нахлынувших эмоций.

— Маринка то на работе, наверное.

— Да я, что хотел-то. Чем её удивить? Я хотел приготовить что-то, что она любит.

— М, дай-ка подумать. Есть один салат перед которым она никогда не могла устоять. Я напишу тебе рецепт. Ну парочку блюд ещё, сам посмотришь, что понравится.

— Спасибо, буду признателен очень.

— Это тебе спасибо, что делаешь приятное для неё. Она оценит не думай. Я очень рада видеть её счастливой. Для матери это особенно ценно.

Её слова скребут по душе. Для моей матери это никогда не было ценностью, если только в отношении Ника.

— Ой, прости, я, наверное, что-то не то сказала — словно почувствовала, что на душе всколыхнулось.

— Ничего- только и могу выдать из себя.

— Прости. И Руслан ты мне как сын. Обращайся, когда просто захочешь поговорить о чём-то. Если захочешь, конечно. Я всегда тебя выслушаю и буду рада этому.

— Спасибо — от её слов на глаза слёзы навернулись. Ведь я к ней стал относиться как ко второй маме, которая всегда выслушает, поймёт, поддержит. Когда Маринки не бывало дома иногда звонил её маме, и мы разговаривали, иногда ни о чём, просто так. Но каждый раз после разговоров с ней в душе какое-то тепло поднималось. Мне очень комфортно с ней

общаться и легко.

— Ладно готовься встречать Маринку, рецепты поищу тебе сейчас.

— Хорошо.

— Вы в выходные то загляните?

— Не знаю, у Маришки первые выходные за две недели. Ещё не планировали их.

— Хорошо, если что звоните.

— Обязательно.

— Давай счастливо.

— До свидания.

Кладу трубку. На душе так приятно от того, что можно вот так просто позвонить и поговорить с человеком по душам. Спасибо Господи за то, что дал мне таких близких, как Маришка и её мама.

Анастасия Игоревна присылает мне рецепты. Приготовление занимает столько времени, что не заметил как пролетело пара часов.

Маринка так и не перезванивает, очень странно. Тревога нарастает, хоть и пытаюсь отвлечься на домашние хлопоты.

Набираю её ещё раз, ведь время уже шесть. Она должна уже возвращаться домой.

— Прости родной, уже бегу — слышу родной голосок, и тревога отпускает. Могу нормально выдохнуть.

Она запыхавшаяся, словно бежит.

— Привет, ты скоро?

— Да выбегаю уже, хотела тебе уже перезвонить. Пять минут назад операция закончилась, очень сложная была.

— Устала?

— Ага. Ой как ты сходил? Что тебе сказали? Прости я совсем замоталась. Рассказывай!

— Всё дома.

— Ну нет — возмущается.

— Да, быстрее приедешь — подкальываю её.

— Ладно, такси подъехало. Скоро буду и дома уже не отвертишься, партизан!

Смешная.

— Жду тебя.

— До встречи — тихо отвечает.

Кладу трубку и улыбаюсь, наверное, как дурак, но мне так спокойно стало на душе от того, что с ней всё хорошо и скоро я её увижу. Я очень соскучился.

Эпилог часть 1.1

Марина.

Вызываю такси и бегом бегу с работы. Не ожидала, что операция так затянется. Только вытаскиваю телефон, чтобы позвонить Руслану. Он звонит сам. Наверное, почувствовал меня.

Так приятно слышать родной голосок. Он, наверное, переживал, что не мог дозвониться. Опоминаюсь, что он же сегодня ходил на обследование. Но мой партизан не колетса и обещает рассказать всё дома. Но судя по бодрому голосу ничего плохого ему не сказали, надеюсь.

Приезжает такси и еду домой. Так хочется поторопить таксиста. Уже не терпится увидеть Руслана и обо всём узнать.

Спустя пятнадцать минут мы наконец-то подъезжаем к подъезду.

Выскакиваю из такси и бегу домой. Открываю дверь и захожу в квартиру. Руслан выходит из кухни и тепло улыбается.

— Ты бегом бежала что ли? — подходит ближе — лохматая вся — легко касается волос и приглаживает их.

— Да я за тебя переживала.

— Не стоило — закусывает губу и улыбается глазами.

— Ну, рассказывай — прошу его.

— Да всё хорошо, меня выписали. Я восстановился полностью — улыбается так счастливо. Во взгляде загорается огонёк счастья.

Неужели он добился этого. Он здоров!

— Господи, это так здорово — обнимаю его притягивая к себе — я так рада.

— Я тоже — тихонько гладит по спине и целует в щёку — Идём отмечать — немного отстраняется.

— Отмечать?

— Ага, я там ужин приготовил — скромно улыбается.

— Идём — скидываю обувь, и мы проходим на кухню.

Мою руки пока Руслан накладывает запечённую курочку с картошкой в тарелки.

— Ты такой умничка — обнимаю его со спины, прижимаюсь к лопаткам.

— Угу — судя по выдоху улыбается.

— Я очень тебя люблю — целую в основание шеи. Замечаю, как кожа покрывается мурашками.

Он оставляет тарелки и поворачивается ко мне лицом.

— А я тебя моё солнышко. Я очень соскучился — обнимает за плечи и притягивает к себе. Обнимаю его крепче.

— Я тоже скучала без тебя — признаюсь.

— У тебя завтра выходной? — с тревогой заглядывает в глаза.

— Да целых четыре дня.

Наконец-то! Я так устала от такого ритма жизни. Мне не хватает Руслана очень. Практически не вижу его вечерами.

— Я так рад — расцветает в улыбке — идём за стол, а то ты с ног, наверное, уже валишься — обнимает за спину и легко подталкивает к столу.

Ну есть такое, да.

Присаживаюсь за стол. Руслан приготовил пару салатов и бутерброды. Так приятна его забота. Интересно откуда он узнал, что я люблю мимозу?

— Ты такой молодец. Когда успел только? — поражаюсь ему.

Из него вышел бы отличный повар.

— Ну у меня была пара часов и рецепты твоей мамы — скромно улыбается.

— Ты консультировался у мамы? — поражает меня.

— Ну конечно, хотел тебя порадовать и выпытывал твои любимые блюда — скромно улыбается и присаживается напротив.

Я так рада, что он стал общаться с мамой. Надеюсь, что это общение хоть чуть-чуть уменьшит ту боль в его душе, что оставили его родители.

— Что-то не так? — взволнованно спрашивает.

Наверное, эмоции отразились на лице.

— Нет, всё хорошо. Наверное, устала просто.

Накладываю себе мимозу, не могу удержаться. Пробую. Пересолёно очень.

— Не вкусно? — Руслан спрашивает взволнованно.

Не хочу его расстраивать, но...

Он пробует сам, не дожидаясь моего ответа.

— Блин! Прости. Я, наверное, замотался и посолил несколько раз. Прости — он забирает салат со стола и отставляет его на гарнир.

— Ничего — отвечаю ему.

Он так сильно расстроился.

Поднимаюсь и подхожу к нему.

— Всё нормально.

— Угу облажался. Это же твой любимый — виновато поднимает глаза.

— Мой любимый это ты. И теперь я точно знаю, что любишь — пытаюсь подбодрить его.

— То есть? — недоумённо смотрит на меня.

— Пересолил, значит влюбился. Слышал об этом — касаюсь его напряжённого плеча.

— Мариш — засмеялся — я давно уже в тебя по самые уши — так тепло улыбается.

— Мне очень приятно, что ты старался — признаюсь и касаюсь его щеки — спасибо.

— Угу — опускает взгляд.

Не могу видеть его таким. Целую быстро в кончик носа. Он расцветает в улыбке.

— Мне не терпится попробовать всё остальное — подбадриваю его.

— Мне уже страшно — поглядывает на стол.

— Не бойся, я с тобой — тяну его за руку к столу.

Присаживаемся за стол. Руслан внимательно смотрит на меня пока пробую картошку.

— Очень вкусно — успокаиваю его, и он выдыхает с облегчением.

— Надеюсь — тянется квилке — я просто переживал, что ты не перезвонила, думал вдруг что случилось и видимо в своих мыслях забыл, что солил.

Он так переживал за меня.

— Прости, что не успела позвонить раньше — беру его за руку.

— Да ничего — скромно улыбается в ответ.

Как же я люблю этого скромного и родного человечка. Я так счастлива, что он выздоровел и почувствовал себя полноценным. Это ощущается в более уверенном взгляде.

— Я очень тебя люблю — только и могу признаться ему.

— А я тебя, моя бабочка — поражает меня.

— Почему бабочка?

— Ты такая же яркая, красивая, лёгкая и хрупкая — говорит тихо — тебя хочется оберегать от всего.

— Да ладно? — никогда бы не подумала.

— Помнишь ты показала мне бабочку из стекла однажды?

— Да — он тогда так отреагировал на неё.

— Я видел её раньше — признаётся.

— То есть?

Он не мог. Он не был в моей квартире.

— Во сне — говорит тихо — Ник подарил мне её и исчез. Это было на кануне всей этой ситуации с операцией отца. Я тогда долго понять не мог, к чему мне это снилось. А когда бабочку твою увидел, офонарел просто. Все пазлы в голове сложились, и я понял, как ошибся, подвергая тебя и себя всему этому. Прости, что тогда тебе пришлось пережить. Я так виноват — его голос садится.

Вот ничего себе история.

— Почему не сказал раньше?

— Не знаю, сначала растерялся, а потом всё не до этого было.

— Ты не виноват ни в чём. Ты поступал по сердцу.

— Нет, я поступал по совести, сердцем я был с тобою и всегда буду Мариш.

Его слова задевают за живое.

— Руслан — только и могу сказать от нахлынувших эмоций.

— Это правда, родная — сжимает мою ладонь — ты мне свыше послана, а я чуть не потерял тебя тогда — опускает взгляд.

— Я бы не смогла жить без тебя — признаюсь.

— Прости — в его глазах стоят слёзы.

Не могу удержаться и подхожу к нему. Он притягивает к себе на колени, обнимает крепко-крепко.

— Нельзя, наверное, так говорить, но я так рада, что всё тогда обошлось и ты сейчас со мною Руслан.

— Мариш — хрипло на ухо.

— Ты мой самый родной человечек — целую его в щёку.

Он немного отстраняется и заглядывает в глаза.

— Маришка, ты лучшее, что могло случиться со мною в моей жизни. Спасибо, что верила, когда я сдался. Это всё благодаря тебе, ты.

— Ч — кладу палец на его губы не давая договорить — это всё благодаря тебе, твоему упорству и силе воли. Ты добился всего сам.

— Без твоей поддержки ничего бы не получилось, Марин.

— Для этого и нужна семья, Руслан. Мы поддержка и опора друг для друга.

— Спасибо тебе, за то, что ты есть у меня — притягивает к себе — И прости, что всё это время тебе пришлось вести всё на себе.

— Руслан! — опять начинается!

— Нет послушай, правда мне очень неприятно это. Но с понедельника я выхожу на работу и теперь всё будет по-другому.

— Я и не переживала по этому поводу!

— Я знаю. Надеюсь наши выходные будут пересекаться. Иначе я буду очень скучать.

— Я тоже надеюсь — целую его быстро в губы, он улыбается в ответ.

— Ну раз уж у нас это последние гарантированные выходные вместе, то завтра я приглашаю тебя на свидание.

— Что? — не понимаю.

— Ну первого свидания у нас с тобой не было. Мы вообще миновали этот период. Поэтому я хотел бы наверстать — так загадочно улыбается.

Свидание?! Это что-то новенькое. Но мне очень приятно.

— Я согласна. Куда идём.

— Завтра всё узнаешь. А сейчас давай ужинать, а то сил на завтра у тебя не останется.

— Заинтриговал прямо.

— Угу — загадочный такой.

Весь вечер пытала его догадками по поводу завтрашнего свидания. Не раскололся никак. Но он прав сил совсем не остаётся, поэтому проваливаюсь в радужный сон, стоит только добраться до подушки.

Эпилог часть 2.1

Руслан.

Так забавно наблюдать за тем, как Маринку распирает от любопытства куда же я её пригласил. Она чего только не перебрала, но до истины так и не докопалась. Меня так и подмывает проболтаться, но держусь до последнего. Это так сложно, учитывая пытливым взгляд любимых глаз, напротив.

— Всё сдаюсь — обречённо говорит Маринка.

— Вот и хорошо, всё сама скоро узнаешь — успокаиваю её.

— Скажи хоть как одеваться.

Вот хитрюга!

— Как хочешь — издеваюсь.

Маринка возмущённо сопит и доедает омлет.

— Не переживай ты всегда прекрасна — заверяю её.

— Угу, хорошо — поднимается из-за стола — я собираться и чур не подглядывать — хитро улыбается.

— Хорошо, я пока здесь всё уберу.

— Ладно — сбегает из кухни.

Доедаю приготовленный завтрак в одиночестве. Но ничего мысли надо привести в порядок. Ведь сегодня не простое свидание. Я и сам порядком волнуюсь, вдруг всё получится не так сказочно, как я хочу и надеюсь она не откажет мне сегодня. Нужно подобрать правильные слова, но в голове как на зло ни одной правильной мысли.

Убираю всё на кухне и иду переодеваться.

Колечко конечно не золотое, серебряное, но надеюсь ей понравится. Купил с возвращённых профсоюзом денег, ещё неделю назад. Искал возможность его преподнести и задать главный вопрос. Но сначала хотел узнать свои результаты по лечению и Маришка всё время на работе.

Через пятнадцать минут Маришка выходит из комнаты. У меня дар речи пропадает. Она очаровательна. Зелёное платье на тонких бретелях, в цвет её обалденных ярких глаз, рыжие локоны раскинуты по плечам, а губы, губы такие сочные, м так бы и съел.

— Ну как? — она кружится, а у меня дыхание перехватывает.

— Ты очень красивая — подхожу к ней и боюсь прикоснуться, память что-то.

— Ты что такой? — смеётся.

— Я? Ничего — пытаюсь включить мозг, но он отказывает.

Тянусь к ней и легко касаюсь волос, боясь что-то испортить.

— Руслан? — она удивлённо смотрит на меня.

— Ты очень красивая — не ожидал, что голос сядет.

— Я старалась для тебя — скромно улыбается.

— Я поражён — признаюсь и беру её за руку и прикасаюсь губами к нежной коже.

— Руслан — она смущается.

— Идём — тяну её на выход, мы уже немного опаздываем.

— Пошли — отвечает тихо.

Пока Маришка закрывает дверь вызываю такси. Хорошо, что машину быстро назначают. Когда выходим на улицу, Маринка с любопытством смотрит на меня.

— Подожди ещё чуть-чуть.

— Хорошо.

— Я очень надеюсь, что тебе понравится — признаюсь.

— Не переживай — поддерживающе сжимает мои пальцы — что бы ты не придумал, я очень рада тому, что ты рядом со мною.

— Спасибо — только и могу ответить от нахлынувших эмоций.

— Иди сюда — Маринка притягивает к себе, обнимает, даря уверенность, что всё у меня получится.

— Я очень тебя люблю — признаюсь ей.

— А я тебя — заглядывает в глаза и очень тепло улыбается в ответ.

Вижу нашу машину, заворачивающую во двор и отпускаю Маришку.

— Наша машина — указываю ей.

Пока едим до озера Маринка внимательно следит за дорогой и, наверное, перебирает варианты в голове. Но стоит подъехать к озеру она начинает воодушевлённо улыбаться. Значит я угадал её желание, приятно очень.

— Здесь так красиво, никогда не была с этой стороны на озере — Маринка улыбается.

— Идём — беру её за руку и веду к маленькому пирсу.

— Спасибо — она прижимается к плечу и улыбается.

— Я рад, что тебе понравилось, но это ещё не всё.

— М — загадочно улыбается в ответ.

Мы подходим к пирсу. Рядом на волнах качаются лодки. Нас встречает Иван, он сдаёт лодки на прокат. Маринка удивлённо смотрит на меня.

— Проходите, вот ваша — Иван указывает на большую лодку, мне она показалась более безопасной.

Маринка с опаской забирается на лодку. Пока Иван придерживает лодку забираюсь сам и усаживаюсь напротив Маринки. Иван отталкивает нас от пирса.

Маринка осматривается. Да здесь очень красиво, открывается вид на противоположный лесной берег, горы вдалеке. Но сегодня волны и ветрено. Лодку раскачивает немного.

Берусь за вёсла.

— Руслан, твоя спина. Это не опасно? Вдруг что? — возмущённо смотрит на меня.

— Нет, Марин эти упражнения я делал на ЛФК, они даже полезны. Не переживая я здоров, ты забыла?

— Нет конечно, просто боязно как-то.

— Всё хорошо, не переживай.

Отплываем от пирса. Лодку качает от волн и мне кажется Маринку это как-то напрягает.

— Не бойся волны не сильные — хочу её успокоить.

— Да всё хорошо — пытается меня убедить, но по взгляду вижу, что не всё. Ну ладно не хочет говорить пусть так.

Маринка достаёт телефон и начинает фотографировать виды вокруг.

— Улыбнись — направляет камеру на меня.

Немного теряюсь я не люблю это.

— Марин, я не люблю фотографироваться — признаюсь.

— А я хочу, чтобы у меня были твои фотографии и на работе иногда я могла видеть тебя, когда соскучусь.

— Ладно — уговорила — давай тогда вдвоём.

— Давай — придвигается чуть ближе и вытягивает руку.

Наклоняюсь и целую её в щёку. Она смеётся и фотографирует. Затем поворачиваюсь и уже нормально фотографируемся.

Неожиданно от волны лодку качнуло, и Маришка чуть не выронила телефон.

— Лучше убери в сумку — говорю ей.

— Да я уже поняла — прячет телефон в сумку. Её движения немного резковаты, словно она нервничает.

Может показалось? Так надо переходить к основной части. Прочищаю горло. Что-то я волнуюсь, язык словно к небу приклеился.

— Марин — обращаю на себя внимание — я понимаю, что мы ещё очень мало времени вместе, но я не хочу расставаться ни на минуту — тянусь в карман брюк и достаю коробочку с кольцом — ты станешь моей женой? — выдыхаю. Маринка удивлённо смотрит на кольцо.

В какой-то момент меняется в лице и прижимает пальцы к губам. Она молчит?! Не хочет? — доходит где-то на подкорке — она не хочет! Не понравилось кольцо? Да не золото...

Это нет?! Сердце падает куда-то вниз. Это нет...Как же больно-то.

Эпилог часть 2.2

Марина.

Сегодня какой-то не мой день. Мутит с утра, только не пойму от чего.

Руслан пожарил омлет на завтрак. Отчего-то запах жаренного раздражал сильно. Может на работе вчера не свежий салат поела. И как назло все таблетки закончились от отравления. Не хотелось огорчать Руслана, поэтому ничего ему не говорю. Пытаюсь, хоть немного узнать куда он меня ведёт, к чему готовится. Но он не преступен. Ладно решаю одеть платье, универсальный вариант, куда бы он меня не привёл.

Реакция Руслана меня удивила, он словно дар речи потерял. В его взгляде читалось восхищение и это было так приятно.

Когда поняла куда он меня привёз стало так приятно. Я так люблю наше озеро. Но лодка меня очень напрягала. Меня и так мутит периодически, а тут укачать же может. Но решаю не разочаровывать Руслана, ведь он очень старался и очень волнуется. Это видно по встревоженному взгляду.

Когда отплываем от берега приключения не заканчиваются. Сегодня словно всё против меня. Лодку раскачивает сильно и с каждым качком перед глазами плыть начинает.

Держусь из последних сил и пытаюсь сохранить спокойствие. Надеюсь это скоро закончится.

— Марин — голос Руслана отчего-то вздрагивает — я понимаю, что мы ещё очень мало времени вместе, но я не хочу расставаться ни на минуту — родной мой, так отрадно это слышать, он достаёт из кармана коробочку, а там такое красивое кольцо, что сердце заходиться — ты станешь моей женой? — его голос просаживается.

Хочу ответить, но очередная волна тошноты подкатывает к горлу, прикрываю рот пальцами, боясь испортить лучший момент в жизни. Руслан обеспокоенно смотрит на меня, его взгляд тухнет.

— Это нет? — говорит хрипло.

Конечно же нет!!!

Не могу больше сдерживаться и свешиваюсь за борт отправляя съеденный завтрак в вольное плаванье.

Вот же Чёрт! Это же надо было так облажаться.

— Марин! — Руслан обеспокоенно смотрит на меня.

Он закрывает коробочку с кольцом, расстроено.

Надо привести себя в порядок. Достаю влажные салфетки из сумки и вытираю лицо. Позорище какое!

— Прости меня! Меня укачало просто — признаюсь.

— Угу — тихо, прячет коробочку в карман брюк.

— Я вообще-то ещё тебе не ответила! — возмущаюсь.

— Ага, красноречивее некуда.

Господи!

— Руслан! Я согласна!

Он поднимает на меня взгляд, словно ослышался.

— Правда? — сомневается.

— Конечно. Я очень тебя люблю. Мне с утра не здоровится сегодня, тошнит, видимо вчера что-то не то поела — объясняю- прости, что испортила момент, я старалась сдержаться.

— Маришка — начинает улыбаться наконец-то.

— Хочешь давай повторим, обещаю больше не косячить — заверяю его.

Он улыбается и достаёт коробочку из кармана брюк. Открывает её, доставая колечко.

Берёт меня за руку и одевает колечко на безымянный палец.

— Оно твоё так же, как и я — говорит тихо.

Сердце щемит от его слов.

— Я очень тебя люблю — сжимаю его ладонь.

— Почему ничего не сказала, что тебе плохо. Мы бы никуда не поехали.

— Я не хотела портить твой сюрприз. А получилось. Прости ещё раз мне так жаль.

— Ничего страшного. Главное ты согласилась — опускает взгляд и поворачивает лодку к пирсу.

— По-другому и быть не могло. Неужели ты мог подумать, что я отвечу нет? — поражаюсь ему.

— Могло быть что угодно. Ведь я не подарок.

— Ты самое ценное и дорогое, что есть у меня! Руслан, никогда так не говори о себе.

— Маришка — говорит хрипло.

— Спасибо, что ты есть у меня — тихонько глажу его по руке, что сжимает весло.

Он опускает взгляд и гребёт к пирсу.

— Что-то вы быстро — говорит мужчина, что сдал нам лодку.

— Волны сегодня — говорит Руслан и вылезает из лодки.

Руслан помогает мне выбраться на пирс и притягивает к себе за талию, словно боится, что я упаду.

Он вызывает такси.

— Прости, что всё испортила — мне кажется, что ему не очень приятно от этого всего.

— Ты с ума сошла — улыбается и обнимает крепче — ты согласилась и это самое важное, а что и как это детали.

Смотрю на колечко.

— Оно очень красивое, спасибо.

— Не золотое, конечно — оправдывается.

— Я не люблю золото. Серебро мне больше нравится.

— Правда? — удивляется.

— Ага.

— Я рад, что оно тебе по душе.

— Очень.

— Но ты должна была сказать мне правду, Мариш. Вдруг станет хуже — тревожно заглядывает в глаза — ты совсем себя не бережешь.

— Да надо в аптеку заехать, у меня от отравления нет ничего.

Мы останавливаемся у дороги, ожидая машину.

— Хорошо — обнимает, притягивая к себе — спасибо, что согласилась — говорит на ухо.

Как он волновался сегодня.

— Прости, что так вышло, я не хотела всё портить.

Усмехается.

— Ты и не испортила. Такого в моей жизни ещё не было.

— В моей тоже — признаюсь.

— Зато будет, что рассказать внукам — отпускает меня.

— Да-да будет о чём вспомнить- соглашаюсь.

Машина подъезжает довольно быстро. По пути заезжаем в аптеку. Пока стою на кассе под глаза попадает тест на беременность. Пытаюсь вспомнить, когда же у меня были последние красные деньки и понимаю, что уже два месяца их не наблюдаю.

Неужели? Страшно поверить или сглазить. На всякий случай беру пару тестов в аптеке.

Пока не решаюсь говорить об этом Руслану.

Как только приезжаем домой первым делом бегу в туалет и замачиваю тесты. Жду две минуты.

— Марин, ты там как? Живая? — Руслан обеспокоенно стучит в дверь.

— Всё нормально.

— М-отходит.

Эти две минуты кажутся такими долгими и утомительными. Наконец-то можно оценить результат. Две полоски. Две полоски! Две полоски, Господи! Да!! Спасибо!

Не могу сдержать радости, выскакиваю из туалета. В ванной умываюсь и мою руки.

Захожу в зал, аж трясёт.

— Марин! — Руслан поднимается с дивана — что случилось? — обеспокоенно заглядывает в глаза.

— Я не отравилась, Руслан. У нас будет ребёнок — показываю ему тест, аж руки дрожат.

— Маришка — Руслан обнимает очень крепко- спасибо тебе — хрипло говорит на ухо.

Обнимаю его и поверить не могу в своё счастье.

Он немного отстраняется и вытирает глаза краем ладони.

— Так быстро в кровать — неожиданно подхватывает меня на руки, прижимая к себе.

— Что ты делаешь? Твоя спина — опминаюсь — поставь меня!

Он мотает головой и несёт меня на диван. Вот вредина!

— Ты и так сегодня рисковала, надо было дома остаться — сетует.

— Я беременная, а не больная! — поражаюсь ему.

— Вот так — он укладывает меня на диван и присаживается рядом.

— Не переживай — беру его за руку.

— Береги себя, Мариш. Ведь кроме тебя у меня никого нет. Если с тобой что-то случится я — его глаза заблестели — я не переживу этого.

Он столько раз сталкивался с потерями в своей жизни, что просто уже боится этого.

— Ничего не будет плохого, не переживай. Это нормально всё — он же ведь не знает, как это происходит у женщин, наверное — это токсикоз скорее всего, он может продлиться первые недели. Организм подстраивается под новый ритм жизни. Не бойся со мною ничего не случится. Ты меня ещё замуж взять должен! — хочу немного отвлечь его.

— Мариш — усмехается.

— Иди сюда — сдвигаюсь на диване.

Руслан ложится рядом и так пронзительно смотрит на меня. Не могу выдержать столь пристальный взгляд и притягиваю его к себе, обнимаю.

Он рвано выдыхает и прижимается сильнее. Как же он переживает.

— Я очень тебя люблю — прижимаюсь губами к его виску.

— Спасибо, что делаешь меня самым счастливым. Я очень тебя люблю Мариш — обнимает крепче.

Это ты делаешь меня самой счастливой, ещё и частичка тебя теперь живёт и развивается во мне. Я просто счастлива. Тихонько глажу его по мягким волосам. Обнимаю. Самый родной человечек рядом, лучше ничего не может быть. Я так сильно люблю его, что жизни не представляю без моего Руслана.

— Спасибо — говорю ему, и он удивлённо заглядывает в глаза, а я хочу сказать ему самое главное — спасибо, что ты есть в моей жизни, что позволил быть рядом, впустил в своё сердце — кладу ладонь ему на грудь — не смотря на все предубеждения, открыл свою душу и сердце, как бы страшно тяжело тебе не было довериться. Я так сильно хотела помочь тебе, что влюбилась, наверное, с первого взгляда, ещё там, в операционной, когда взглянула в твои глаза. Сердце сразу же не захотело отпускать тебя. Ты всё для меня, вся моя жизнь.

— Маришка, это ты моя жизнь, моя душа, моё сердце. Я жизни без тебя не представляю. И сегодня, когда я подумал, что ты не хочешь за меня замуж. Я чуть не сдох там. Мир рухнул, потому, что без тебя не могу жить.

— Прости меня — даже не представляю, как больно ему было — прости, что причинила боль, я не хотела.

— Я знаю. Просто тогда не по себе стало.

Он снова подумал, что не нужен никому.

— Ты очень дорог мне, я бы никогда тебе не отказала. Знай это, что бы не случилось, ты нужен мне больше всех на свете.

— Маришка — говорит хрипло и притягивает к себе. Целует очень сильно, немного резко, но так чувственно, что сердце заходится от чувств к нему, выпадаю из реальности отдаваясь своим ощущениям. Я так сильно люблю его.

Спасибо, родной, за душевное тепло, заботу и любовь. Спасибо, что ты есть у меня, Руслан.

Эпилог часть 3.1

Два года спустя.

Марина.

Собираемся с Иришкой на прогулку. Одеваю ей носочки, уворачивается, смеётся.

— Издеваешься над мамой да? — улыбаюсь своему солнышку. Похожа на Руслана очень. Такая же светленькая, голубоглазая звёздочка.

Натягиваю, таки носочки, слава Богу платице уже на нас. Беру дочку на ручки и усаживаю в коляску.

Беру сумку и тихонько выезжаем из квартиры.

Руслан сегодня работает последний день перед отпуском. Жду его очень. Он купил билеты нам на море. Сегодня вечером вылетаем. Я так рада, что он наконец-то отдохнёт и побудет с нами. Он души не чаёт в дочке. Его отражение полностью.

Выезжаем из подъезда. На улице жара, лето в разгаре. Решаю дойти до ближайшего парка и скрыться в зелени и тенишке.

За эти два года столько всего произошло. Свадьбу мы не делали. Расписались просто и посидели в кафе с мамой. Она конечно была очень расстроена всем этим. Новость о внучке восприняла очень радостно. Сейчас иногда оставляю Иришку с ней. Но в силу возраста ей уже тяжело с ней. И вообще последнее время она себя не важно чувствует. Переживаю очень. Ведь родители — это наши корни, которые держат и не дают упасть при любом раскладе судьбы. А мои вот покачнулись. Очень страшно и даже думать об этом не хочется. Она ещё нужна нам и Руслану в большей степени. Пока была беременна, они на пару с ним носились со мною как с хрустальной вазой. Спелись так с ним, словно это он её сын, а не я её дочь. Но я не ревную. Ему нужна была эта любовь и забота всю жизнь. Он очень нуждался в ней. А когда Иришка родилась, она почти каждый день была со мною. Помогала во всём. Теперь с Иришкой немного проще стало, подросла немного. Чуть легче. Вот и решили на море её свозить.

Когда подхожу к парку вдалеке замечаю знакомый силуэт. Присматриваюсь внимательнее. По спине холодок пробегает. Мать Руслана. Хочется убежать, спрятать Иришку от неё.

Она выглядит не опрятно. Очень заношенные вещи. У неё, наверное, денег не осталось совсем. Хотя это не моё дело. Она замечает нас. Вот же! Она так пристально рассматривает Иришку, что становится не по себе.

Отворачиваю коляску и иду прочь. Не позволю ей приближаться к нам!

Почти бегу, так тороплюсь уйти от неё.

— Стой — её жёсткий голос раздаётся за спиной.

Останавливаюсь и резко разворачиваюсь.

— Не смейте даже приближаться к нам! К Руслану или дочери!

Она останавливается. Её взгляд становится растерянным.

— Она очень похожа на... — начинает.

— На Руслана она похожа! На Руслана! — уже не выдерживаю.

— И Никиту тоже.

— Они близнецы, естественно!

Можно взглянуть ещё раз?

— Нет! Вы кто моему ребёнку? — не могу сдержаться.

Она открывает рот, но тут же закрывает.

— Вы отвернулись от сына, когда были нужны ему! Меня вышвырнули из квартиры! А сейчас хотите увидеть внуку, для которой вы никогда не станете бабушкой? Нет! Вы ей никто, как и своему сыну!

Иришка начинает хныкать.

— Поехали домой, солнышко — говорю дочке и качу коляску вперёд. Иду не оглядываясь. Надеюсь она не станет догонять нас. Меня аж трясёт от всего.

Дома, укладываю Иришку спать и потихоньку успокаиваюсь. Может я не права? Может не стоило так? Но я очень не хочу, чтобы она опять ранила Руслана. Он только себя нормально начал чувствовать, уверенно и полноценно. С рождением Иришки у него словно крылья за спиной выросли. Мне кажется он видит в ней отражение Никиты. Он часто говорит, что Ник, улыбался так же.

Пока Иришка спит, укладываю чемодан, пытаюсь не забыть ничего. Но эта встреча с его матерью выбила из колеи.

Упаковав чемодан, приступаю к ужину.

Когда всё готово, неожиданно слышу поворот ключа в замке и выхожу в коридор.

Руслан заходит и счастливо улыбается.

— Привет — говорит шёпотом — Иришка спит?

— Спит — шепчу в ответ.

Он обнимает и целует в щёку.

— Я так соскучился — прижимается крепче.

— Я тоже — признаюсь ему — идём ужинать у меня всё готово.

— Идём — отпускает меня, и мы проходим на кухню.

Пока ужинаем не решаюсь рассказывать ему про встречу с его матерью.

Следующий час пролетает незаметно, в сборах, сборах Иришки и мы чудом не опаздываем в аэропорт.

В самолёте занимаем свои места. Иришка слава Богу спит. Просят выключить телефоны. Выключаю телефон. Руслан достаёт свой и смотрит на экран. Хмурится.

— Что-то не так?

— Странно. Представляешь, мать просит простить её за всё — его голос просаживается он ошарашенно смотрит на меня.

Надеюсь мне всё же удалось достучаться до неё хоть как-то... Лучше поздно, чем никогда...

Эпилог часть 3.2 (последняя)

Руслан.

«Руслан. Прости меня за всё.» Смс от матери.

Просматриваю ещё раз и не могу поверить, что это не глюк. Неужели сама Валерия Дмитриевна снизошла до извинений и с чего бы это? Столько времени спустя.

Выключаю телефон, так как мы взлетаем.

— Руслан, я сегодня её видела, когда гуляла с Иринкой — говорит Маришка.

Она наверняка опять гадостей наговорила моим девочкам.

— Почему не сказала?

— Я, наверное, ей грубо ответила, но к Иринке не подпустила.

Она ещё и переживает из-за этого? Совестливая моя Маришка.

— А она хотела с ней общаться? — поражаюсь ей.

— Посмотреть — отвечает тихо.

Ну конечно, кто бы мог подумать. Она ж ей Ника напомнила.

Такое ощущение, что Маришка считает себя виноватой.

— Не переживай ты молодец у меня.

— Правда?

— Ещё какая — беру за ручку — я в тебе и не сомневался.

— Мне не хочется, чтобы тебе снова было больно.

— Спасибо- сжимаю тёплые пальчики в ладони.

Спасибо родная, что оберегаешь меня.

Во время полёта Маришка засыпает. Выматывается с Иришкой. Она очень активная у нас.

После смс матери становится не по себе. Она увидела Иришку и захотела общаться. Но невозможно прошлое взять и забыть. Начать с чистого листа не получится. Тем более с человеком, который предал меня несколько раз. А после музея Никиты я очень боюсь, что у неё с головою не всё в порядке. Надеюсь она не выследила Маринку, а то будет пороги оббивать. Она же упрямая очень.

Как только разрешают включить телефоны пишу ответное смс, человеку некогда бывшему моей матерью.

«Валерия Дмитриевна! Бог простит, а я не могу, но отпускаю вас с миром и не советую приближаться к моей семье. У Иришки уже есть самая лучшая любящая бабушка и другой не будет. Ты сама вышвырнула меня из своей жизни, так чего ты хочешь сейчас? Тебя нет и не будет в жизни моей дочери! Хватит одной моей сломанной жизни! Забудь этот номер и не приближайся к дочери иначе обращай в суд. Ты ей никто, как и мне». Отправляю.

Самого аж потряхивает. Надо было всплыть ей именно сейчас. Когда в моей жизни всё более-менее наладилось. Ненавижу её за всё, через что заставила пройти. Наверное, только благодаря Марине и её маме я понял, что может и должно быть всё по-другому. Что значит семья и что значит, когда тебя любят и ценят. Роднульки мои спят рядом. Сморою на них, аж сердце сжимается. Я так счастлив, что в моей жизни появились мои кровинушки, люблю их безмерно.

Объявляют посадку и Маринка просыпается.

— Прилетели почти — говорю ей.

— Хорошо — улыбается сонно.

— Я тебя люблю — захотелось ей сказать об этом.

— А я тебя — тепло улыбается в ответ.

Мне так хорошо становится, все тревоги отходят на второй план. У меня есть она, а у неё есть я мы справимся со всем, вместе. Чего в нашей жизни только не было, и мы со всем справились. Люблю её безмерно. Мою родную девочку, что взяла за руку, когда было плохо и вывела на свет, подарила любовь, заботу и счастье, это дорогого стоит. Моя любимая, моя хрупкая и родная бабочка Маришка, которая подобно светлячку освещает и согревает мою душу. Спасибо тебе родная, особенно за нашу дочурку, нашу звёздочку Иришку.

КОНЕЦ

Больше книг на сайте - Knigoed.net